ВЕЛИКИЕ РОССИЯНЕ

Наталия Чернышова-Мельник

К. Р.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Великий князь Константин Константинович – один из самых ярких представителей дома Романовых. Поэт, произведения которого вся предреволюционная Россия знала по криптониму «К. Р.», драматург, переводчик, актер, художник, музыкант, военачальник, ученый, более четверти века возглавлявший Императорскую академию наук, гражданин своей страны…

Книга о жизни этого выдающегося человека написана на документальном материале. В ней цитируются дневник великого князя, переписка К. Р. с выдающимися деятелями русской культуры, воспоминания современников о Константине Константиновиче.

- Наталия Чернышова-Мельник
  - Предисловие
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

○ 4
○ 5

Наталия Чернышова-Мельник
К. Р.: Баловень судьбы

Предисловие

На излете XIX века, весной 1897 года, в Санкт-Петербурге на территории Петропавловской крепости начались работы по возведению Великокняжеской усыпальницы. Через несколько лет это уникальное по своему назначению и красоте здание, созданное замечательными архитекторами Д. Гриммом, А. Томишко и Л. Бенуа, по праву заняло достойное место в ряду других зданий знаменитой крепости, являющейся одним из символов города.

Освящение усыпальницы состоялось 5 ноября 1908 года[1].

А уже на четвертый день после этого события был совершен обряд погребения первого из 16 покоящихся ныне в ее склепах членов императорской фамилии – великого князя Алексея Александровича. Через три месяца состоялось захоронение великого князя Владимира Александровича.

Над каждым из них находилась уложенная вровень с полом надгробная мраморная плита в бронзовой раме, обнесенная фризом из серого мрамора. На подножии с золоченым крестом был укреплен киот с образом Богоматери. Перед иконой висела лампада. В изголовье отливал позолотой знак ордена Св. Георгия.

Именно так предполагалось оформить и захоронение одного из выдающихся представителей дома Романовых – великого князя Константина Константиновича, скончавшегося 2 июня 1915 года в Павловске. Его похороны в Великокняжеской усыпальнице стали последними перед катастрофой, разразившейся в октябре 1917-го…

На следующий день после кончины родственника император Николай II повелел срочно «приготовить для погребения тела в Бозе почившего великого князя Константина Константиновича место в усыпальнице при придворном Петропавловском соборе…» Проект подножия для могилы был подготовлен к концу 1915 года, а 22 января 1916 года император разрешил установить ее на могиле по рисунку, одобренному августейшими родственниками. 14 апреля владелец фирмы «А. Моран» Э. Гакер подписал контракт, в соответствии с которым обязался выполнить работу в течение 1 года 8 недель, «считая со дня выдачи архитектором наряда». Но…

Россия стояла на пороге невиданных доселе политических бурь. Потрясения, выпавшие на долю народа, не могли, конечно, не сказаться и на выполнении заказа для усыпальницы. Второй год шла война, и темпы работ, не связанных с нуждами фронта, резко снизились. Цены на материалы постоянно росли, сами они

были теперь дефицитными, а порой и просто недоступными. Неудивительно, что только на изготовление могильных подножий фирме потребовалось более полугода.

27 февраля 1917 года в столице началась революция, вошедшая в историю под названием Февральской, и уже через несколько дней, 2 марта, император Николай II отрекся от престола. Следующий день, 3 марта, когда его младший брат великий князь Михаил Александрович, бывший около суток последним русским императором, тоже подписал Манифест об отречении, стал последним в истории самодержавия.

Сотрудники фирмы «А. Моран» еще три месяца продолжали выполнять заказ теперь уже бывшего Дворцового управления. Но в самый разгар отливки и сборки подножий на фабрике новой властью было принято решение «немедленно ликвидировать заказ на изготовление постав для гробниц в Петропавловском соборе». Работы прекратили, и все, что успели сделать умельцы, поступило на хранение в музей усыпальницы.

Надо отдать должное членам Временного правительства: никто из них не покушался на находившиеся здесь ценности и не глумился над прахом усопших. Акт вандализма был совершен чуть позже – большевиками. Именно они разграбили и разгромили Великокняжескую усыпальницу, стараясь стереть из памяти народной само воспоминание о покоящихся здесь представителях «ненавистного царизма». Лишь спустя многие годы, при вскрытии полов во время ремонта, в прекрасном некогда мавзолее были обнаружены осколки плит некоторых захоронений.

Но справедливость, пусть и с опозданием на несколько десятилетий, все-таки восторжествовала. По чудом сохранившимся фрагментам на могиле великого князя Константина Константиновича была воссоздана надгробная плита из каррарского мрамора. На ней выбит текст:

Его Императорское Высочество
Благоверный Великий Князь
Константин Константинович

Родился
в г. Стрельне 1858 г. августа 10-го дня
Скончался
в г. Павловске 1915 г. июня 2-го дня
Погребен 1915 г. июня 8-го дня

Церемония торжественного открытия восстановленной надгробной плиты состоялась 15 июня 1997 года. Тогда же рядом

с ней установили памятную табличку, воздающую должное благотворителям:

Вечная память
августейшему отцу всех российских кадет
Его Императорское Высочество
Великий Князь
Константин Константинович
начальник военно-учебных заведений (1900–1910)
инспектор военно-учебных заведений (1910–1915)
Чтущие его светлую память
благодарные кадеты
(надгробная плита восстановлена
зарубежными кадетами в 1977 году)

Почему памяти великого князя Константина Константиновича отдают дань глубокого уважения кадеты, да еще зарубежные? Кем был этот человек, земной путь которого оказался не столь уж и долгим – неполных 57 лет? Поэт, которого вся предреволюционная Россия знала под псевдонимом К. Р., художник, музыкант, военачальник, ученый, более четверти века возглавлявший Императорскую академию наук, гражданин своей страны… Трудно поверить, что все это могло столь счастливо сочетаться в одном человеке. Кажется – подобное невозможно! И все же здесь нет никакого вымысла, преувеличения. Природа оказалась очень щедрой, наделив многочисленными талантами и прекрасной, возвышенной душой этого человека – Константина Константиновича Романова.

Страницы его удивительной жизни запечатлены в дневнике, который великий князь вел в 1874–1915 годах. 64 тетради записей, сделанных его рукой, – это беспристрастное свидетельство эпохи, в которую ему довелось жить, творить и любить. После его смерти, согласно духовному завещанию, рукописи поступили на хранение в архив Императорской академии наук и не подлежали вскрытию в течение девяноста лет.

Но предсмертная воля автора дневника была грубо, кощунственно нарушена. Большевики, ставшие в 1917 году по злой воле рока владельцами всего наследства Российской империи, посчитали, что «революционная воля народа» не потерпит отныне никаких личных и государственных тайн. Ни о какой щепетильности и уважении к памяти человека, оставившего глубокий след в русской истории, речи не было. Как и об установленных им самим сроках давности. Таким «пустякам» вожди революции значения не придавали.

Согласно воле автора дневника, великого князя Константина Константиновича, опечатанный ящик, ключи от которого хранились в кассе правления Академии наук, должны были быть неприкосновенны до 2005 года. Но ящик этот взломали значительно раньше – в 1929 году, когда правительственная комиссия проводила ревизию в Академии наук. После этого выдержки из дневника К. Р. были напечатаны в журнале «Красный архив» и стали достоянием «пролетарской общественности». Прежде всего это были записи, сделанные в период первой русской революции, в 1905 году. Конечно, негативного свойства. В журнале была также дана уничижительная характеристика великого князя: «Его умственный кругозор сложился в гвардейской казарме». А ведь Константин Константинович получил блестящее образование и авторитет его был необычайно высок в дореволюционном российском общественном мнении! Знала его и просвещенная Европа. Недаром шведский король Оскар известил в 1902 году этого замечательного человека об избрании его почетным членам Стокгольмской академии наук.

…Об остальных разделах дневника Константина Константиновича Романова, громадного по объему, редколлегия журнала «Красный архив» отозвалась следующим образом: «Большую часть его составляют записи различных мелочей». Но нас-то как раз и интересуют эти самые «мелочи». Ведь именно из них, как из кусочков мозаики, складывается жизнь – подлинная, а не мнимая. Сегодня мы уже можем, не нарушая волю покойного, прочитать его дневник, попытаться понять его судьбу, восхититься творчеством и многими добрыми делами во славу России. Сделать выводы – в очередной раз – о роли незаурядной личности в истории.

Итак…

Глава первая
Истоки

Недалеко от Санкт-Петербурга, на южном берегу Финского залива, при впадении в него речки Стрелки, находится небольшой поселок Стрельна. Место это имеет богатую историю. Началась она в далеком уже 1626 году, когда здесь было основано имение учителя шведского короля, генерал-губернатора Ливонии, Ингрии и Карелии барона Иоханна Шютте.

В начале XVIII века эти исконно русские земли вновь вошли в состав Российского государства. Петр Великий, плененный красотой Стрельны, решил основать здесь свою резиденцию – «русскую Версалию». В его планы входило воздвигнуть дворец, украсить прилегающую к нему территорию фонтанами и каскадами, соорудить неподалеку морскую пристань. Пусть радуются подданные и завидуют иноземцы!

В походных журналах Российского самодержца первое упоминание о Стрельне относится ко 2 ноября 1706 года, а 27 мая 1710-го появляется запись, что государь «в Стрелиной изволил по плану рассматривать место палатному строению, садам и паркам».

В течение нескольких лет были построены небольшой дворец, церковь, оранжереи, сады, огороды, пчельник и древесный питомник.

В дальнейшем дворцом в Стрельне и прилегающей к нему территорией пользовалась императрица Елизавета Петровна, а потом и Екатерина II. С течением лет менялись хозяева, а сам дворец и парк претерпели значительные изменения.

После смерти очередного владельца поместья, великого князя Константина Павловича, дворец перешел к его племяннику и тезке – великому князю Константину Николаевичу, второму сыну императора Николая I. 30 августа 1848 года состоялось его бракосочетание с Фредерикой Генриеттой Паулиной Марианной Елизаветой, дочерью герцога Иосифа Саксен-Альтенбургского. Перейдя в православие, она стала именоваться великой княгиней Александрой Иосифовной. В годовщину бракосочетания великокняжеской четы Константин Николаевич вступил в полноправное владение всеми своими имениями. Стрельнинский дворец с тех пор стал называться Константиновским.

Именно здесь у великокняжеской четы и родился второй сын Константин. Радостное для родителей и всех родственников событие произошло 10 августа 1858 года. А через полтора месяца,

26 сентября, столица Российской империи возвестила колокольным звоном и многократным пушечным салютом о крещении младенца, восприемниками которого стали император Александр II и императрица Мария Александровна.

Отец и мать души не чаяли в малыше, который лежал пока в колыбели, ничего не ведая об окружающем его мире. Первые неясные впечатления о нем – любящие лица родителей, многочисленной прислуги и доброй нянюшки Варвары Петровны Михайловой. Несколько позже любимым наставником мальчика вплоть до совершеннолетия станет лейтенант Александр Ильич Зеленый. О том, насколько Константин Константинович ценил и любил этих двух близких ему людей, красноречиво свидетельствует такой факт: когда в 1902 году в Санкт-Петербурге появилась посвященная ему книга Г. Нелюбина «К. Р. Критико-биографический этюд», он собственноручно написал их имена на полях рукописи автора.

А пока… Пока маленького великого князя холили и лелеяли. Но в самом начале жизни его подстерегали те же испытания, которые приходилось преодолевать и миллионам других малышей. Вот случилось первое горе – резался зуб, и крохотному несмышленышу было так больно, что он отчаянно, горько плакал. А потом обрушилась на него первая в жизни болезнь – ветряная оспа. Вокруг то и дело слышались вздохи и причитания, его усиленно лечили… И вскоре недуг отступил.

Когда родился *Костюха*, или *Костюшка*, как ласково называл его отец, великий князь Константин Николаевич перешагнул сорокалетний рубеж и был главой большого семейства. У них с женой подрастали сын Николай и две дочери – Ольга и Вера. А теперь в семье появился еще один мальчик, которого, как и отца, назвали в честь равноапостольного царя Константина. И этот малыш сразу же стал любимцем Константина Николаевича, хотя он и старался не показывать этого старшим детям – не хотел никого из них обижать. После него в великокняжеском семействе родились еще два сына – Дмитрий и Вячеслав. Но младший умер совсем юным, а со старшим сыном, красавцем и любимцем матери Николаем, произошла беда, ставшая причиной его отлучения от императорского семейства. В юности он совершил серьезный проступок – похитил бриллианты из оклада иконы, которую его матери подарил свекор, император Николай I. Великого князя Николая, или *Николу,* как его звали в семье, поймали с поличным, и судьба его была решена на всю жизнь. Николая Константиновича официально объявили больным, отправили в ссылку и лишили всех прав первородства. В силу

сложившихся драматических обстоятельств они перешли ко второму в семье сыну – Константину. Повзрослев, великий князь так напишет в дневнике о старшем брате:

Его здоровье, нрав, положение в свете и неопределенная будущность несовместимы с великокняжеским достоинством.

Великий князь-отец, бывший личностью волевой, незаурядной, лишь только выдавалось свободное время, с удовольствием проводил его в кругу семьи – с супругой Александрой Иосифовной и детьми. Конечно, *Костюху* в свет пока не вывезешь, но с женой и старшими детьми Константин Николаевич то и дело посещает театр, отправляется, чтобы развлечь малышню, в зверинец, а дома играет с родными на *фортепьянах*, порой даже принимает участие в домашних спектаклях. Он стремится к духовной близости с детьми, надеется, что она поможет им выстоять в будущих житейских бурях.

Не забывают здесь и о молитве. Вся семья часто собирается в часы обедни в домовой церкви.

Как драгоценны эти минуты, когда рядом – дорогие, любимые люди! Особенно хорошо это понимаешь, когда времени на общение с близкими не так уж много. Великий князь Константин Николаевич – личность глубокая, незаурядная – был просвещенным государственным деятелем, одним из виднейших реформаторов своей эпохи. Трудно не согласиться с его внуком, князем императорской крови Гавриилом Константиновичем, который напишет спустя годы, в эмиграции, в воспоминаниях «В Мраморном дворце», что дед его был «одним из культурнейших людей своего времени… самым умным и образованным из лиц императорской фамилии».

На формирование характера Константина Николаевича, воспитание в его душе лучших человеческих свойств с раннего детства оказывали большое влияние два замечательных человека – прославленный русский поэт Василий Андреевич Жуковский, который многие годы занимался со всеми детьми императора Николая I, и гувернер – капитан I ранга Федор Петрович Литке. Судьбы этих людей навек оказались тесно переплетены.

Когда состоялось назначение опытного мореплавателя Ф. П. Литке воспитателем великого князя Константина Николаевича, мальчику исполнилось всего пять лет. Ученый-путешественник, чьи изыскания получили широкую известность среди моряков и в академических кругах, фактически призван был исполнять роль няньки-воспитателя. На первый взгляд это может показаться обидным, даже унизительным. Но если вдуматься, цель перед ним

стояла наиважнейшая – воспитать сына императора как будущего главу русского военно-морского флота. Почетная, ответственная задача!

Насколько серьезно и глубоко Федор Петрович Литке подошел к ее решению вместе с Василием Андреевичем Жуковским, можно судить по письмам обоих наставников, адресованных мальчику, а впоследствии – юноше.

Переписка Ф. Литке с его питомцем началась в 1839 году, когда Федор Петрович, нуждаясь в лечении, отправился в Европу. Мальчику в ту пору было двенадцать лет. Четыре месяца они находились в разлуке, и наставник регулярно писал Константину из разных мест обо всем понемногу: о состоянии своего здоровья, о впечатлениях во время путешествия, о самых разных достопримечательностях.

Когда Федор Петрович вернулся в Санкт-Петербург, он предложил своему питомцу, несмотря на то что они жили в одном дворце, продолжить переписку. Зачем? У педагога были далеко идущие планы – приучить мальчика к «письменному штилю», научить его обдумывать собственную жизнь, давать отчет в совершенных поступках, выделять в них самое главное… В эту несомненно полезную игру был чуть позже вовлечен и В. А. Жуковский. Вот отрывок из письма самого Жуковского воспитаннику – великому князю Константину Николаевичу:

> …переписка… дает нам средство сделать теснее тот союз, который уже произвели между нами обстоятельства, так сказать, без нашего участия. Теперь этот союз может сделаться произвольным, основанным на согласии мыслей и чувств, словом, может быть дружеским союзом…

Зерна, посеянные двумя талантливыми педагогами и замечательными людьми, дали добрые всходы. Великий князь Константин Николаевич стал выдающимся государственным деятелем и реформатором своей эпохи.

Но была в его характере черта, которая очень вредила в жизни, настраивала многих людей против него: с юных лет Константин Николаевич выделялся среди своего окружения пылкостью, горячностью, часто не умел сдерживать эмоции. По меткому выражению одного из сановников эпохи царствования Николая I – настоящий «паровик». Но досадные промахи бывают у многих, особенно в юности. Главное же – Константин Николаевич был человеком чести и совести. И об этом говорят многие факты его биографии.

…С рождения он был предопределен к морской службе и, как

вспоминал его ближайший помощник А. В. Головнин, «не на словах любя величие и славу флота, а ища только его пользы», он всей жизнью оправдал свое предназначение. В значительной степени благодаря его неустанным трудам на Черном море был возрожден российский флот, уничтоженный во время Крымской войны.

Но генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич занял достойное место в российской истории не только как замечательный военачальник, управляющий Морским министерством, но и как многолетний председатель Государственного совета. Он успешно помогал своему венценосному брату Александру II в проводимой им реформаторской деятельности, был одним из тех, кто ратовал за освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Заботы о родной стране – главное дело его жизни. Свидетельством тому, как глубоко, искренне великий князь Константин Николаевич болел душой о судьбе России, служит его письмо князю А. И. Барятинскому от 24 июня 1857 года:

> …необходимо изыскать новые и притом колоссальные источники народного богатства, дабы Россия сравнялась в этом отношении с другими государствами, ибо мы не можем далее себя обманывать и должны сказать, что мы и слабее, и беднее первостепенных держав и что беднее не только матерьяльными способами, но и силами умственными, особенно в деле администрации.

То и дело опасения за судьбу страны высказываются в его дневниковых записях, дошедших до наших дней. Вот одна из них, сделанная 27 июня 1859 года:

> Наше положение страшное. Дай бог, чтоб наконец глаза раскрылись и чтоб перестали действовать обыкновенной нашей манерой – полумерами, а приняли наконец пусть болезненные, но решительные меры.

Великий князь чувствует, понимает, что главный в стране вопрос – крестьянский – давно назрел, и решать его нужно незамедлительно. И вот в 1861 году, 19 февраля, императором Александром II был подписан, а 5 марта, в Прощеное воскресенье, объявлен русскому народу Манифест об освобождении крестьян. Настал поворотный момент в деле уравнения прав и обязанностей разных сословий Российской империи. И именно великий князь Константин Николаевич был тем человеком,

который помог своему венценосному брату выбрать правильный исторический путь.

Следует также заметить, что государственные заботы не мешали увлечению младшего брата императора искусством. Он неустанно покровительствовал талантливым русским писателям, художникам, музыкантам. При его активном содействии издавался «Морской сборник», в котором печатались произведения таких замечательных мастеров слова, как И. Гончарова, А. Островского, А. Писемского, Д. Григоровича, В. Даля…

В 1858–1859 годах благодаря великому князю Константину Николаевичу состоялись длительные морские путешествия известных литераторов А. Майкова и Д. Григоровича, способствовал он и плаванию И. Гончарова на военном фрегате «Паллада». А личные впечатления, как известно, незаменимый, ни с чем не сравнимый источник вдохновения для людей, посвятивших жизнь творчеству… Недаром историк литературы академик А. В. Никитенко так отзывался об этом замечательном человеке:

> Великий князь пользуется репутацией защитника и главы партии всех мыслящих людей – главы так называемого прогресса.

Под стать великому князю Константину Николаевичу была и его супруга – великая княгиня Александра Иосифовна. Среди современников она славилась не только незаурядным умом и остроумием, но и редкой красотой, обаянием. В молодости она была настолько хороша собой, что однажды невольно, одним лишь своим видом, сумела предотвратить покушение на ее мужа. Террорист-поляк, собиравшийся убить великого князя, в то время наместника царства Польского, отказался от своих преступных намерений, увидев в экипаже рядом с ним великую княгиню, ожидавшую ребенка. По его собственному признанию, он не смог погубить такую красоту.

Фрейлина императорского двора А. Ф. Тютчева, дочь знаменитого русского поэта, так пишет о ней:

> Великая княгиня изумительно красива и похожа на портреты Марии Стюарт. Она это знает и для усиления сходства носит туалеты, напоминающие костюмы Марии Стюарт… Ее муж в нее очень влюблен, а государь (Николай I. – *Авт.*) к ней весьма расположен…

Отечественные историки многие годы незаслуженно

обходили вниманием личность Александры Иосифовны. А ведь она была не только любящей женой и заботливой матерью, но и одной из выдающихся женщин России второй половины XIX века.

В 1852 году великая княгиня Александра Иосифовна стала действительным членом совета Санкт-Петербургского женского патриотического общества, которое способствовало облегчению участи сирот, вдов, больных и пожилых женщин, создавая для них приюты, больницы и богадельни. Возглавив его в 1894 году, Александра Иосифовна ходатайствует об образовании комитета для распределения пожертвований, собранных в пользу семей моряков, погибших на броненосце «Русалка».

Кроме активной деятельности в Женском патриотическом обществе великая княгиня четверть века руководила Санкт-Петербургским советом детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии. Особое внимание Александра Иосифовна обращала на постановку воспитания, школьного и профессионального образования детей. При ней в приютах были введены новые учебные программы, большое внимание стали уделять рисованию, черчению, ручному труду. Если же после окончания обучения воспитанников не забирали к себе родные, то им всегда находилась работа в различных мастерских.

Но заботилась Александра Иосифовна не только о призреваемых детях, но и о приютских служащих и воспитателях. По ее ходатайству почти две тысячи работников приютов получили право на пенсию из средств Государственного казначейства не только в столице, но и во всех городских детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии.

Велик вклад Александры Иосифовны и в военно-патриотическую работу. Во время войны 1877–1878 годов она отдает все свои силы для облегчения страданий раненых и больных, становится почетным попечителем Кронштадтской общины сестер милосердия общества Красного Креста, чтобы «введением в Кронштадтский морской госпиталь сестер милосердия содействовать успокоению больных и раненых, имевших быть помещенными в этот госпиталь». Как один из попечителей общества Красного Креста, великая княгиня организует санитарные склады, закупает медикаменты, перевязочные материалы, оборудование для фронтовых госпиталей…

С любовью и трепетным вниманием относилась она к музыке и русским музыкантам. Великая княгиня взяла под свое покровительство императорское Русское музыкальное общество, учредила фонд имени А. Г. Рубинштейна, выдающий пособия для лучших учеников музыкальных училищ, которые стремились

завершить образование в консерватории. Тем же, кто оканчивал курс в консерватории с отличием, предоставлялась возможность совершить заграничное путешествие, чтобы ознакомиться с выдающимися зарубежными артистами, их исполнительской манерой.

Как видим, великая княгиня Александра Иосифовна много времени и сил отдавала благотворительной деятельности, верой и правдой служила делу милосердия. Заботясь об обездоленных людях, открывала для них приюты и лечебницы. Принимая близко к сердцу нужды культуры, основывала школы, библиотеки, благотворительные фонды, помогая молодым талантам – во славу России.

Могли ли дети таких родителей оставаться безразличными к чаяниям и бедам своего народа, Отечества? Думаю – вряд ли.

Активная жизненная, а если уточнить – либеральная позиция, которую занимал в предреформенные годы великий князь Константин Николаевич, сыграла с ним злую шутку. В консервативных кругах его стали называть не иначе, как «красный». Множились интриги, доставлявшие немало хлопот. Даже брат-император оказался не всесилен и не смог защитить Константина должным образом от злопыхателей. Поэтому Александр II решил поступить весьма дипломатично: желая выждать время и разрядить атмосферу при дворе, он отправляет младшего брата в долговременное путешествие по Средиземному морю. Уезжая в эту почетную ссылку, великий князь Константин Николаевич делает 8 октября 1858 года в дневнике такую запись:

> День отправления. Грустное, раздирающее прощание с детьми, особенно с маленьким Костей, которому 8 недель и который так ужасно мил.

Думается, очень тяжело было прощаться с детьми и матери, Александре Иосифовне. Но ее долг – быть вместе с мужем. Великокняжеская чета почти на год покидает Санкт-Петербург.

Маленький Константин и его старший брат Николай были перевезены в Зимний дворец и взяты под опеку царственного дяди и его супруги. Но реально за ними присматривает няня, которую в семье любовно называют Вавой. Несколько позже появится еще одна нянюшка – Атя. Обе они многие годы будут жить в великокняжеской семье, воспитывать детей, а потом и внуков. И станут родными, любимыми, обожаемыми.

…Наконец родители вернулись. Дети подросли, у каждого из них проявляется свой характер. Отец любовно оглядывает каждого из малышей, но дольше всех останавливает взгляд на

Костюхе. Вроде бы обыкновенный мальчик, совсем еще маленький, о возможных способностях и талантах рано говорить, но Константин Николаевич сердцем чувствует: у малыша нежная, трепетная душа. С такой и *судьба* бывает необычной… Впрочем, 10 августа 1860 года отец записывает в дневнике:

> Нашему ангелу, Костюхе, минуло сегодня два года, и его в первый раз одели в русскую рубашку, в которой он был ужасно мил, и здешняя артиллерия подарила ему артиллерийскую фуражку.

Конечно, с младых ногтей великого князя приобщают к воинству. А как же иначе?

Жизнь размеренная, неторопливая протекает в прекрасных дворцах, возведенных гением величайших архитекторов и руками простых русских мужиков. Летом великокняжеская семья живет в Павловске или в Стрельне, а зимой – в Мраморном дворце, окнами выходящем на Неву. Ее «державное теченье» вселяет уверенность в будущем. А напротив, за Невой, красуется Петропавловская крепость, пушки которой возвещают о рождении каждого Романова. Здесь – их мир, неповторимый и незыблемый. Именно так кажется маленькому мальчику, который, словно оранжерейный цветок, растет в атмосфере родительской любви, почитания окружающих, роскоши и комфорта.

Ребенок с готовностью подчиняется течению этой жизни. Каждый день начинается с молитвы – в своей комнате. Но это в будни. А в праздники вся семья отправляется в храм, где собирается все августейшее семейство, придворные. Здесь мальчик переживает счастливейшие минуты единения с Богом. Память о них он будет хранить в душе всю жизнь. Об этом красноречиво свидетельствует его дневник и многие из стихов, написанных в дальнейшем.

У маленького *Костюхи* появляются первые друзья-сверстники – великие князья Сергей и Павел, сыновья императора Александра II. К двоюродным братьям, или кузенам, как принято тогда было говорить, он ездит в гости всякий раз, когда отец навещает брата-императора. Дружной компанией они посещают вместе с родителями военные смотры, парады, торжественные обеды во дворцах. Смотрят, слушают, впитывают ауру всего того, чем дышит высший свет. Ведь им, когда вырастут, самой судьбой предопределено жить по этим раз и навсегда установленным законам.

Но порой строгости отступают на задний план, и в свои права вступают радости жизни: обычное катание с родителями, братьями и сестрами в карете превращается в загадочное,

волнующее путешествие. Папенька рассказывает что-то интересное, маменька ласково улыбается, дети хохочут. Вот это и есть счастье – простое, обычное, которое в детстве не променяешь ни на что. А катание на коньках, санках, посещение театров, где «ложи блещут» и каждый раз происходит непостижимое умом таинство, летние купания в пруду или в Финском заливе, игры в карты, шахматы!.. Это тоже мир, который, возникнув в раннем детстве, согревает потом душу всю жизнь.

Но вот пришло время великому князю учиться. Маленькому Константину всего пять лет, но режим дня у него очень строгий: встает он рано и, помолившись и позавтракав, принимается под руководством учителей и воспитателей постигать науки. Конечно, его стараются не перегружать, и уроки чередуются с прогулками и занятиями спортом, играми. Но родители непреклонны в своем стремлении передать сыну те духовные богатства, которыми владеют сами. Именно с пяти лет его начинают обучать игре на фортепьяно, виолончели, иностранным языкам. Этому посвящаются часы. Но мальчик не ропщет, он с готовностью впитывает новые знания, звуки – как губка. Особая радость для него – играть с отцом на фортепиано в четыре руки.

Его явные способности к гуманитарным наукам, все возрастающий интерес к искусству отмечают все учителя. А в их числе – известные русские историки, к мнению которых следует прислушаться: О. Шиховский, К. Бестужев-Рюмин, С. Соловьев. Теорию музыки Константину преподает Г. Ларош, а первые уроки рисования дает художник С. Никитин. Кстати, пройдет всего несколько лет, и юный художник с увлечением начнет заниматься портретной живописью, копировать картины старых итальянских мастеров. И пусть первые опыты выдают пока руку ученика, по всему чувствуется – способностей и упорства ему не занимать.

Художественному воспитанию, включающему в себя не только практические занятия под руководством опытных педагогов, но и посещение разнообразных выставок, концертов, театральных постановок, чтение – часто вслух, в кругу семьи, – отводилось в великокняжеской семье очень большое место. Родители и воспитатели тщательно, с любовью и знанием дела подбирали для юного великого князя книги, стараясь как можно лучше познакомить его с шедеврами мировой литературы, причем в подлинниках.

С самых ранних лет Константину стремились дать не только практические знания в области самых разных наук, но и воспитать из него высококультурного, тонко чувствующего и понимающего искусство человека. Несомненно, зерна были

брошены в благодатную почву.

Конечно, не забыты и общеобразовательные предметы, входившие в курс классической гимназии. Русский язык и литература, математика, география, биология, Закон Божий… Учебный день мальчика распланирован буквально по часам. Расписание его занятий сохранилось до наших дней, и мы можем судить о том, что с детских лет он действительно был очень занят:

9–10 – фортепьяно
10–11 – чистописание
11–12 – Закон Божий
12–12.30 – завтрак
12.30–14 – прогулка
14–15 – английский язык
15–16 – французский язык
16–17 – русский язык
17–17.45 – гимнастика
18 – обед

Особое, очень важное место в ежедневных занятиях занимает практическое чистописание. Великий князь должен был не только грамотно и ясно излагать свои мысли, но и красиво писать. Слушая наставления педагогов, Константин очень старался, и впоследствии у него выработался красивый, четкий, аккуратный почерк. Любо-дорого посмотреть на записи, сделанные рукой мальчика, юноши, а впоследствии – сложившегося, взрослого человека!

Эти записи – прежде всего дневник великого князя Константина Константиновича. Потребность фиксировать на бумаге события жизни, мысли об окружающей действительности, людях – явно от отца. И он день за днем, еще подросток, делает зачастую пространные, полные лиризма записи о своей жизни. Именно они главные свидетельства его увлечений и занятий.

В январе 1874 года Константин посещает вместе со своим учителем рисования С. Никитиным передвижную выставку картин в Императорской академии художеств. В дневнике появляется запись о лучшей, по его мнению, картине – «Императрица Екатерина у гроба Елизаветы Петровны». Автор – Николай Ге.

Впечатление от выставки оказалось настолько сильным, что юноша вскоре пишет маслом первую свою картину. В дальнейшем он будет не раз еще создавать живописные полотна. Уже будучи взрослым, во время службы в армии, он создаст с натуры немало портретов солдат, служивших в его полку.

Любовь к театру, привитая родителями с самого раннего

детства, тоже находит выражение в дневнике. То и дело можно увидеть записи типа: «Папа вечером взял нас в оперу „Юдифь“ покойного Серова». Или: «Вечером давали „Лоэнгрин“, и я не был, к своему страшному отчаянию». Заметим, какая же тонкая и чуткая душа была у этого юноши: не смог посетить по какой-то причине спектакль, и – отчаяние! Не удивительно, а, скорее, закономерно, что уже в юном возрасте у великого князя проявилась склонность к литературным занятиям. В двенадцать лет он пишет к именинам родителей и остальных родственников поздравительные стихи, а затем сочиняет к ним музыку! Не вызывает никаких сомнений: эти подарки очень нравились тем, кому были адресованы.

4 октября 1874 года в дневнике Константина появляется такая запись:

> Я перевожу… «Бориса Годунова» Пушкина в стихах… на английский язык. Сначала у меня не шло, потому что я не знал, что нужен размер; но потом, взяв размеры некоторых стихов 10 слогов, а другие 11, – дело пошло на лад. Это очень весело.

…Учится Константин старательно, им не нарадуются родители и учителя. Но, несмотря на явные успехи, сам он не всегда доволен собой. Душу порой точит мысль, что нет у него должной любви к учебе. Конечно, он слишком строг к себе. Но ведь это свойство тонких, художественных натур. Именно неуспокоенность, недовольство собой, постоянное стремление к самосовершенствованию и приводят к блестящим результатам. Только мальчик об этом пока не знает…

Со временем к изучаемым им дисциплинам прибавились физика, химия, навигация, всемирная история, еще несколько предметов, которые отец посчитал необходимыми для всестороннего образования сына. Но беда состоит в том, что, постигая новое, юноша по-прежнему остается равнодушным к учебе. Задания учителей он выполняет добросовестно, но душа-то молчит! Ему хочется чего-то непонятного, возвышенного. Истинную радость в юные годы он находит, пожалуй, лишь в православной религии. Подобно отцу, Константин рос набожным, по велению сердца выполнял все обряды, следовал всем христианским обычаям. Кроме дворцовой церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы он регулярно посещает Исаакиевский и Казанский соборы, Петропавловскую крепость. Вот как описывает он в дневнике церковную службу, проходившую в Крещение 1874 года:

> …Государь приказал быть мне и братьям сегодня во фрунте в залах Зимнего дворца, в кирасирских мундирах… Приехали в Зимний и пошли в Гербовый зал, меня и Митю поставили с малыми конногвардейскими солдатами, а Славу с кавалергардами. Когда государь с *Prince of Wales* (принц Уэльский. – *Авт.*) пришел к обедне в большую церковь, и нас туда погнали. Обедню служил митрополит. Как мне понравилась эта служба.

К Богу юный великий князь обращается множество раз – как в молитвах, так и в дневнике. Своими сомнениями делится с ним и относительно учебы. Невозможно читать без теплой улыбки такую вот запись юноши, сделанную 23 марта 1876 года:

> Я так люблю Господа, так мне хотелось бы изъявить Ему свою любовь. Тут внутренний голос говорит: «Занимайся астрономией, исполняй свой долг…» Неужели в астрономии долг?

Юноше вот-вот должно было исполниться восемнадцать лет, когда он завершил домашнее образование. Учиться же дальше, в высших учебных заведениях, членам императорской фамилии было в ту пору строжайше запрещено. Поэтому великому князю Константину пришлось сдавать экзамены специально созванным в Павловск учителям в одиночестве. Так спокойнее…

Педагоги вынесли вердикт: знания по изученным предметам у Константина неплохие. Правда, он смог ответить не на все вопросы по предметам естественно-научного цикла, зато блеснул познаниями в иностранных языках и очаровал всех тонким слухом и умением прекрасно музицировать. Что ж, потраченные на учебу годы прошли не напрасно.

Родители вздыхали, невольно обращая взгляды на Запад. В Европе отпрыски королевских династий не останавливались, как правило, на домашнем образовании. Они оканчивали престижные колледжи, университеты и имели неплохие шансы стать со временем толковыми специалистами в той или иной области. Но Россия – совсем иное дело, здесь членам императорской фамилии от рождения был предначертан особый путь. Мужчинам – воинская служба. Так исстари повелось, стало традицией. И другого пути быть не может.

Правда, великий князь Константин Николаевич, сам человек образованный, высококультурный, никак не мог отогнать назойливую мысль: может быть, все-таки *Костюха,* которого с раннего детства приобщали к сокровищам русского и мирового искусства, не остановится в своем желании учиться дальше и

займется самообразованием? Ведь возможности для этого есть, стоит только захотеть…

Глава вторая
На море и на суше

Отец, беспредельно преданный морскому делу, считал, что и сын должен посвятить свою жизнь российскому флоту. Летом 1870 года, когда мальчику не исполнилось еще и двенадцати лет, строгий родитель впервые отправляет его в учебное плавание по Балтийскому морю на фрегате «Громобой», который входит в состав учебной эскадры Морского кадетского корпуса. С тех пор участие в морских учениях становится ежегодной обязанностью великого князя Константина.

Зачем же Константин Николаевич отправил сына в рискованное путешествие в столь нежном возрасте? Во-первых, маленький *Костюха* рос среди роскоши как оранжерейный цветок. А это не дело, он ведь мужчина и должен будет служить Отечеству. Народ свой юноша видел на расстоянии, причем значительном, и неведомы ему были чаяния простых людей. А ведь именно на них Россия держится! Вот пусть и познакомится поближе на корабле со своими сверстниками, узнает, чем они живут и дышат.

Была и другая причина, которая подтолкнула отца пойти на непростой для семьи шаг. Еще в конце 1850-х годов российские корабли начали совершать в составе Средиземноморской эскадры заграничные и даже кругосветные плавания. Инициатором их был генерал-адмирал Константин Николаевич, который видел в этих плаваниях большую пользу как для отечественного флота, так и для России в целом. Он считал, что за границей «мы подсмотрели… многое хорошее и дельное», а также «получаем возможность оценить наше собственное состояние, только в этих плаваниях мы в состоянии учиться нашему прекрасному ремеслу… Нам надо многому еще учиться и учиться, потому что мы еще большие дети. Много было у нас неудач, много еще их будет. Но не дай бог от них унывать или приходить в отчаяние».

Он, конечно, во многом был прав. И сын, общаясь с людьми простыми, далекими от придворной жизни, получал массу новых впечатлений, знаний, и по-мальчишески радовался возможности почти неограниченного общения со сверстниками. Насколько нравилась ему простая жизнь на корабле, можно судить по записи, сделанной в дневнике 4 июня 1870 года:

> Я встал в половине восьмого и, одевшись, пил чай. Конечно, не один, а с адмиралом и Шурой (это мой

товарищ, одних лет со мной). Потом я с Шурой полез на марс. Мы отлично выпачкались смолой. Тут теперь у меня совсем другая жизнь.

Конечно, здесь у него совсем другая жизнь – не та, что в родительских дворцах, где многочисленные слуги стараются исполнить малейшее желание мальчика! Вместе с окружающими его сверстниками Константин учится грести, порой натирая себе веслами на руках мозоли, правильно пользоваться сигнальными флажками… Иногда ему даже позволяют постоять на вахте или принять участие в такелажных работах. В такие минуты он чувствует себя совсем взрослым. Когда же корабль встает на якорь, двенадцатилетний великий князь не может удержаться от соблазна спуститься с друзьями на берег и собрать в лесу, неподалеку, спелую землянику. Она ведь такая вкусная, душистая!

В последующие годы Константин вместе с воспитанниками Морского кадетского корпуса принимает участие в плавании на учебных судах «Гиляк» и «Жемчуг». Предмет особой его гордости – назначение в дни царского смотра учебной эскадры рулевым императорского катера.

…Каждое лето суда входят в зарубежные порты. За бортом мелькают города, разные страны. Мальчик, сойдя на берег, не раз беседует с местными жителями, прислушивается к их разговорам на улице, в магазинах. Языкового барьера для него не существует – ведь иностранным языкам его обучали буквально с младенчества. Как-то в одном из портов он познакомился с хозяином суконной фабрики, тот пригласил его к себе на производство и устроил там экскурсию. Там великий князь увидел собственными глазами, как из шерсти получают сукно. Вот так, постепенно, и расширяется его кругозор.

Конечно, служба Константина на корабле проходит намного легче, чем у товарищей. Они понимают, что у великого князя – особое положение, даже на обед командир фрегата приглашает его в свою каюту. Не занимается он, как другие, и черной работой. В Копенгагене, например, его приглашает в гости датский король, в то время когда команда корабля загружает в трюмы уголь и продовольствие. В Лондоне Константин почетный гость в Букингемском дворце, кружится в танце на придворном балу, а его сослуживцы тем временем бродят по улицам, позволяя себе лишь посещение дешевых пабов. В любой из европейских столиц, где остановка длится несколько дней, юный великий князь изучает под руководством гида архитектуру, посещает библиотеки, музеи, театры. Все эти привилегии ему принадлежат

по праву рождения.

В эти годы Константин лучше понимает европейскую жизнь, чем российскую. В этом нет ничего удивительного: во время летних путешествий свободу его передвижения может ограничить лишь сопровождающий везде воспитатель Иван Александрович Зеленый. Но он души не чает в своем воспитаннике и всячески способствует его духовному и интеллектуальному развитию. А вот дома, в России, юноша вращается лишь в кругу родных, и жизнь народа скрыта от него дворцовыми стенами.

Несмотря на то что юноше исполнилось уже шестнадцать лет, он высок ростом и представителен, даже покуривает папиросы, в Санкт-Петербурге Константина по-прежнему считают ребенком. Он же считает себя уже взрослым и с горечью пишет 6 мая 1874 года:

> Со мной никто не говорит серьезно… По внешности я в самом деле еще дитя. Страшно задевают мое самолюбие, когда говорят: «Вы еще не можете этого понять».

А ему так хочется вырваться за стены дворца! Увидеть и прочувствовать жизнь во всей ее полноте… Он очень надеется, что когда-нибудь это желание осуществится. Здесь, дома, в России…

Когда великому князю Константину исполнилось шестнадцать лет, его, как и выпускников морских кадетских корпусов, произвели в гардемарины – промежуточное звание между матросом и офицером. А с лета 1875 года начинается служба на фрегате «Светлана», которым командует двадцатипятилетний кузен Константина – великий князь Алексей Александрович, сын императора Александра II. Винтовой фрегат – новое судно, входившее в состав отряда судов Атлантического океана, которым командовал в ту пору контр-адмирал Г. Бутаков. Юный гардемарин с одобрением пишет о судне в дневнике: «Как жилье очень удобен… Все каюты офицеров большие, светлые, и каждая имеет окно…»

7 июня 1875 года фрегат «Светлана» выходит в Балтийское море, а через три дня уже пришвартовывается в порту Копенгагена. Старинный город манит своими достопримечательностями, красотами. В первый же день Константин посещает музей известного датского скульптора Б. Торвальдсена. Бродит по улицам, с интересом рассматривает витрины магазинов. Далее фрегат держит путь к бухте Херес-де-ла-Фронтера, которая находится в Кадисском заливе.

Воображение великого князя поражает Испания – экзотической южной природой, порой необузданным темпераментом людей. В одном из портов у него состоялся интересный разговор с местным жителем, который с жаром рассказывал Константину об испанской политике. Он уверял собеседника, прибывшего из далекой России, что больше всего боится установления в стране республики, ведь король дон Альфонс XII – очень слабый правитель, а дон Карлос – брат короля Фердинанда VII и возможный в дальнейшем претендент на испанский престол – настоящий негодяй. Речь этого человека, сопровождаемая неподражаемой мимикой и выразительными жестами, надолго запала в душу юного гардемарина.

Следующий день на испанском берегу приносит еще более яркие впечатления. Русские моряки, прибывшие в город Сантьяго-де-Компостела, становятся свидетелями и невольными участниками пышного праздника.

Новые впечатления – яркие, незабываемые – хлынули на Константина неудержимым потоком. Его интересует на этой благословенной земле буквально все: природа, люди, быт, искусство… В Севилье, одном из самых романтических городов Испании, Константин вместе с товарищами посещает старинный замок Альказар, форт мавританских и испанских королей. Здесь ему впервые в жизни довелось увидеть бой быков. Это поистине незабываемое зрелище! А для того, чтобы попасть в один из местных соборов и как следует его осмотреть, русские моряки пошли на хитрость, представившись французами. К чему это? Великий князь объясняет это в дневнике следующим образом: «чтобы священник лучше принял нас как единоверцев». Неизгладимое впечатление оставил и памятник архитектуры, созданный в XVI веке: «Видели дом Пилата, ужасно красивый, во вкусе мавров».

В июле фрегат «Светлана» под Андреевским флагом вошел в порт Неаполя. Корабль тут же окружили шлюпки, в которых кроме итальянских моряков находились и немецкие. Внимание к русским было огромное, и уже вечером состоялось шумное гулянье. Однако юный Константин, много наслышанный о знаменитой итальянской опере, предпочел поход в театр веселой вечеринке в кругу моряков из разных стран. Но… удовольствия особого не получил. Скорее всего, не из-за того, что спектакль был плох, просто очень устал после многодневного плавания. В дневнике он смущенно признается: «Я чуть не заснул».

Но в последующие дни юный гардемарин полон энтузиазма. Вместе с товарищами он осматривает достопримечательности Неаполя, любуется полотнами поразившего его воображение

художника Гвидо Рени, посещает церковь на одной из тихих улочек, где любуется «прекрасными статуями».

Молодой человек восхищен искусством древней Эллады. В Помпеях, разрушенных когда-то извержением вулкана Везувий, он даже принимает участие в раскопках. Об этом делает 31 июля запись в дневнике:

> Рыли и при нас… я увлекся и принялся сам отгребать лопатой мелкие камень и песок и отрыл фреску, изображающую вазы и урны.

В начале августа русские моряки прибыли в Вечный город. В их распоряжении до обидного мало времени – всего три дня, и они торопятся увидеть как можно больше. Просят гида «употребить это время на осмотр главных памятников искусства и истории, и чтоб он нам всех их показал с чувством, с толком, с расстановкой». Задача явно трудновыполнимая, но все же молодые люди успевают тщательно осмотреть Ватикан. Сначала знаменитую на весь мир библиотеку, потом зал, где находятся произведения скульптуры. Именно здесь великий князь Константин испытывает чувство огромной благодарности к своему учителю рисования С. Никитину. Он записывает в дневнике:

> Тут я увидел в действительности все, что знал так хорошо по рисованию. Этим знанием я обязан моему милому Сергею Васильевичу. Я видел Аполлона Бельведерского, Лаокоона.

После Ватикана – осмотр Каракаллы, пантеона Агриппы, «из которого сделана церковь *S. Maria Rotonda*», катакомб Св. Каликста, которые напомнили великому князю любимую им историческую книгу Е. Тур «Катакомбы». Вечером Константин записывает в дневнике: «Я думал, как светлый Севастиан, храбрый григорианец (мой любимый), спускался по этой лестнице». Где-то в глубине души рождаются первые, пока еще робкие поэтические образы.

22 августа 1875 года в дневнике появляется лаконичная запись: «На фрегате – король». Но эта встреча для Константина отнюдь не официальная, она проникнута теплом и сердечностью. Ведь на борт «Светланы» поднялся греческий король Георг I с женой Ольгой Константиновной, в прошлом русской великой княжной, старшей сестрой автора дневника. Королева эллинов пригласила брата погостить в Афинах.

Дни, проведенные в доме сестры, он и годы спустя вспоминал

как светлое и прекрасное время. Молодого человека, которому вот-вот исполнится семнадцать, здесь окружают любовью и лаской. Совсем как дома… Он с удивлением осознает, что все время морского путешествия скучал по таким теплым, доверительным отношениям, какие складываются у него с сестрой.

Незримая нить глубокой душевной симпатии связывает их настолько крепко, что даже после возвращения домой, в Санкт-Петербург, Константин неоднократно обращается мысленно к сестре в минуты душевного волнения, неуверенности в себе. Недаром уже после окончания плавания он запишет в дневнике:

> Во мне борьба, слезы, желание писать стихи, сочинять музыку, и ничего не выходит: я другой человек здесь, я никуда не годный человек, с тех пор как уехал с фрегата, я ничего не значу, не имею никакой цели, ах, как это горько. Непременно напишу Оле, чтоб она дала мне совет, что делать; я на днях начал сочинять:
>
> Безумная душа, о чем печешься ты?
> Зачем покоя ты себе найти не знаешь?
> Зачем слова твои – слова, мечты – мечты,
> Зачем ты Господа законы забываешь?

Образ сестры, который в дальнейшем возникает в лирике К. Р., говорит о том, что она была его советчицей, другом, вдохновителем. Поэтому неудивительно, что именно в ее доме в Афинах родились первые поэтические строки великого князя. В общении с Ольгой он отводил душу, раскрывая ее для самых прекрасных, возвышенных чувств. Недаром именно в летней королевской резиденции в Татое, высоко в горах, он запишет в дневник: «Любовь движет миром».

…Но вот настал день расставания с милой Ольгой, ее семьей, прекрасной Грецией. Фрегат «Светлана» направляется в Венецию.

Среди отмеченных им живописных полотен – мировые шедевры не только Тициана, но и Тинторетто, Веронезе. Это говорит не только о любви юноши к искусству, но и глубокой осведомленности, прекрасном художественном вкусе.

Путь домой пролегает через Вену. Кто не мечтал в ту пору побывать в столице вальсов, послушать чарующую музыку Иоганна Штрауса? Русским морякам посчастливилось: они посещают Венский театр, консерваторию, где с наслаждением слушают концерт знаменитого маэстро. А потом – Варшава, Псков. Отчий дом уже совсем близко!

Может показаться, что жизнь, полная впечатлений, новых встреч, радует юношу. С одной стороны, это так, но с другой – праздность тяготит его. Недаром в дневнике появляется запись:

> Чем ближе к дому, тем становится приятнее: по крайней мере, начинается дело, и время, может быть, пойдет быстрее.

О каком же *деле* идет речь? Судя по всему – о литературном творчестве, которым он, пока тайком ото всех, начинает заниматься еще во время плавания. Тайну свою поверяет лишь дневнику:

> Кончаю свой английский роман. Продолжаю переводить «Бориса Годунова» на английский.

Юноше всего лишь семнадцать лет, и он сам не осознает, что находится в начале большого пути, который приведет его к литературной славе. Причем благодаря таланту, а не высокому рождению.

Осенью 1875 года великий князь Константин возвращается домой. В его дневниковых записях того времени – свидетельства о том, где он был, с кем встречался, что переживал. Конечно, рассказ прежде всего о родственниках – членах императорской фамилии, о том, как они проводят время в прекрасных дворцах – Зимнем, Аничковом, Стрельнинском, Павловском… Вот запись, датированная 12 октября: «В четверг мы обедали в Зимнем. Саша (наследник) тоже обедал у меня». А в Николин день он пишет: «Были у обедни в Аничковом дворце. Государь не приезжал, он простудился». Казалось бы, мелочи, ничего особенного. Но без этих мелких деталей жизнь была бы неполной, и сегодня трудно было бы восстановить хронику придворной жизни. Чего стоят одни лишь полудетские впечатления Константина от Рождества!

> Как всегда в этот день, ездили поутру поздравить Государя. Отделавшись от визитов, опять поехали в Зимний к обедне. В 3 ч поехали в Павловск, там будет у нас елка.

Он, конечно, повзрослел, но много осталось еще детского. Как томительно ожидание у приоткрытых дверей столовой – что там, за порогом, какие ждут подарки? Наконец раздался звонок,

> …все двери распахнулись, и мы все вместе радостно

> влетели в комнату. Моя елка была первая налево. Много хороших вещей было тут: «История Государства Российского» Карамзина, стихотворения Некрасова и Майкова… Много было радостей.

Как же трогательно это сочетание – «все вместе радостно влетели» и упоминание серьезных книг, требующих напряженной работы души! Впрочем, книги с самого раннего детства были у Константина желанны и любимы. И недаром через весь его дневник, который великий князь вел на протяжении четырех десятилетий, проходит красной нитью любовь к книге, записи и размышления о прочитанном.

В юности его, как и многих сверстников из интеллигентной среды, покоряет русская классическая литература. Константина увлекает мир героев И. Тургенева, Л. Толстого, поэзия М. Лермонтова. Он ищет свой идеал, и находит его в одном из героев «Войны и мира»: «Какой славный, честный, прямой этот Николай Ростов, что за прелесть, ах, отчего я не он?»

Юноша мужает, растет духовно, расширяется его кругозор. Казалось бы, о чем можно волноваться? Но у родителей на душе неспокойно – у сына есть проблемы со здоровьем. Врачи давно уже говорят о том, что у него ослаблены легкие. Столичный климат, сырой, промозглый, не для него. Константину предписано продолжительное лечение в южных странах. Однако самого великого князя не так уж и влекут дальние страны. Он уже немало поездил по свету и хочет как можно больше времени проводить на родине, которую в общем-то не очень хорошо знает. Но стремится узнать!

Однако пренебрегать рекомендациями врачей нельзя. Весной 1876 года великий князь отправляется в Италию, но по пути задерживается ненадолго в Париже, где хочет встретиться с известным русским живописцем Алексеем Харламовым.

О нем Константину рассказывает его учитель рисования С. Никитин, который знаком с художником. От него августейший ученик узнал, что за год до этого Харламов написал портрет писателя И. Тургенева, который вызвал жаркие споры как в Париже, так и в России. Некоторые знатоки искусства сравнивали его работу с портретом Ивана Сергеевича кисти знаменитого И. Репина. Конец спору положил сам Тургенев, который, назвав Харламова великим русским живописцем, предпочел именно его работу.

Как же не встретиться с вошедшим в моду живописцем? Константин не мог упустить этот шанс. Впрочем, не капризная

мода его влечет, а серьезный разговор с мастером о живописи, о том, какие, по его мнению, есть пути для ее дальнейшего развития. И разговор этот состоялся. Он стал еще одним шагом, пусть и небольшим, в деле воспитания художественного вкуса, во многом определившем в дальнейшем личность великого князя, его судьбу.

Как только курс лечения закончился, Константин покидает Италию. Ничто не удерживает его в этой благословенной стране, он рвется домой, в Россию. Вернувшись в столицу в июне, радуется встрече с родными, которые, как обычно, проводят лето в пригороде – в Павловске. Константин уделяет много времени семье, но иногда покидает близких и отправляется на прогулку в Санкт-Петербург. 10 июня он записывает в дневнике:

> С утра один поехал в город. День прохладный. Со станции ехал по Гороховой и по Невскому. Заехал в Казанский собор; там у иконы сделана новая лестница с серебряными поручнями. Помолился.

Иногда он, по собственному признанию, бывает «в грустном, серьезном расположении духа». Но это случается с каждым юношей на пороге взрослой жизни. Отрок становится юношей, и этот переход, очень важный, часто бывает болезненным.

В августе 1876 года великому князю Константину Константиновичу исполнилось восемнадцать лет. В день рождения он был призван в Зимний дворец, где его произвели в мичманы – первый офицерский чин в российском флоте. Его дальнейший путь предопределен отцом – юноша должен посвятить свою жизнь морской службе и в ближайшем будущем отправиться на фрегате «Светлана» в новое плавание.

Ни у кого в семье это не вызывает ни малейшего сомнения. Только вот император Александр II, с улыбкой глядя на юного мичмана, предлагает повременить немного со службой и отдохнуть пару недель с царской семьей в Крыму, в Ливадии. Здесь обычно представители молодого поколения семьи Романовых занимаются конным спортом, купаются, читают, музицируют, записывают впечатления о прошедшем дне в дневник. Последнее занятие – добрая традиция. Великий князь Константин с удовольствием следует ей, и в конце каникул, которые пролетели совсем незаметно, 4 сентября, пишет:

> Жаль покидать Крым, но пора на службу царскую. Дай бог мне честно нести ее и быть примерным морским офицером, утехой родителей и надеждой родной земли.

Его путь лежит через Одессу, Буюк-Дере, Константинополь – в Смирну. Здесь уже пришвартован фрегат «Светлана», которым, как и раньше, командует двоюродный брат Константина великий князь Алексей Александрович.

Конечно, среди вещей юного мичмана – его дневник. В нем впечатления о столице древней Византии, сделанные 9 сентября:

> Страшно поражает первый вид улиц: узкие, неправильные, грязные, с множеством самого пестрого народа, во всех всевозможных костюмах, богатейшие мечети и фонтаны и подле самые несчастные лачуги последних бедняков… Турки сами по себе народ отличный: мирный, правдивый, честный, стоит только уметь хорошо с ними обращаться.

Когда-то отец Константина, бывшим таким же юным, как теперь он сам, мечтал о покорении Византии русскими войсками. У сына характер, по всему чувствуется, не такой воинственный. Он рассуждает совсем по-другому, скорее как человек штатский, боле того – лирик, поэт.

…У фрегата «Светлана» впереди большое заграничное плавание. Личному составу предстоит побывать на Мальте, в Неаполе, далекой загадочной Америке. И вот наконец в первый день нового, 1877 года русский фрегат встал на рейде в Норфолке, штат Вирджиния. Наших моряков здесь встречали восторженно, им было посвящено немало статей в местной прессе. А командующий американской северо-атлантической эскадрой, которая стояла в Норфолке, адмирал Френхард, дал в честь гостей на фрегате «Хардфорд» парадный обед. Вот как описывает его 27 января в дневнике великий князь Константин:

> Сегодня в честь русских американские моряки дают большой бал в *Navy Yard* (Морской клуб. – *Авт.*), все в полной форме… Мы увидели большое здание… Зала была устроена из парусной: потолок и стены ее завешаны флагами всех наций и цветов; направо, осененное русским штандартом, под балдахином, председательское место, где находились старые почтенные дамы и генералы; налево – галерея для музыки. Зала была уже полна народу.

В феврале августейшие кузены Константин и Алексей отправились поездом в Нью-Йорк. Они вовсе не афишировали свое пребывание в этом городе, стараясь, осматривая достопримечательности, по возможности оставаться в тени.

Любопытство американцев, проявлявших по отношению к ним повышенный интерес, несколько смущало молодых людей. Ранним утром 17 февраля, стараясь остаться никем не замеченными, они покинули отель и добрались в карете до железнодорожной станции. Поездом вернулись в Норфолк, и, как только они оказались на борту фрегата, «Светлана» покинула гавань. Два месяца продолжалось плавание русских моряков у берегов Северной Америки. 20 апреля президент Северо-Американских Соединенных Штатов решил устроить в честь великих князей Константина Константиновича и Алексея Александровича парадный обед. В сопровождении свиты они направились в Вашингтон…

> Утром подъехали к Капитолию – зданию конгресса США. После посещения зала Сената все присутствующие направились на «большое кольцо Капитолия», откуда президент обратился с речью к народу. По сути дела, «этой речью президента вся церемония торжества кончилась». В столице США великие князья посетили также один театр и Музыкальную академию.

В эти же дни Константин пишет одно из первых лирических стихотворений. До литературного мастерства, которое он приобретет спустя всего лишь несколько лет, когда станет известным под криптонимом К. Р. (Константин Романов) поэтом, ему еще далеко. Строки пока – ученические, неуклюжие:

> Вижу ль глаза твои.
> Лазурью глубокие,
> Душа им навстречу
> Из груди просится.
> И как-то весело,
> И хочется плакать,
> И так бы на шею
> Тебе я кинулся.

На создание этого стихотворения Константина вдохновил образ морского офицера Меньшикова, с которым он, находясь на корабле, постоянно встречался в кают-компании и на палубе.

Вообще это свойство натуры – не на шутку влюбляться в молодых пригожих военных – впервые проявилось у великого князя лет в двенадцать. Именно тогда он впервые с удивлением почувствовал, что мечтает о новых и новых встречах с понравившимся ему молодым человеком, хочет беседовать с ним,

коснуться руки… Потом, если не было возможности продолжить близкое знакомство, все это как-то забывалось, и вдруг – новая влюбленность, непонятное томление.

Летом 1876 года Константин делает в дневнике несколько записей, в которых пытается проанализировать собственный характер, наклонности, которые, чувствуется, удивляют его самого: «У меня странный характер, я обожаю красоту, но вовсе не женскую – красоту мужественную». Дальше – еще более откровенное признание: «Мужская красота меня соблазняет». Словно подчеркивает его такая вот запись: «Скучна мне и мысль о любви к женщине».

Именно в эту пору, за несколько месяцев до нового плавания, великий князь потерял голову из-за молодого гусара Дмитрия Голицына. Познакомиться лично с объектом своей страсти так и не удалось, но это Константина не очень-то и печалит. Гораздо важнее для него – собственное душевное волнение, переживания об обожаемом *Димке*.

Но длится эта страсть недолго. Стоит молодому человеку оказаться на борту фрегата, и в сердце его вспыхивает новая любовь. Это офицер Меньшиков, за которым он готов буквально следовать по пятам, выполнить любое его желание. 3 сентября Константин делает в дневнике запись, в которой пытается объяснить свое увлечение мужчинами: «До сих пор мысль о любви к женщине мне скучна и противна, я хочу силу, свободу, лихое молодечество, удаль».

Но вскоре он понимает, что это самообман. Ведь офицеры, собираясь по вечерам в кают-компании, нередко, выпив рюмку-другую вина, с гордостью рассказывают товарищам о своих победах над хорошенькими женщинами, а в портах, куда заходит фрегат, спешат вовсе не в музеи, а в публичный дом. Видя все это, слушая рассказы сослуживцев, великий князь невольно приходит к мысли, что «любовь к мужчине в восемнадцать лет так неестественна».

Но он тем не менее продолжает частенько прохаживаться возле каюты своего обожаемого Меньшикова. Вздыхает украдкой, с трудом сдерживает порывы, «чтоб не дать волю рукам и не погладить его». Не обратить внимания на странное поведение великого князя просто невозможно! Меньшиков давно уже догадался о чувствах, которые испытывает к нему Константин, и как-то даже попытался вразумить его – негоже так себя вести, ведь его императорское высочество, того и гляди, может стать посмешищем команды. Не дай бог довести до этого!..

Разговор этот, хоть и был тягостным, сыграл все же положительную роль. Ведь до сих пор Константин не мог

самостоятельно разобраться в порывах своей неокрепшей души. Он жил в кругу семьи, и интимные взаимоотношения, прежде всего между мужчиной и женщиной, были для него загадкой. Он пытается подавить свои чувства к Меньшикову, но дается это нелегко.

И вот, когда фрегат стоял в гавани Нью-Йорка, компания нескольких подвыпивших морских офицеров затащила как-то великого князя в публичный дом. Едва переступив порог заведения, каждый из моряков выбрал себе подругу по вкусу. Зазвенели бокалы, запенилось в них шампанское. Повсюду слышны были шутки, смех… Кто-то уже и в номера поднялся, а оробевший от всего увиденного и услышанного Константин так и стоял в общей зале, прижавшись спиной к стене. Стоило ему опуститься на стул, как женщины окружили его. «Они мне говорили, что я красив, хорош; трогали меня, жались. Одна совсем села на меня, положила руки на мои плечи, мое колено находилось между ее ног». Но «я не чувствовал никакой похоти или страсти» – пишет он в дневнике 17 марта 1877 года.

Однако неудачный первый опыт, когда Константин, казалось бы, оплошал перед товарищами, не прошел для него впустую. Мысленно он вновь и вновь возвращался к событиям того дня: неужели он хуже других, не такой, как все? И вот, спустя месяц, как-то утром, когда он, по обыкновению, занимался морскими науками, в душе вспыхнула, как яркое пламя, страсть. Он должен… сегодня… сей же час побывать у женщины, узнать на личном опыте, что же это такое – плотская любовь. Константин быстро спустился по трапу на пристань, и ноги его сами привели на 27-ю улицу, к знакомому уже зданию публичного дома.

Покинул этот вертеп он поспешно. Юношу мучила совесть, ему было стыдно за содеянное. И, лишь вернувшись на фрегат, он вспомнил, что забыл в номере нательный крест, подаренный матерью. Как ни тяжело было это сделать, пришлось все же вернуться. К счастью, крест не пропал, он так и лежал на стуле, возле измятой постели – как немой укор о свершившемся падении.

…Думы о Родине в эти дни нечасто посещали моряков. Ведь русские газеты в иностранных портах не продаются, а в иностранных о России упоминается лишь вскользь. Даже о новых императорских указах на фрегате не всегда известно. Помыслы членов команды «Светланы» совсем о другом: какой будет погода в ближайшие дни, сколько миль осталось до берега, в срок ли выплатят жалованье… И только 25 апреля, когда командование объявило о войне с Турцией, моряков захлестнула волна

патриотизма. После торжественного богослужения во славу русского оружия эскадра покинула берега Америки.

Всеобщее настроение – бить турок! – разделял и великий князь Константин. Его волнует сейчас лишь одно: отец может не отпустить его из-за молодости защищать братьев-славян. А ему так хочется отправиться с экипажем к театру военных действий на Дунай! 28 мая юный моряк записывает в дневнике: «Я решился тогда с револьвером прийти к папа и застрелить себя в случае отказа». Но все же он надеется на родительское понимание и уступчивость и отправляет отцу телеграмму с просьбой разрешить ему ехать в армию под командование адмирала Ф. Дубасова. Великий князь Константин Николаевич уже получил извещение от командира «Светланы» о страстном желании сына, и пишет *Костюхе* ответ:

> …Я отсюда, из Петербурга, ни разрешать, ни запрещать не могу. Храни тебя Господь. Посылаем тебе наше родительское благословение и молимся за тебя. Помни, какая кровь у тебя течет в жилах.

19 июня фрегат «Светлана» вошел в порт Кронштадта. Моряки воочию увидели ликование соотечественников. Представители буквально всех слоев населения были уверены: не пройдет и месяца, и магометане будут разгромлены! Древняя Византия возродится, как птица Феникс, из пепла, и на прекрасном куполе Святой Софии засверкает, как прежде, святой крест. Это общее мнение усиливалось многократно благодаря тому, что сам император, покинув в начале войны Санкт-Петербург, приказал обустроить свою Ставку в прифронтовой полосе.

Во всех крупных городах России возникали Славянские комитеты, члены которых делом чести считали собирать пожертвования для коренного населения Балкан. В их задачу входило также отправление русских добровольцев на фронт. Идти в бой против *неверных* призывали лучшие люди земли русской. Вот что писал в те дни замечательный русский писатель Иван Аксаков:

> Настоящая война – дело не только чести, но, что всего важнее, и совести народной… эта война праведная, эта война – подвиг святой, великий, которого сподобляет Господь Святую Русь.

Что уж говорить о молодых моряках фрегата «Светлана» – они рвались в бой, чтобы освободить от турецкого ига братьев-

славян! И император Александр II пошел им навстречу. Мог ли юный Константин остаться в стороне, не отправиться *громить турок*?

Наконец ему удалось получить напутствие отца – чтобы он «держался товарищей, не отставая от них, и жил с ними». Значит, он все-таки отправится на войну! 22 июня 1877 года в дневнике юного великого князя появляется ликующая запись:

> Боже мой, как я недостоин всего счастья, что так обильно сегодня на меня сыпалось… Скажу прямо, я отправляюсь со всеми светлановцами на Дунай.

Экипаж покинул российский берег 4 июля.

…В ночь со 2 на 3 октября 1877 года мичман Константин Романов отличился в бою под Силистрией. Турки, используя деревянные суда, готовили переправу на румынский берег. Перед русскими моряками была поставлена цель – сорвать замысел противника, поджечь суда турок.

Великий князь детально описывает, как создавалось поджигающее устройство – брандер. Кстати, понятие это в ту пору было широко известно и частенько употреблялось в переносном смысле – «пустить брандера». Имелось в виду «наделать шума». Для выполнения же задачи, данной морякам командованием, нужен был небольшой деревянный ящик, который следовало набить стружкой вперемешку с бумагой, пропитать все это керосином, смолой или каким-то другим легковоспламеняющимся материалом. Далее наступала очередь длинного фитиля, один конец которого следовало прикрепить к ящику, а другой, обернутый стружкой, воткнуть в коробочку с двойным ружейным зарядом. При выстреле фитиль загорится, и брандер будет подожжен.

Но под Силистрией обычных ящиков в нужном количестве не оказалось. Вместо них находчивые моряки использовали старые лодки разных размеров, которые были осмолены внутри и снаружи. Их на совесть пропитали керосином. Будут же турки знать наших!

Великий князь Константин не отставал от товарищей. Сам удивлялся – откуда сноровка такая взялась? Словно век пускал брандеры. Руки сами делали все, что нужно. Он ловко спустил брандер, взятый на буксир катером «Птичка». И вот турецкий пароход, стоявший для наблюдения у острова Гоппо, загорелся! Ликованию мичмана и его друзей не было предела…

Вскоре на стол начальника морских команд на Дунае лег рапорт адмирала Федора Дубасова, в котором было написано:

> Считаю долгом прежде всего упомянуть о его императорском высочестве великом князе Константине Константиновиче, хладнокровие и распорядительность которого несомненно выше его лет и опытности; выполненное им поручение лучше всего, впрочем, говорит за себя.

15 октября юному герою был вручен орден Св. Георгия 4-й степени. Адмирал Ф. Дубасов, вручая великому князю высокую награду, сделал ему замечание, что он недостаточно далеко отошел от места взрыва и рисковал попасть в бурун тонувшего вражеского судна. Что мог ответить многоопытному военачальнику юный Константин? Правда состояла в том, что он – поэтическая натура, залюбовался в тот момент красотой взрыва…

Вскоре молодой моряк читал телеграмму, пришедшую от отца: «Радуюсь, что ты удостоился Георгия не по милости, а по статусу».

После падения в конце ноября 1877 года Плевны исход войны стал очевиден для всех. 4 декабря в столицу возвращается из действующей армии император, а вместе с ним и великие князья Сергей Александрович и Константин Константинович.

В дневнике нашего героя появляется запись: «Петербург. Мраморный дворец. Дома, у себя, в милом Мраморном, под одним кровом с мама́ и папа́». Какая же это для него радость – вновь обрести отчий дом, иметь возможность ежедневно видеться с родными, вернуться к любимым с детства занятиям! Об этом красноречиво говорит следующая запись: «Я наслаждался музыкой после пяти месяцев жизни без фортепиано».

И все же Константин заметно повзрослел, возмужал. Это замечают не только самые близкие люди, но и старые знакомые, которые встречают его на многочисленных светских раутах. Ощущает это и сам великий князь. У него теперь появляется потребность обустроить собственное жилье, иметь возможность иногда побыть в одиночестве, заняться в тишине творчеством. И хотя пока еще спальню он делит с братом Митей, собственный кабинет устраивает «в зале на углу Миллионной и переулка».

В марте следующего, 1878 года у Константина происходит знаменательная встреча с великим русским писателем Федором Михайловичем Достоевским, знакомство с которым во многом определит его дальнейшую судьбу. Впервые они увиделись 21 марта, на обеде у великого князя Сергея Александровича, с которым Константин дружил с раннего детства. В этот день в его

дневнике появляется запись:

> Я обедал у Сергея. У него были К. Н. Бестужев-Рюмин и Ф. М. Достоевский. Я очень интересовался последним и читал его произведения. Это худенький, болезненный на вид человек, с длинною редкой бородой и чрезвычайно грустным и задумчивым выражением бледного лица. Говорит он очень хорошо, как пишет.

Этой встрече предшествует знакомство Константина с романом «Бесы», который ему порекомендовал прочитать кузен. Недаром Константин пишет 3 марта Сергею: «Я читаю „Бесы“ Достоевского, очень интересно; вообще ты преданный кузен и славные книги прислал». К слову сказать, роман этот давно уже не был литературной новинкой: впервые его начали печатать еще в 1871 году в журнале «Русский вестник», а через год он был издан отдельной книгой. Но оба брата в ту пору были еще слишком юными, чтобы понять философскую глубину этого произведения. Скорее всего, Сергей познакомился с романом только в 1878 году, чуть раньше Константина, по рекомендации К. П. Победоносцева, который преподавал великому князю право.

9 марта в дневнике появляется еще одна запись, имеющая непосредственное отношение к Достоевскому:

> Достал я «Идиота» Достоевского. Когда читаешь его сочинения, кажется, будто с ума сходишь. Я это еще и на «Светлане» испытал, читая «Преступление и наказание». Хорошо!

С тех пор интерес к творчеству писателя у Константина все возрастал. Личная же встреча с ним о многом заставила задуматься, перевернула сознание, дала толчок собственному творчеству.

…Летом Константин вместе с братом Дмитрием и двумя кузенами – Сергеем и Павлом – совершает в сопровождении свиты путешествие на пароходе по рекам и озерам северной России. Они посещают древние города Псков, Новгород, Волхов, остров Валаам… В течение двух недель юные великие князья любуются Ладожским и Онежским озерами, наблюдают за Мариинской системой, рекой Вытегрой[2]. В дневнике Константина появляется запись: «…В деревнях народ встречал нас с восторгом, кидали в нас цветами, дарили ягоды, яйца, масло».

Конечно, прежде всего юные великие князья общались с губернаторами и богатыми купцами, которые устраивали для них пышные празднества, обходя молчанием трудности, с которыми

ежедневно сталкивались простые люди. Но были и иные встречи – с жителями провинциальных городов. Пусть краткие, мимолетные, но они невольно оставляли в душе глубокий след: радость на лицах людей была искренней, они приветствовали высоких гостей радостными криками «Ура!», кланялись им в пояс, старались каждому поцеловать руку.

В душе рождалось ответное теплое чувство. Константин с волнением осознавал, что в нем зарождается любовь к русскому народу, родной природе, старинным русским городам с их удивительной историей и самобытной, ни с чем не сравнимой архитектурой. Особое впечатление на него, как и на братьев, произвел древний Новгород и его главная святыня – Софийский собор:

> По мере приближения к собору, увидев многочисленные купола за кремлевской стеной и узнав, что это главы Св. Софии, я почувствовал не то что умиление, а какое-то особенное благоговение перед этой святынью великого древнего народа, который чтил ее более, чем какой-либо народ или государство когда-либо почитали свою родную святыню. Ни у одного народа, ни у единого государства не было воинским кликом воззвание к своему храму и народу, как у новгородцев: «За Новгород и Святую Софию».

…А по возвращении домой, в Санкт-Петербург, Константина ожидал памятный подарок – от самого императора. Александр II не забыл о воинской доблести племянника и вручил ему фрак со своим вензелем, сказав при этом: «Вот тебе в память дней, когда ты был при мне под Плевной».

Кроме того, августейший дядя назначил Константина своим флигель-адъютантом. В этот же день, 9 августа, в дневнике великого князя появляется восторженная запись:

> Я – флигель-адъютант, сегодня государь пожаловал меня этим званием. Чего мне больше, за двадцать лет я получил все, чего может добиваться самый честолюбивый человек, даже Георгиевский крест есть у меня. Не знаю, как отблагодарить Господа Бога. Я прошу у него только помощи и поддержки на честную и достойную жизнь.

А 26 ноября 1878 года молодой человек давал воинскую присягу на торжественном обеде в Зимнем дворце. Это была традиция, отмечавшая совершеннолетие каждого из великих

князей. Теперь же настала очередь Константина. Взявшись за древко знамени гвардейского экипажа левой рукой, а правую подняв вверх, он громко прочел воинскую присягу, поцеловал Евангелие и подошел к императору для благословения. В тот же день был обнародован манифест Александра II, который начинался словами:

> В 10-й день августа сего года любезнейший племянник наш, великий князь Константин Константинович, достиг возраста, определенного государственными законами для совершеннолетия членов нашего Императорского дома…

В этот день для великого князя навсегда закрылась дверь в волшебный мир детства. Впереди – взрослая жизнь. Какая же судьба ему уготована?

Глава третья
Начало террора

Великого князя Константина переполняет любовь к искусству. И в этом нет ничего удивительного: он повидал уже множество стран, познакомился с их многовековой культурой. Но главная его страсть – все же музыка. В год совершеннолетия он сочиняет несколько романсов на слова поэта Алексея Константиновича Толстого, которые тут же находят признание во многих столичных салонах. В это же время его рука уверенно выводит на бумаге ноты православного песнопения «Херувимская».

Первые опыты приносят удовлетворение. Но Константин чувствует, что может создать нечто более значительное. Только вот что? Понять он этого пока не может. Поэзия словно дремлет где-то на самом донышке души, к осознанию того, что истинное его призвание – сочинение поэтических произведений, молодой человек пока не пришел. Он лишь жадно набрасывается на книги, понимая, что без них жизнь его тускнеет, теряет смысл. Круг чтения его разнообразен, хоть и несколько беспорядочен. На его письменном столе лежат произведения современных зарубежных авторов, а рядом с ними – «Диалоги» Платона. Находится время и для знакомства с эпистолярным наследием А. С. Пушкина и Екатерины II. Ему так хочется все постичь, все узнать!

Здесь, дома, за надежными стенами Мраморного дворца, – его мир, духовная Родина. А за окном хоть и прекрасный в своей совершенной красоте, но такой холодный, бездушный чиновный Санкт-Петербург. Он давно уже вызывает у Константина душевное неприятие, желание отгородиться от него. Недаром еще в январе, почти год назад, молодой человек записывает в дневнике:

> Тут нет места для ума, для души, для сердца, тут одна внешность и видимость! Все чувства здесь замерзают. Зимний дворец – совершенный ледник, и все его обитатели – ледяные сосульки.

Вот как – жестко, откровенно! До чего же надоели ему все эти торжественные пиршества, которые длятся по нескольку часов кряду, балы, молебны, парады, обязательные визиты!

> Я устал от Петербурга, я хочу на дачу, в лес. Мне здесь душно.

И действительно, вздохнуть полной грудью великий князь

может, лишь отъехав немного от чопорной столицы – в Павловске или в Стрельне. В кругу близких и любимых людей он становится самим собой и благодарит Бога за «тихую, уютную жизнь». Лишь одна печаль точит его сердце – отдаление от семьи отца. Ни для кого уже из домашних не секрет, что Константин Николаевич имеет возлюбленную, и от связи с этой женщиной, в прошлом балериной, у него есть дети.

В обществе он с ней не показывается, соблюдает приличия, но дома появляется все реже. Великий князь Константин принимает сторону матери, ему «больно видеть, как с ней часто поступают», от отца же он все больше и больше отдаляется. Но причина охлаждения сына не только в любовной связи отца. Константин Николаевич весь в делах, он занимает ответственные посты – председателя Государственного совета и морского министра России. Видимо, слишком тяжел был груз этих забот, на детей не оставалось ни времени, ни сил. А повзрослевшему *Костюхе* так порой хотелось поговорить с отцом по душам! И не только о делах, а о чем-то возвышенном, волновавшем душу. Он искал свой путь в жизни и очень нуждался в отцовском совете. И никак не мог понять, что оба они, крепко связанные кровными узами, духовно очень разные люди. Одна из записей в дневнике Константина – словно крик израненной души:

> Я смотрел на папа и сердился на самого себя: мне неловко, неприятно было быть у него, я чувствовал к нему полную отчужденность и никакой привязанности, и я с нетерпением ждал удобного случая уйти.

Как же было «тяжело и грустно» осознавать это!

Но порвать отношения с отцом он, конечно, не мог. Ведь великий князь Константин был воспитан в почитании родителей, повиновении их воле. Поэтому, как ни тяготила его мысль о карьере морского офицера, отцу решил не перечить. Ведь тот всегда видел в сыне достойную себе замену и не раз повторял наставление: «Помни, какая течет в тебе кровь».

Новый, 1879 год Константин встретил в кругу семьи. Ему казалось, что впереди тихая, мирная жизнь, хотелось надеяться, что он и дальше будет заниматься любимым делом, творчеством, достигнет новых высот. А пока он радуется, что рядом с ним братья:

> Моя спальня освещалась одной лампадкой у образов. Мы, три брата, стояли на коленях и молились Богу, встречали Новый год. Пробила полночь.

Размеренное течение жизни нарушали лишь балы, которые следовали один за другим на протяжении всей Рождественской недели. Продолжались они и в дальнейшем, и присутствовать на них, как ни противься, обязывал этикет. 18 января Константин вместе со всей семьей едет на бал во дворец к великому князю Владимиру, а 31 января состоялся бал в Мариинском дворце.

Январь, как видим, прошел благополучно, ничто не омрачало настроения юного великого князя, лишь непрекращающаяся череда балов слегка его раздражала. Но все это не стоило волнений. Настоящие переживания, до краев заполненные трагизмом, начались 15 февраля: в этот день скончался от скоротечной чахотки младший брат Константина – Слава, семнадцатилетний великий князь Вячеслав. Его похороны в Петропавловском соборе стали поворотным моментом не только для членов августейшей семьи. Закончилась беззаботная жизнь тех, кого принято было относить к высшему свету. Так уж совпало: наступила эпоха террора.

Весной выступили на политическую арену народовольцы, совершив беспрецедентные террористические акты. Первым стало покушение на шефа жандармов А. Дрентельна, вторым – на императора Александра II. Как вскоре выяснилось, главной целью русские террористы ставили истребление всей императорской семьи. Неудача их не остановила, лишь раззадорила.

7 апреля великий князь Константин записал в дневнике:

> Всю ночь ждали открытого нападения шайки социалистов на Зимний и Аничков дворцы… Но нападение не состоялось.

Читаешь эти скупые, лаконичные строки, и невольно удивляешься тому, что перед лицом грозной опасности обитатели роскошных дворцов, эти могущественные люди, со всеми их титулами и богатствами, оказались совершенно беззащитными. Жизнь еще не раз в дальнейшем докажет это…

Волнение – особенно за судьбу детей – в великокняжеском семействе все нарастало. В мае Константин Николаевич, взяв с собой Ольгу и Константина, отправился на Южный берег Крыма. Там, среди умиротворяющей душу природы, отец и сын несколько сблизились. По крайней мере, оба они приняли участие в морском походе на фрегате «Вице-адмирал Попов», посетив Ялту, Севастополь, Батум и некоторые другие черноморские порты. Новые впечатления, открывшиеся пытливому взору юноши красоты, дали новый толчок к творчеству. Именно в Крыму, в Ореанде, Константин напишет стихотворение, которое

впоследствии положит на музыку замечательный русский композитор Сергей Рахманинов:

Задремали волны,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.
Серебрится море,
Трепетно горит…
Так и радость горе
Ярко озарит.

К этому времени владения великокняжеской семьи в Павловске были значительно расширены. Для подраставших детей приобретены две дачи – Ушакова и Анненкова. В конце июня, вернувшись уже из Крыма с отцом и сестрой, великий князь Константин проявляет все больший интерес к этой загородной резиденции. И если в прошлые годы он чувствовал себя здесь неуютно, то сейчас с увлечением изучает историю как самого города, так и прекрасных интерьеров Павловского дворца.

Юный Константин чувствует себя здесь хозяином, он с удовольствием показывает дворец гостям. С особой радостью принимает венценосного дядю, с которым у него сложились не только по-родственному теплые, но и дружеские отношения. После одного из посещений Александром II Павловска Константин записал в дневнике:

> Меня никогда не утомляет и не может утомить рассказывать то же самое. В сотый раз о разных комнатах, о фарфоре, о бронзах, о шпалерах и старинной мебели.

Иногда он ездит – на перекладной тележке – в загородное имение матери, в Стрельну. Но с особым пиететом относится к Гатчине, история которой его волнует по-настоящему. Читаешь строки его дневника, и понимаешь – они написаны человеком, несомненно одаренным поэтически:

> На Гатчине, на ее парке, на дворце, лежит печать одиночества, исторической старины. Когда туда ни приедешь, тебя охватывает дух древности, не принадлежавший никаким загородным петербургским дворцам. В Гатчине невольно из каждого угла старых дворцовых покоев как будто слышатся затаенные вздохи,

глухие слезы, и смех, и веселье старых добрых годов.

Эта дневниковая запись юного Константина перекликается с воспоминаниями его близкой родственницы – великой княгини Ольги, младшей дочери императора Александра III. Как известно, семья этого российского императора жила после гибели его отца, Александра II, в Гатчине. На склоне лет Ольга Александровна вспоминала, как в детстве ей рассказывали слуги, что не раз видели ночью призрак Павла I в той башне Гатчинского дворца, где находилась его опочивальня. И что же нужно было сделать при встрече с призраком? В общем-то ничего особенного. Просто отойти в сторонку и отвесить императору низкий поклон. Тень его, как уверяли старые слуги, с достоинством кивала в ответ и удалялась… Маленькая Ольга не раз мечтала встретить в дворцовой башне своего далекого предка. Как-то, будучи уже взрослой, она призналась брату Михаилу: «Знаешь, Миша, если бы я его встретила, непременно спросила бы – что нас всех ждет в будущем?»

Знать это никто из людей не может. Вот и юный Константин, не желая вмешиваться в политику, искал как в прошлом, так и в настоящем лишь поэзию и красоту. А это, к сожалению, далеко не всегда соотносится с реальной жизнью. Беда подступала все ближе – к столице, отчему дому, родной семье. 21 июня 1879 года на жизнь великого князя Константина Николаевича было совершено покушение. Лишь по счастливой случайности он остался жив – замешкался с бумагами и оказался в том месте, где его поджидал террорист, на несколько минут позже, чем тот рассчитывал.

Сын был потрясен происшедшим. Да, между ним и отцом не было уже прежней душевности, но кровные узы неразрывны. С тех пор в сердце юного великого князя поселилась тревога. Теперь он был просто не в состоянии отгораживаться от политики, тем более что в газетах постоянно появлялись волнующие сообщения о многочисленных преступлениях, в том числе и о политических. Не обратить на это внимания, не задуматься о причинах происходящего было невозможно!

А ведь покушение на его отца – вовсе не первый террористический акт, совершенный в столице за последнее время! Еще в прошлом году Санкт-Петербург потрясли сообщения о покушении на жизнь генерала Трепова и генерал-лейтенанта Мезенцева. А несколько месяцев назад какой-то злодей набросился на шефа жандармов генерал-адъютанта Дрентельна. В марте 1879 года в дневнике великого князя появляется запись об отношении к этому чудовищному событию высшего

петербургского света:

> Общество возмущено покушением на жизнь Дрентельна, проповедует необходимость строгих и насильственных мер, пророчит революцию. Бесят меня эти толки, особенно женщины кричат. Как будто не могут понять, что насильственные меры только ухудшат настоящее положение и народят множество новых неудовольствий. Сохрани бог стеснять теперь образование, учебные заведения и свободу мысли – тогда действительно может произойти мятеж.

Как же предотвратить катастрофу?

На пару месяцев тягостные думы отступают – в августе великий князь Константин отправляется в заграничное плавание на фрегате «Светлана». Но, вернувшись домой, он понимает, что в столице все осталось по-прежнему. Как и раньше, «нравственность у нас в Петербурге не на слишком высокой степени». Но от общего падения нравов до открытого кровопролития все-таки дистанция большая. Оказывается, преодолеть ее очень просто! Проходит совсем немного времени, и Константин записывает в дневнике:

> Много говорят об открытии нового заговора. В одном переулке у Фонтанки нашли целое общество: у них был подробный план Зимнего дворца и взрывчатые составы.

Где же истоки этих волнений, которые – раз за разом – потрясали общество? Пожалуй, прежде всего – в итогах русско-турецкой войны, которая обошлась казне в баснословную по тем временам сумму – более миллиарда рублей, и не могла не сказаться на жизни простого народа. Правление царя-императора Александра II, которое начиналось с блестящих реформ, теперь не оправдывало ожиданий подавляющего большинства населения России. Его историческую миссию очень четко определил выдающийся русский историк Василий Ключевский:

> Что побудило нового Александра, заведомого консерватора, вступить на путь коренных преобразований? Начинала ли в нем, питомце Жуковского, мерцать обидная мысль, что он повелитель невольничьей страны, в которой идея государства как народного блага извратилась в нечто совершенно противогосударственное и ему с таким знаменем трудно

будет вращаться в кругу европейских государей?

Но это было в начале царствования. А теперь, после окончания кровопролитной войны, когда почти все начатые Александром II реформы, кроме, пожалуй, судебной и закона о всеобщей воинской повинности, буксовали, постепенно превращаясь в горькую насмешку над народными чаяниями, императору суждено было стать, по словам того же Ключевского, «самодержавным провокатором». Как утверждал сам государь, его травили «как дикого зверя», подвергая покушениям, как ни одного самодержца в России. Но добились желаемого результата террористы далеко не сразу – лишь на восьмой раз.

В какой-то степени Александр II сам усугубил ситуацию, нанеся сокрушительный удар по единству царской семьи: заключил морганатический (не династический) брак с княжной Екатериной Долгорукой. Еще в 1875 году, при жизни императрицы Марии Александровны, он вступил в любовную связь с юной Катенькой, которую знал с ее детских лет. У них родилось трое детей. И когда законная жена-императрица тихо угасала в одиночестве в Зимнем дворце, император подолгу жил со второй семьей в Царском Селе. Вот как об этом пишет в мае 1880 года великий князь Константин в дневнике:

> Государь переехал… в Царское Село, к великому соблазну многих верноподданных – императрица лежит здесь, нет и речи о ее переезде. Находят неудобным, что когда ей немного остается жить, царь переезжает. Мы стараемся приискивать этому благовидные причины. К сожалению, неблаговидных более, чем благовидных.

Как могли относиться к этому окружающие? Придворные, конечно, в душе царя осуждали, но вслух высказать свое осуждение не смели. А вот наследник престола, цесаревич Александр Александрович, обиду на отца затаил, не мог простить, что тот предал мать. Полный же разлад в семье наступил, когда всего через полтора месяца после смерти жены Александр II тайно вступил в законный брак со своей многолетней возлюбленной, которая получила титул княгини Юрьевской и стала жить вместе с императором и их общими детьми в Зимнем дворце.

После покушения на жизнь государя в 1879 году, на второй день Пасхи, «когда он, по обыкновению, гулял неподалеку от Зимнего дворца», а потом и в Москве, Александр II и цесаревич стали ездить по столице в окружении нескольких казаков в блиндированной, то есть обитой стальными листами, карете – в

целях безопасности. Выделить для себя конвой потребовали и почти все великие князья, а также министры двора. Великий же князь Константин по-прежнему оставался человеком довольно беспечным. Он продолжал ходить в одиночестве пешком по улицам притихшего под напором террористов Санкт-Петербурга, да еще в мундире флигель-адъютанта. Видимо, мысль о том, что он может стать жертвой очередного покушения, ему просто не приходила в голову. Для него гораздо важнее было внутреннее «я», постоянная, напряженная работа души. Это удел личностей возвышенных, духовных.

Однако не замечать происходящих событий он, конечно, не мог. В январе 1880 года он записал в дневнике:

> Говорят, ночью у Зимнего дворца нашли подозрительного человека. На нем было шесть револьверов, он признался, что получил поручение проникнуть во дворец. Говорят, что он помешан…

Все это не было, к сожалению, пустыми домыслами. Одного злоумышленника схватили, но дело его продолжил другой. 5 февраля на Салтыковской лестнице Зимнего дворца прогремел взрыв, организованный работавшим здесь столяром Степаном Халтуриным. Это было пятое по счету покушение на государя. Как раз в этот момент он вместе с цесаревичем, братом императрицы принцем Александром Гессенским, великими князьями Владимиром, Алексеем, Сергеем и Павлом подходил к дверям, ведущим в столовую. Страшный удар сотряс стены и пол, близлежащие комнаты заполнились дымом и смрадом.

Сначала никто из присутствующих не понял, в чем дело. Думали, что люстра сорвалась с крюка и упала на пол. Но через несколько минут ситуация прояснилась. В караульном помещении, находившемся под столовой, в результате взрыва было убито десять человек дворцовой охраны, сорок четыре солдата ранено.

Как это ни покажется странным, «государь остался совершенно спокоен, сел обедать, а вечером играл, как всегда, в карты». Великий князь Константин не высказывает в дневнике возмущения таким равнодушием самодержца к разыгравшейся чуть ли не на его глазах трагедии, он лишь беспристрастно фиксирует спокойствие Александра. Пройдет пятнадцать лет, и, увидев такое же отношение Николая II к Ходынской катастрофе, он будет гораздо более резок и категоричен в оценке поведения императора.

А пока… По Санкт-Петербургу поползли слухи – один страшнее другого: на очереди взрыв Исаакиевского собора, город

останется без водоснабжения, террористы хотят уничтожить всех Романовых… Находились и такие, кто готов был возложить вину за случившееся на отца Константина – великого князя Константина Николаевича. Говорили, что «этот демократ» знал о готовящемся на государя покушении и специально уехал в Кронштадт, чтобы при поддержке верных ему флотских офицеров объявить себя после гибели старшего брата императором.

8 февраля в Финляндском полку состоялись похороны погибших. Как свидетельствует в дневнике великий князь, десять гробов стояли в полковой церкви. Сам Константин, как и многие граждане страны, был глубоко потрясен всем случившимся. Из глубины его чистого сердца вырываются полные горечи слова:

> День 5 февраля никогда не изгладится в моей памяти, он останется черным пятном в истории России.

Вскоре после разыгравшейся в Зимнем дворце трагедии вышел указ императора об учреждении Верховной распорядительной комиссии по охране государственного и общественного спокойствия, которую возглавил граф М. Лорис-Меликов, прозванный вскоре «бархатным диктатором». Одновременно с одним назначением он получил и другое – стал столичным генерал-губернатором. Буквально в течение нескольких дней была ужесточена цензура, под запретом оказалось большинство публичных собраний, огромные средства выделялись из казны на охрану императора и политический сыск. Как грибы после дождя стали появляться монархические организации, созданные для борьбы с нигилистами. На террор самодержавие ответило «подавлением крамолы». Даже известный в ту пору спирит Ридигер не остался в стороне – предложил правительству с помощью оккультных наук уничтожить революционеров.

Неделя прошла со времени ужасного взрыва, а петербургские жители, по признанию великого князя Константина, «…нимало не успокоились, паника та же, все ошалели, окончательно потеряли голову, а нелепых слухов распускают более, чем когда-либо».

И все же, как убежден Константин, страшны не столько сами покушения, которые при желании можно предотвратить, «страшно общее беспомощное состояние, страшна неизвестность борьбы с невидимым неприятелем». А ведь он прав, этот наблюдательный, тонко чувствующий молодой человек! Именно страх перед *невидимым неприятелем* и вызвал озлобление общества. А с этим страшным явлением не под силу было справиться даже всем службам, стоявшим в стране на страже порядка.

Даже крупный государственный чиновник, обер-прокурор святейшего синода Константин Победоносцев в начале 1881 года пишет «крамолу» в одном из частных писем:

> Как тянет это роковое царствование – тянет роковым падением в какую-то бездну. Прости, Боже, этому человеку – он не ведает, что творит, и теперь еще менее ведает… Судьбы Божии послали нам его на беду России. Даже все здравые инстинкты самосохранения иссякли в нем: остались инстинкты тупого властолюбия и чувственности.

До гибели императора от рук террористов оставалось менее двух месяцев…

Глава четвертая
Рядом с великими

Переживая нарастание в России террора, размышляя о причинах, вызвавших его в обществе, великий князь Константин не может все же ограничиться мыслями о политике, чтением газет. Его душа устремлена к искусству, которое давно уже стало для него целым миром. В Мраморном дворце, где он чувствует себя в безопасности, Константин много и с удовольствием читает, музицирует и даже сочиняет романсы, рисует, слушает лекции выдающегося русского философа С. М. Соловьева, которые приводят его в восторг – «очень, очень хорошо».

Осенью 1879 года в Мраморном дворце проводился ремонт, и после него у юного великого князя наконец-то появилась своя половина, для которой он выбирает мебель по собственному вкусу.

В обновленных, красиво обставленных интерьерах так хорошо сосредоточиться на собственных мыслях и чувствах! Молодой человек ежедневно делает записи, подчас пространные, в дневнике. Анализируя то, что выходит из-под пера, он пытается найти свое место в жизни. Пока еще он наивен, не осознает глубины своей натуры, данных природой способностей. Понимает, что должен много и упорно учиться, чтобы достичь высот в творчестве, и интуитивно стремится быть рядом с людьми талантливыми, самобытными, тонко чувствующими. Один из тех, к кому в это время тянется великий князь Константин, – Достоевский.

Еще в девятнадцатилетнем возрасте он залпом прочитал роман «Бесы». А через несколько дней принялся за «Преступление и наказание». Перед ним открылся неведомый доселе мир – чердаков и подвалов, дешевых меблированных комнат, опустившихся людей. По сравнению с окружавшей великого князя с самого рождения роскошью и семейным благополучием все это показалось ему чем-то нереальным, рожденным фантазией автора. И вот состоялась первая встреча – на обеде у любимого кузена, великого князя Сергея Александровича среди прочих гостей оказался и Федор Михайлович Достоевский.

Молодой человек продолжает читать и анализировать многие сочинения знаменитого писателя. Вечер за вечером он посвящает знакомству с романом «Идиот», повестью «Бедные люди». Свои переживания от прочитанного Константин, как обычно, поверяет дневнику. 6 августа 1879 года он записывает:

> Мне так странно было грустно, следя за лицами, выведенными в этой повести, мне хотелось узнать, где во всем свете такие люди есть и помочь всем им.

Когда же в 1879 году в журнале «Русский вестник» стали, одна за другой, появляться главы романа «Братья Карамазовы», в среде столичной интеллигенции началось нечто невообразимое! Об этой книге спорили – до хрипоты – как о никакой другой. Причем споры эти вспыхивали не только в студенческой среде, в мрачных холодных комнатушках, но и в великосветских гостиных, даже в великокняжеских дворцах. Например, в Мраморном, где историк Н. Бестужев-Рюмин принялся однажды читать вслух главы из нового романа Достоевского. 25 сентября его ученик свидетельствует:

> …Спор поднялся ожесточенный, ум за разум стал заходить, кричали на всю комнату и ничего, конечно, не разобрали. Что за огромная сила мышления у Достоевского! Он на такие мысли наводит, что жутко становится и волосы дыбом поднимаются. Да, ни одна страна не производила еще такого писателя, перед ним все остальное бледнеет.

Константину хочется встречаться с Федором Михайловичем вновь и вновь, беседовать о жизни, литературе, постигать с его помощью вселенскую мудрость.

В феврале 1880 года он встречается с Достоевским и Владимиром Соловьевым в гостях у знаменитой петербургской певицы и композитора Ю. Ф. Абаза, жены министра финансов.

В этот период Константин Константинович продолжает знакомство с произведениями ставшего любимым писателя. Роман «Преступление и наказание» он называет одним из «лучших и глубоких произведений» русской литературы. А следующая запись – 26 февраля – посвящена непосредственно личности писателя:

> Я люблю Достоевского за его чистое детское сердце, за глубокую веру и наблюдательный ум. Кроме того, в нем есть что-то таинственное, он постиг что-то, чего мы все [не] знаем.

20 февраля 1880 года в столице произошел очередной террористический акт. Народоволец И. Млодецкий покушался на жизнь генерал-губернатора М. Лорис-Меликова, «бархатного диктатора». Власти отреагировали на происшедшее стремительно

и беспощадно, на 22 февраля по приговору военного суда была назначена казнь И. Млодецкого. Достоевский, считавший терроризм одним из проявлений нравственной болезни русской молодежи, относился к нему резко отрицательно. И все же пошел посмотреть на казнь преступника.

В дневнике Константина появляется подробная запись рассказа Достоевского об увиденном в этот день, и оценка услышанного великим князем:

> Достоевский ходил смотреть казнь Млодецкого: мне это не понравилось, мне было отвратительно сделаться свидетелем такого бесчеловечного дела; но он объяснил мне, что его занимало все, что касается человека, все положения его жизни, его радости и муки… Млодецкий озирался по сторонам и казался равнодушным. Федор Михайлович объясняет это тем, что в такую минуту человек старается отогнать мысль о смерти, ему припоминаются большей частью определенные картины, его переносит в какой-то жизненный сад, полный весны и солнца. И чем ближе к концу, тем неотразимее и мучительнее становится представление неминуемой смерти… Мне так грустно стало со слов Федора Михайловича, и возобновилось прежнее желание испытать самому последние минуты перед казнью, быть помилованным и сосланным на несколько лет в каторжные работы. Мне бы хотелось пережить все эти страдания: они должны возвышать душу, смирять рассудок.

Такие мысли выдают в великом князе натуру очень чистую, глубокую – такую, которая высоко поднимается над обыденностью. Они – та благодатная почва, которая даст толчок к развитию прекрасной поэзии.

Константин не раз приглашал Достоевского в Мраморный дворец, там устраивались интереснейшие литературные вечера. В узком кругу близких к великому князю людей, любивших писателя и ценивших его талант, Федор Михайлович читал главы из романа «Братья Карамазовы». Причем читал так проникновенно, что вызвал у своих слушателей слезы.

Эти два талантливых человека тянулись друг к другу, испытывали обоюдную симпатию. Но, как это ни покажется странным, подчас расположение Достоевского к великому князю Константину Константиновичу вменялось ему в вину. Находились люди, которые считали эту зарождавшуюся дружбу связью писателя с правительственными кругами. На самом же деле

Федор Михайлович испытывал искреннюю симпатию и привязанность к художественно одаренному молодому человеку, который чутко реагировал на все прекрасное в искусстве. И наконец, ему было просто приятно, как и любому творческому человеку, встретить искреннего почитателя своего таланта. К тому же сам писатель, прекрасно разбиравшийся в людях, увидел зорким взглядом в молодом человеке дар поэта. Об этом свидетельствует в дневнике Анна Григорьевна Достоевская, которая очень тепло пишет о великом князе:

> Это был… юноша, искренний и добрый, поразивший моего мужа пламенным отношением ко всему прекрасному и родной литературе. Федор Михайлович провидел в юном великом князе истинный поэтический дар.

А сам Константин Константинович всегда с особым душевным волнением вспоминал о встречах с великим русским писателем, признаваясь: «Мало мыслителей, которые бы приходились мне так по душе, как Достоевский». Федор Михайлович сумел затронуть самые сокровенные струны его души. Иначе не написал бы человек, всю жизнь проживший в прекрасных дворцах, так проникновенно о его героях:

> Отчего это у Достоевского всегда выводятся люди не как все, а какие-то необыкновенные, не то больные, не то сумасшедшие, а вместе с тем их чувства и мысли так нам знакомы и близки?

Такой отклик может вызвать лишь слово *гения.*

Большое влияние на формирование личности юного великого князя оказал в тот период еще один замечательный русский писатель – Иван Сергеевич Тургенев. В 1880 году он приехал в Санкт-Петербург из Парижа и был желанным гостем в кругах не только художественной интеллигенции, но и революционно настроенной молодежи. Его рады были видеть в разных домах, в том числе и в Мраморном дворце. Правда, не все его обитатели. Константин Константинович с нетерпением ожидал встречи с писателем, находившимся в зените литературной славы, а вот великая княгиня Александра Иосифовна даже не вышла из своих покоев, чтобы поприветствовать его. А все потому, что была убеждена: Тургенев – «красный».

Это предубеждение имело негативные последствия – в Мраморном дворце Тургенев действительно не имел успеха. Вот

что записал после встречи с писателем Константин Константинович:

> Вчерашний вечер с Тургеневым расстроился, он несколько раз подвергался подозрениям в революционном направлении… Эти предположения вовсе не основательны.

В симпатиях к революции Тургенева подозревали отнюдь не только в великокняжеском дворце. С опаской относилась к писателю и столичная полиция. Власти были недовольны тем, что на встречах с читателями публика устраивала ему овации, многие возбужденно выкрикивали слова восхищения. Дошло до того, что для выступления Тургенева в Литературном фонде понадобилось специальное разрешение полицейского начальства.

Великий князь Константин на все эти недоразумения старался внимания не обращать. Для него Тургенев был непререкаемым авторитетом в области искусства. Это подтверждает история, которая произошла с картиной А. Куинджи «Ночь на Днепре». Иван Сергеевич, оказавшись в мастерской живописца, одним из первых увидел только что законченное полотно. И тут же «пришел в восторг», как свидетельствует находившийся там вместе с ним Я. Полонский. 14 марта 1880 года великий князь пишет в дневнике, что на вечере у графини Анны Комаровской, служившей гофмейстериной у его матери, Тургенев с восторгом рассказывал собравшимся о последней работе Куинджи:

> …он так художественно ее описал, что мне захотелось непременно самому сличить рассказ с оригиналом. Вчера мы… поехали отыскивать мастерскую Куинджи… еле-еле нашли… проходив с четверть часа по разным закоулкам. Она находится под самой крышей… Сам Куинджи… не знал меня и смотрел с некоторым удивлением, тем более что, верно, не ожидал найти любителя искусства под морским мундиром. Впрочем, он очень учтиво пригласил нас в мастерскую и поставил перед своей картиной. Я как бы замер на месте.

Картина просто околдовала, заворожила Константина. Ведь ничего подобного раньше в русской живописи не было! Вот как великий князь описывает охватившие его в эти минуты чувства:

> Я испытывал такое ощущение, выходя на возвышенный холм, откуда вдали видна величественная

> река, освещенная луной. Захватывает дух, не можешь оторваться от ослепляющей волшебной картины, душа тоскует… Я сказал Куинджи, что покупаю его дивное произведение, я глубоко полюбил эту картину и мог бы многим для нее пожертвовать. Весь день потом, когда я закрывал глаза, мне виделась эта картина.

Итак, юный ценитель высокого искусства купил у Куинджи его прекрасное полотно. И не смог расстаться с ним, даже когда отплывал в кругосветное путешествие на фрегате «Герцог Эдинбургский». И вот картина вместе со своим законным владельцем отправилась почти в двухгодичное плавание. Но такому повороту событий воспротивились многие ценители русского искусства. Был среди них и Иван Сергеевич Тургенев, который очень беспокоился о том, как бы шедевр не повредили морские соленые испарения. Он сумел убедить великого князя хотя бы на некоторое время оставить картину на суше. В итоге замечательное произведение Архипа Куинджи в течение десяти дней было выставлено для всеобщего обозрения в Париже, в галерее Зельденмейера.

За несколько месяцев до предстоящего путешествия великий князь познакомился с еще одним блестящим представителем русского искусства – великим композитором Петром Ильичом Чайковским. Буквально с первой же встречи Константин почувствовал, что перед ним родственная душа. У него было такое впечатление, будто они «давно знакомы и даже дружны». Молодой моряк тут же стал уговаривать Чайковского отправиться с ним в море, и тот был уже почти согласен – «очень сдается на наше предложение».

Сам же композитор после первой встречи с юным Константином, состоявшейся в Мраморном дворце, писал своему многолетнему другу Надежде Филаретовне фон Мекк, характеризуя великого князя:

> Это молодой человек двадцати двух лет, страстно любящий музыку и очень расположенный к моей. Он желал со мной познакомиться… Юноша оказался чрезвычайно симпатичным и очень хорошо одаренным к музыке. Мы просидели от девяти часов до двух ночи в разговоре о музыке.

Однако совместное плавание двух людей, которые очень хорошо понимали друг друга, не состоялось. Возможно, Чайковский не был готов к многомесячному морскому

путешествию, а может, причина оказалась в другом: Константин Константинович выражал в своем дневнике сомнение – «согласится ли начальство».

Во всяком случае, с первой же встречи стало ясно: у великого композитора и юного великого князя, обладавшего несомненным музыкальным даром, установились самые теплые, дружеские взаимоотношения, полное взаимопонимание. Началась длительная переписка, духовно обогатившая обоих.

Юный великий князь никогда не проходил равнодушно мимо значительных, ярких явлений в современной ему художественной культуре, особенно если они появились на российской почве. Он внимательно изучал все новое, интересное, хотя и не всегда соглашался со сложившимся общественным мнением. Даже совсем в молодом возрасте у него была своя точка зрения на ценность того или иного произведения, ярко выраженная позиция.

Глава пятая
«Лучше мертвый, чем поэт»

Фрегат «Герцог Эдинбургский», на борту которого находился великий князь Константин, покинул порт Кронштадт 8 декабря 1880 года. Из северных широт он направлялся в Средиземное море. Впереди – Италия, Греция, Алжир. Вдали от дома морякам предстояло провести два долгих года.

Большую часть времени они находились в разных портах Европы. Однако на этот раз Константин не просто равнодушен к многомесячному плаванию – великий князь испытывает к нему стойкое отвращение. С детства у него слабое здоровье, он часто хворает. Константин старается быть честным с самим собой, своей совестью: он чувствует, что просто неспособен к морской службе.

Но как сказать об этом отцу, какие найти слова, чтобы не ранить его в самое сердце? Ведь Константин Николаевич, страстно преданный морской службе, всегда мечтал о том, чтобы сыновья продолжили дело его жизни. А вот не получается… Старший сын, Никола, стал в августейшем семействе персоной нон-грата, отлучен от морской службы по указанию самого императора, Вячеслав умер совсем юным. С Дмитрием ни о чем невозможно всерьез говорить, кроме его любимых лошадей. Его дорога – конная гвардия. Значит, он, Константин – последняя надежда отца. Он просто обязан продолжить его дело по преобразованию российского флота! Но… не может. Что же делать?

В жизни бывают моменты, когда самое, казалось бы, важное дело вмиг отходит на задний план. Именно так произошло с Константином в начале марта 1881 года. До моряков, находившихся вдали от России, дошла страшная весть об убийстве террористом Игнатием Гриневицким императора Александра II. Константин с раннего детства любил и уважал своего дядю, и смерть эта потрясла его до глубины души.

Тогда же сын почувствовал, что над головой отца сгущаются тучи. Великий князь Константин Николаевич давно не ладил с некоторыми из своих подчиненных – членами Государственного совета. И дело было не только в том, что он истратил немалую сумму из государственной казны на броненосцы, которые плохо держались на воде, и на построенную для императора яхту «Ливадия», почти сразу же после спуска на воду отправленную в

ремонт. Истинная причина нелюбви многих чиновников к председателю Государственного совета была в его прозападной позиции, которую он даже не пытался скрыть. И это в то время, когда о себе заявляли в полный голос нигилисты! Вместо того чтобы ужесточить подчинение всех слоев населения центральной власти, родной брат императора выносит на обсуждение высших государственных сановников предложение о предоставлении земствам и другим общественным организациям дополнительных прав и свобод! Слыханное ли это дело?

Сам Константин Николаевич – всегда энергичный, деятельный, не обращал особого внимания на недоброжелательство окружающих. Он считал: пока страной правит старший брат, его положение незыблемо. Правда, племянник, наследник престола, *угрюмый Сашка,* как называет его Константин Николаевич в своем дневнике, явно его не жалует. Причина понятна – великий князь сблизился в последнее время с княгиней Юрьевской, а *Сашке*, примерному семьянину, это ох как не нравится! Ну да ничего, государь в прекрасной физической форме, он еще долго будет царствовать, а между братьями – полное взаимопонимание.

…В роковой день 1 марта бомба террориста Гриневицкого оборвала на набережной Екатерининского канала жизнь императора-освободителя Александра II. Через два года в память о страшном событии на этом самом месте будет заложен храм Воскресения Христова, который в народе станут называть «Спас на крови». Но это будет потом, а пока… Израненного императора с раздробленными ногами везут в Зимний дворец. Это совсем близко от места трагедии, но путь кажется таким долгим… как же ему мучительно больно! Сознание мутится, жизнь, вместе с кровью, уходит по капле в бездну… Через несколько часов его не станет.

В Мраморный дворец, до которого рукой подать, мчится посыльный. Услышав страшную весть о покушении на брата, Константин Николаевич тотчас оделся и бросился с замиранием сердца в Зимний. Вот как об этом свидетельствует дневник великого князя:

> Там всюду толпа, и снаружи, и внутри. Кабинет наполнен семьею и разными близкими людьми. И тут на постели увидел окровавленного умирающего брата, Царя-освободителя. Страшное, ужасное зрелище!.. В другой комнате при Сашке, новом государе, разговоры про первые распоряжения и завтрашний день. Сказал ему, что как служил отцу и брату, так буду служить и

племяннику.

Но Александр Александрович был иного мнения. Про себя он решил, что с дядей не сработается. Правда, сразу же сказать ему об этом в лицо не осмелился – слишком велики заслуги Константина Николаевича перед обществом. Прилюдно даже обнял его, произнес какие-то приятные слова. Но буквально через несколько дней после похорон отца объявил монаршую волю: он требует, чтобы великий князь Константин Николаевич отказался от всех занимаемых им должностей и покинул Санкт-Петербург.

Тот в ответ взбунтовался. Но куда там! Настали иные времена, и к власти пришли совсем другие люди. В столице ходили слухи, что для Константина Николаевича приготовлена камера в Шлиссельбургской крепости. Пришлось смирить гордыню и подчиниться воле нового самодержца. В мае 1881 года он вместе со своей возлюбленной и их общими детьми уехал жить в Крым – в свое имение Ореанду.

Сын же, в отличие от отца, к своему кузену, ставшему императором, относился с симпатией. Еще два года назад он написал об Александре Александровиче, тогда еще цесаревиче, в дневнике: «…я его весьма люблю, он привлекает меня честным, открытым, благородным видом». Константин жалеет, конечно, отца, оказавшегося в опале, но собственная карьера его не волнует. Нет у него амбиций относительно высоких чинов и воинских званий.

Судьба, словно награждая Константина за подобный альтруизм, дала ему в это нелегкое время прекрасную возможность много путешествовать, повидать мир. Летом 1881 года он вместе со своими кузенами – великими князьями Сергеем и Павлом, совершил паломничество к Гробу Господню в Иерусалим. Именно здесь, на Святой Земле, он пришел к убеждению, что создан для жизни во благо православной церкви. В своем желании стать подвижником благочестия юноша признался старцу Иерониму, с которым встретился в Афоне. В августе он пишет в дневнике о разговоре со святым старцем:

> Я выразил ему желание посвятить жизнь свою на улучшение быта духовенства и под старость принять на себя ангельский образ, быть архиереем и приносить великую пользу. Он сказал мне, что пока ждет меня иная служба, иные обязанности, и со временем, быть может, Господь благословит мое намерение…

Вскоре, сойдя с фрегата в Афинах, он принимает решение

пожить некоторое время у сестры Ольги Константиновны – королевы эллинов. В ее летней резиденции в Татое, среди прекрасной южной природы, которая умиротворяет, способствует душевному спокойствию, Константин чувствует потребность вновь обратиться к поэзии. Свои чувства он выразил в «звуках арфы золотой», в «святом песнопенье», посвященном скорбящему душой «Псалмопевцу Давиду»:

О, царь, скорбит душа твоя,
Томится и тоскует!
Я буду петь: пусть песнь моя
Твою печаль врачует.

Пусть звуков арфы золотой
Святое песнопенье
Утешит дух унылый твой
И облегчит мученье.

Их человек создать не мог,
Не от себя пою я:
Те песни мне внушает Бог,
Не петь их не могу я!

О, царь, ни звучный лязг мечей,
Ни юных дев лобзанья
Не заглушат тоски твоей
И жгучего страданья!

Но лишь души твоей больной
Святая песнь коснется, —
Мгновенно скорбь от песни той
Слезами изольется.

И вспрянет дух унылый твой,
О, царь, и торжествуя,
У ног твоих, властитель мой,
Пусть за тебя умру я!

Читаешь это стихотворение, и невольно вспоминаются слова яркого представителя русского зарубежья философа Семена Франка, написавшего однажды о том, что для Александра Сергеевича Пушкина поэзия была «выражением религиозного восприятия мира». Думается, эти слова в полной мере можно отнести и к поэтическому творчеству великого князя Константина

Константиновича. Даже к такому раннему его литературному опыту, как «Псалмопевец Давид», который открывает большой цикл стихотворений на библейскую тему.

К этому же времени относится и стихотворное послание любимому кузену, великому князю Сергею Александровичу. Оно носит ностальгический характер и написано в романтической традиции. Стихотворение «Письмо» содержит зарисовки быта и воспоминания о былых встречах, но прежде всего оно напоминает о том, что адресовано сыну, недавно потерявшему отца:

…Неумолимою судьбою
Надолго вновь разлучены
Опять тоскуем мы с тобою,
Опять друг друга лишены.
На север сумрачный и дальний
Тебя увлек твой рок печальный;
На царство снега, зим и вьюг
Ты променял роскошный юг.
Но дней былых былое счастье
Найдешь ли ты в краю родном,
И в сердце пылком и кругом
Не встретишь ли одно ненастье?
Минувших лет не воскресить!
Былых времен не возвратить!
А помнишь Стрельну, Павловск милый?
А помнишь Царское Село?
И нашей осени унылой
Не то мороз, не то тепло?
А наши радости и беды?
А наши долгие беседы
В вечерний час с тобой вдвоем
За самоваром и чайком?
А на дворе так заунывно
Осенний ветер завывал,
По стеклам окон дождь хлестал,
А мы, бывало, непрерывно
Всю ночь болтаем напролет,
Пока совсем не рассветет.
Прошло то дорогое время!
Уж милых сердцу боле нет, —
Тебе осталось только бремя
Воспоминаний прежних лет.
Но ты, не помня горькой доли,
Как знаменосец в ратном поле,

Иди с хоругвею своей,
Иди вперед, иди смелей,
К высокой цели твердой волей
Стремися пылкою душой,
Стремись до сени гробовой
И в этой жизненной юдоли
Среди порока, зла и лжи
Борьбою счастье заслужи!

Однако стихи, ставшие для Константина неиссякаемым источником радости, не заслоняют размышлений о необходимости уйти с морской службы. Предвидя гнев отца, великий князь все же отправляет Александру III письмо, в котором просит освободить его от флотских обязанностей. В ожидании монаршего решения в декабре 1881 года он отправляется на фрегате «Герцог Эдинбургский» в Египет.

Там юноша, стремясь постичь тайны древней цивилизации, любуется пирамидами, сфинксами. Захаживает и на арабские базары, которые поражают воображение богатством и обилием красок. Но столь приятное, беззаботное времяпрепровождение длится недолго – вскоре Константин заболел воспалением легких. К этому добавилась еще одна серьезная неприятность – паралич лицевого нерва. Как впоследствии выяснилось, причиной его стало неправильное лечение.

Больного на фрегате «Забияка» перевозят в Италию. Выздоровление идет медленно, глаз великого князя некоторое время закрывает повязка. Но все же постепенно ему становится лучше, и уже в начале 1882 года он отправляется к сестре в Афины. Там получает радостную весть – император удовлетворил просьбу великого князя Константина об увольнении его с флотской службы. Неприятно лишь то, что свое решение он не согласовал с отцом юноши – великим князем Константином Николаевичем, как бы лишний раз подчеркнув свое негативное к нему отношение. А ведь этого требует обычай, который соблюдают уже много лет все члены августейшего семейства.

Конечно, Константин Николаевич был очень расстроен, когда узнал о том, что сын оставил морскую службу. Он так хотел, чтобы все его сыновья – Константиновичи – верой и правдой служили Российскому флоту! В это время он путешествует по Европе и просит Константина встретиться с ним в Вене.

Сын отправляется к отцу. Настроен он решительно и, хотя по-прежнему немного робеет перед родителем, уступать ему не намерен. Но Константин Николаевич уже не так грозен, как

прежде, в глазах его порой поблескивают слезы. И речь его не обличительна, а, скорее, похожа на жалобу «…Теперь, когда он и так уже много сряду имел неприятностей, эта рана останется неизлечимой до конца его жизни», – записывает его сын в дневнике.

Константин с жалостью смотрит на отца, молчит. Ему неловко… Но стоит лишь подумать, какой тусклой и неинтересной стала бы его жизнь, если бы он навсегда связал ее с морем, как к нему тут же возвращается решимость. Сын твердо стоит на своем, и отцу приходится смириться с его упрямством. Что ж, видно, у *Костюхи* другая судьба, не морская. Не сразу, не без труда он дает свое согласие на продолжение сыном службы в пехотном полку.

А Константин после этого разговора почувствовал, как душа его наполняется радостью: «Теперь гора с плеч свалилась».

Великому князю Константину идет двадцать четвертый год. Отставки он добился, и желанная свобода наконец достигнута. Он чувствует неизбывную тягу к поэзии, жизнь, настоящая и будущая, кажется ему прекрасной. Для полноты счастья не хватает лишь одного – достойной невесты. Родные не раз уже заводили разговор о том, что ему пора жениться.

Но ведь жену надо искать среди тех, кто равен тебе по общественному положению! Так принято среди Романовых, и от этого не уйти. Впрочем, великий князь и не думает противиться установленному в семье порядку вещей. Он знает, что, как представитель Российского императорского дома, состоит в родстве со многими семействами королевской крови в Германии. Значит, нужно нанести визиты вежливости туда, где есть девушки на выданье. Познакомиться с ними, присмотреться, а потом, даст бог, и сделать хороший выбор…

В Карлсруэ он встречается с Мари, дочерью одной из своих кузин. Первое впечатление об этой девушке, почти еще ребенке, у великого князя сложилось какое-то неопределенное. Ничего плохого он сказать о ней не может и не хочет, но… сердце не дрогнуло, не заныло от сладкой муки. В конце мая 1882 года он записывает в дневнике:

> …носик, может быть, слишком вздернутый и волосы слишком высоко зачесанные назад, хороший цвет лица, глаза не задумчивые, почти детские, движения свободные, не некрасивые. Выражение лица своей беспечностью и детской развязностью не подходило к фигуре уже взрослой девушки. Я внутренне задавал себе

вопрос: «Эта или нет?» Но ответа внутри никакого не слышалось.

Определенно Мари не произвела на Константина должного впечатления. Он поговорил откровенно с ее матерью, и оба они решили, что не стоит форсировать события. Лучше подождать. А там, глядишь, девушка повзрослеет, и молодые люди по-настоящему понравятся друг другу… Как знать?

Великому князю пора было возвращаться домой, в Россию. Путешествие и так затянулось – два долгих года он не был дома. Соскучился… Вот наконец и граница. С какой же радостью он здоровается с первым встреченным им на пути русским солдатом пограничной службы. Об этом пишет в июне 1882 года в дневнике: «…Так приятно было услышать русский военный ответ: „Здравия желаю“». Ностальгия давала о себе знать…

Еще до возвращения домой, живя в гостях у сестры, Константин рассказывает ей о своем стремлении стать поэтом, показывает сочиненные здесь же, в Греции, стихотворения. Ольге Константиновне они очень нравятся, и она от души хвалит брата. Это его воодушевляет, и, приехав в Санкт-Петербург, он решается наконец отправить их в редакцию журнала «Вестник Европы». Конечно, подписать стихи своим настоящим именем он не может – это просто *неслыханно*. Поэтому скрывается за криптонимом К. Р.

И вот – первый успех, которого Константин так долго ждал! Его стихотворение «Псалмопевец Давид» напечатано в августовском номере журнала за 1882 год, рядом с произведениями таких известных литераторов, как И. С. Тургенев, А. К. Толстой, А. М. Жемчужников. Это вселяет надежду, окрыляет. Какая же это огромная радость – увидеть написанные тобой, выстраданные строки напечатанными! Значит, он может теперь писать не только для себя и самых близких людей, но и для читателей. Надо не останавливаться на достигнутом, работать…

И Константин работал – самозабвенно. В следующем номере журнала, сентябрьском, были напечатаны уже пять его стихотворений, под общим заголовком «В Венеции». Это «Мост вздохов», «Помнишь, порою ночною», «Баркарола», «Надпись на картине», «Скользила гондола». И хотя немногие читатели «Вестника Европы» знали, что за автор скрывается под псевдонимом К. Р., сам великий князь по праву уже осознавал себя поэтом. Пусть его и нельзя назвать пока мастером, но в искренности чувств ему никак не откажешь. Святая правда

проступает в одном из его стихотворений, написанных в 1882 году:

Я всю любовь, все лучшие стремленья,
Все, что волнует грудь в ночной тиши,
И все порывы пламенной души
Излил в свои стихотворенья…

Стопка исписанных листов бумаги в ящике письменного стола становится все толще. Здесь и перевод трагедии Ф. Шиллера «Мессинская невеста», начатый еще в 1881 году, и лирические стихотворения «Ты победил, Галилеянин», «Легенда про Мертвое море», «Серенада»… Впечатления о дальних странствиях переплавились в чудные строки, обогатившие русскую поэзию.

Наступила осень, и вновь дает о себе знать слабое здоровье великого князя. Врачи настоятельно рекомендуют ему ехать в Италию, где климат намного мягче, чем в Санкт-Петербурге. Он путешествует вместе с отцом, которого почитает, но все же… в общении с ним испытывает трудности. В конце октября в дневнике появляется признание:

> Теперь до конца года предстоит путешествовать с папа. К стыду моему, признаюсь, что это меня почти совсем не радует, так как я теряю свободу.

К этому ощущению прибавляется еще одно горькое чувство, которое преследует его повсюду, – страшная тоска по Родине. Оно вошло в плоть и кровь, стало неотъемлемой частью натуры. Стоит Константину уехать из родных мест, и тоска эта теснит грудь, не дает свободно дышать. Даже богатейшие коллекции произведений искусства в многочисленных музеях прекрасной Флоренции не могут отвлечь его от мрачных мыслей. 21 октября он пишет в дневнике: «Мне снилось, что я дома, в России, и когда я проснулся, долго не мог прийти в себя…»

Но со здоровьем не поспоришь. Его, как известно, надо беречь с молодости.

Вот он и путешествует по Италии вместе с отцом, который, кстати, этому очень рад. 19 октября 1882 года великий князь Константин Николаевич сделал в своем дневнике такую запись: «В Венеции я съедусь с Костей. Он мне будет весьма полезным чичероне, потому что сам артист в душе и в Италии довольно долго…» Итак, оказывается, отец прекрасно понимает, что сын в

душе – артист! А вот рад ли он этому божьему дару Константина?

Во время путешествия у них состоялось несколько важных для всей дальнейшей судьбы Константина разговоров. Один из них – возле знаменитого моста Вздохов. Сын спросил отца, читал ли тот его стихи «про *ponte dei sospiri*» (мост Вздохов). Вот эти замечательные строки:

Под мостом Вздохов проплывала
Гондола позднею порой,
И в бледном сумраке канала
Раздумье овладело мной.
Зачем таинственною сенью
Навис так мрачно этот свод?
Зачем такой зловещей тенью
Под этим мостом обдает?
Как много вздохов и стенаний,
Должно быть, в прежние года
Слыхали стены этих зданий
И эта мутная вода!
Могли б поведать эти своды,
Как в дни жестокой старины,
Бывало, оглашались воды
Паденьем тела с вышины;
И волн, и времени теченье
Спешило тело унести:
То были жертвы отомщенья
Совета Трех и Десяти…
Но не болтливы стен каменья,
Неразговорчива вода,
И лишь в одном воображенье
Встают минувшие года.
Безмолвна мраморная арка,
Безмолвен сумрачный канал…
Крылатый лев святого Марка
Сном вековечным задремал.

Казалось бы, отец должен обрадоваться развитию поэтического таланта сына. Но – нет. То, что произошло дальше, юный поэт описывает в дневнике:

> Он отвечал, что видел в «Вестнике Европы» стихотворения К. Р., между прочим «Баркаролу», и что каждый раз эти стихотворения возбуждали в нем самое неприятное чувство, что стыдился меня. Я в удивлении

молчал.

Константин недоумевал, был очень обижен. Константин же Николаевич, вздохнув, стал неторопливо рассказывать сыну о собственной юности. Оказывается, когда-то очень давно он и сам написал стихотворение – под влиянием баллад Шиллера. Тоже таился сначала, но об этом в конце концов узнал отец, император Николай I, и вынес свой не подлежащий обсуждению вердикт: «Mon fils – mort plus tot que poete» (Мой сын – лучше мертвый, чем поэт).

Помолчали… Константин понял, что отец никогда не одобрит его занятий литературой, поэзией. А Константин Николаевич, словно прочитав мысли сына, напомнил ему, что дед-император «не допускал, чтобы великий князь мог и подумать о каком-либо занятии вне службы государству». Сам он, давно забыв о грехах молодости, всецело отдал свою жизнь служению российскому флоту. Так, как и было положено всем мужчинам августейшего семейства.

Константин же продолжал молчать. Нет, он не возражал отцу, не стал с ним спорить, лишь с тоской еще раз посмотрел на знаменитый мост Вздохов. Одобрения, благословения он не получит никогда… Что ж, значит, придется идти выбранным путем в одиночестве. Но от своего призвания он не отступится никогда, каких бы нравственных мучений это ему ни стоило…

Глава шестая
«Мне Бог ее послал…»

Художественные впечатления от Италии, по которой Константин продолжает путешествовать с отцом, оставляют неизгладимый след в душе молодого человека. Вот оба великих князя идут послушать торжественную мессу в собор Санта-Мария-Маджоре, и в дневнике младшего появляется восторженная запись:

> Когда мы вошли, нас обдало полумраком, красные занавески окон пропускали в церковь тусклый свет, в котором тысячи свечей разливали свой мягкий таинственный блеск.

А вот отец и сын посещают венецианскую Академию художеств, молча стоят перед прекрасными полотнами Тинторетто, которые юный Константин любит, как он признается, «за могучую силу рисунка и сильный колорит. Воскресение, распятие, все это удивительно по смелости воображения и толкования». Очарован, околдован юный поэт и «Мадонной» Д. Беллини. Следуя порыву вдохновения, он пишет строки о «Пречистой»:

> С какою кротостью и скорбью нежной
> Пречистая взирает с полотна!
> Грядущий час печали неизбежной
> Как бы предчувствует Она!
>
> К груди Она младенца прижимает
> И Им любуется, о Нем грустя…
> Как Бог, Он взором вечность проницает
> И беззаботен, как дитя!

Все сокровенные мысли великого князя – о поэзии. И хотя к этому времени он уже сложился как поэт, сам он сомневается в своих способностях, печалясь о том, что никогда ему не достичь высот в искусстве:

> Как бы мне хотелось быть гениальным поэтом! Но я никогда не выйду из посредственности, никогда не стану гением, как Пушкин, Лермонтов, ни даже гениальным

талантом, как А. Толстой, буду разве навек талантливым, и только!

И все же, несмотря на высокие требования, которые он предъявляет к себе, в собственном предназначении Константин не сомневается. Об этом он пишет в одном из своих лучших стихотворений, находясь в гостях у сестры Ольги Константиновны в Афинах:

Я баловень судьбы… Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, —
Рождением к величью я призван.
Но что мне роскошь, злато, власть и сила?
Не та ж ль беспристрастная могила
Поглотит весь мишурный этот блеск,
И все, что здесь лишь внешностью нам льстило,
Исчезнет, как волны мгновенной всплеск?
Есть дар иной, божественный, бесценный,
Он в жизни для меня всего святей,
И ни одно сокровище Вселенной
Не заменит его душе моей:
То песнь моя!.. Пускай прольются звуки
Моих стихов в сердца толпы людской,
Пусть скорбного они врачуют муки
И радуют счастливого душой!
Когда же звуки песни вдохновенной
Достигнут человеческих сердец,
Тогда я смело славы заслуженной
Приму неувядаемый венец.
Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь,
Но тем, что песни русские, родные
Я буду петь немолчно до конца
И что во славу матушки России
Священный подвиг совершу певца.

В ту пору, когда писал это стихотворение, в 1883 году, великий князь Константин не мог даже предположить, что судьба обойдется с его детьми страшно, жестоко. Предвидеть будущее, тем более далекое, он не мог, лишь насторожило прощание со старцем, великомучеником Пантелеймоном, обитель которого

великий князь посетил в Афоне в 1881 году. 18 августа в дневнике появляется пророческая запись:

> …он благословил меня и поклонился до земли. Мне припомнился земной поклон старца Зосимы (у Достоевского) перед будущим страданием Дмитрия Карамазова. И мне, быть может, предстоят великие страдания.

Тогда, в юности, когда жизненная дорога представлялась светлой и радостной, он не предполагал, насколько они будут велики. Пока *судьба* Константина Константиновича действительно хранила…

Великий князь вынужден был отправиться на несколько дней в немецкий город Альтенбург, столицу герцогства Саксен-Альтенбургского. Повод для этой поездки был очень печальный – похороны родственницы, принцессы Маргариты, скончавшейся от воспаления легких четырнадцати лет от роду, на которых Константин представлял свою семью. Но горе в жизни часто бывает тесно переплетено с радостью. Так получилось и на этот раз: в доме принца Морица и принцессы Августы Саксен-Альтенбургских, потерявших одну дочь, он увидел другую – Елизавету, которая вскоре станет его невестой.

Молодые люди понравились друг другу с первого же взгляда.

> Я на нее посматривал… Подойти к ней, я думал, нельзя, и грустным голосом невольно говорил смешные вещи… Итак, с ней мы сказали всего два-три слова. На прощание она опять посмотрела на меня как-то особенно и крепко сжала мою руку. О, этот взгляд!

Елизавета явно произвела большое впечатление на молодого человека. Он думает о ней с нежностью – совсем не так, как о маленькой Мари, с которой его знакомила кузина. Тут – совсем другое чувство.

Спустя многие годы дочь Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны – княжна Вера Константиновна – в одном из номеров журнала «Кадетская перекличка» за 1972 год пересказала читателям рассказ матери о том, какое сильное впечатление произвел на нее при первой встрече отец, стоявший, облокотившись на камин, в столь шедшем ему военном мундире. Когда же они сидели рядом за столом, Константин, рассматривая серебряный браслет с красивым камнем, надетый на руку его будущей невесты, спросил:

– Тебе нравится форма этого браслета?

Девушка ответила утвердительно.

После этого он, серьезно посмотрев ей в глаза, сказал:

– Когда у меня будет невеста, я ей подарю такой же браслет.

Впоследствии, став женихом Елизаветы, он так и сделал.

После смерти матери семейную реликвию унаследовала княжна Вера Константиновна. Уже находясь в эмиграции, выступая однажды перед соотечественниками, она, рассказав об этом случае, призналась, что постоянно носит дорогой ее сердцу браслет, и показала его аудитории.

Константин еще не может до конца разобраться в собственных чувствах. Полюбил он Елизавету или это просто увлечение? Он еще не вполне оправился после болезни, лишь недавно с глаза сняли повязку, и его «кривое лицо» еще больше «кривится от волнения». Но в дневнике молодой человек записывает: «Мне сладко вспоминать ее», «Я мечтал о Елизавете. Мне так хочется ее видеть…» И вот он уже грезит о совместном с ней будущем, о семье и детях, о перемене в доме: «Как красиво отделаю нашу старую детскую белую залу в Мраморном».

Но вопрос о женитьбе наталкивается на противодействие со стороны родителей девушки. Да, конечно, претендент на руку и сердце их дочери – богатый и знатный молодой человек, член императорской фамилии. Но, во-первых, в России неспокойно, там то и дело происходят бунты и террористические акты. А во-вторых, Константин, хоть и хорош собой, отменно воспитан, талантлив, все же партия незавидная – вертопрах! Вот родственники его, тех же, что и он, лет, служат государю, имеют у него почет и уважение. А он – кто? Человек без звания и должности. На таких обычно смотрят пренебрежительно и, как правило, обходят монаршим вниманием. Разве о таком суженом они мечтали для своей дочери?

Константин же, словно почувствовав, в чем дело, хлопочет о поступлении в гвардейскую пехоту. Но мысли его теперь – прежде всего о Елизавете. Находясь во Флоренции, пишет в дневнике:

> Ложась спать, я всегда крещу образом свою постель, а здесь крещу также и пустое место двуспальной кровати и заочно благословляю Елизавету. Это, может быть, сентиментально, но доставляет мне удовольствие и утешение.

Но совсем неутешительно письмо, полученное от матери: «Мама пишет мне, что в Альтенбурге смотрят на мое дело как на проигранное и забытое». Что же делать?

Пока сын мечтает и переживает, ничего толком не предпринимая для достижения желаемого, его мать, великая княгиня Александра Иосифовна, решает лично взяться за дело. Нет, она вовсе не намерена потакать сыну, жениться ему следует на ее племяннице – Мери Ганноверской. Правда, она значительно старше Константина, ей чуть за тридцать, но зато препятствий для брака не будет никаких, к тому же во всех вопросах она будет послушна свекрови. Но сын, совершенно неожиданно для Александры Иосифовны, взбунтовался. Неслыханное дело! Он пишет матери письмо, в котором объясняет, что желанный для нее брак лично для него невозможен по трем причинам:

> 1. Я не позволю себе, против указаний православной церкви, жениться на двоюродной сестре. 2. Я не хочу жениться на женщине, у которой уже теперь седые волосы. 3. Мое сердце занято.

Матери не остается иного, как смириться. Тем более что отец выбор Константина одобрил. И великая княгиня решительно берется за устройство судьбы сына, теперь уже следуя его желаниям.

Воздвигнутые родителями Елизаветы препоны лишь умножают любовь Константина, и он выражает ее, как умеет – в стихах:

> Взошла луна… Полуночь просияла,
> И средь немой, волшебной тишины
> Песнь соловья так сладко зазвучала,
> С лазоревой пролившись вышины.
> Ты полюбила, – я любим тобою,
> Возможно мне, о, друг, тебя любить!
> И ныне песнью я зальюсь такою,
> Какую ты могла лишь вдохновить.

А примерно через месяц, уже в Мраморном дворце, написано еще одно посвящение Елизавете:

> Я засыпаю… Уж слабея и бледнея,
> Сознанье еле властно надо мной,
> И все еще, как наяву, дрожа, немея,
> Я вижу образ твой перед собой.
> За мной смыкаются действительности двери,
> Я сплю, – и в царстве призраков и снов
> Ты мне являешься, пленительная пери,

И звуки ласковых я слышу слов.
Я просыпаюсь, полн волшебных впечатлений,
К тебе протягиваю руки я, —
Но расступилися уже ночные тени,
Уж воцарилося сиянье дня.
И пронеслися мимолетные виденья…
И целый день с томлением, с тоской
Я темной ночи жду, – жду грез и усыпленья,
Чтоб хоть во сне увидеться с тобой!

Какая девушка устоит, если ей посвящают стихи? А если к тому же жених пригож, ласков и нежен, сердце невольно забьется часто-часто и думы будут только о суженом. Так и случилось с Елизаветой. Родители отговаривали ее от этого брака, как могли, пытались внушить неразумной дочери, что жизнь в России – словно на пороховой бочке. Ведь там постоянные волнения и беспорядки! Но – напрасно. Обычно послушная и почтительная по отношению к родителям дочь была теперь тверда как камень. Она заявила, что с радостью поедет в Россию и вовсе «не боится пороха». Любовь оказалась сильнее слов.

Родителям пришлось уступить. И вот в Санкт-Петербург отправлена телеграмма весьма странного содержания: «Пианино куплено». Это своеобразный пароль, условленный между влюбленными. Текст следует понимать так, что родители Елизаветы согласны выдать ее замуж за русского великого князя.

Едва получив телеграмму от возлюбленной, взволнованный Константин спешит в ювелирный магазин – купить ей подарок. Он обязательно должен понравиться невесте! Молодой человек дотошно рассматривает драгоценные украшения и наконец делает выбор. Это – рубин, стоимостью 2500 рублей. Очень дорого, но камень действительно того стоит.

Вскоре пришло приглашение от кузена Саши – императора Александра III, на завтрак в Гатчинский дворец. Это очень кстати, Константину предоставляется счастливый случай поговорить с ним серьезно наедине. Ведь без разрешения государя никто из членов императорской семьи не имеет права вступать в брак. Константин, волнуясь, заводит разговор о самом для него сейчас важном:

– Я хочу тебе сказать… Видишь ли, я думаю жениться!

Александр Александрович рассеянно ответил:

– Что ж, я очень рад. И на ком же?

– На Елизавете Альтенбургской.

– Рад, очень рад за тебя.

Константин просиял. Он был очень благодарен государю, хотел рассказать, какая замечательная у него невеста. Но Александра III в этот момент волновало совершенно иное – возвращение из-за границы в столицу вдовы его отца, княгини Юрьевской. Неприязнь императора к ней была настолько велика, что он не хотел ее видеть. Вот об этом он и говорил, словно жалуясь великому князю Константину. Тому же пришлось поддержать разговор, хотя думал он в эти минуты лишь о Елизавете и предстоящей женитьбе на ней.

…Получив благословение родителей, он отправился в Германию – свататься. Наконец все вроде бы сладилось, и влюбленные могут практически целые дни проводить вместе. В их честь устраивают балы, светские рауты, торжественные обеды… А оставшись наедине, молодые люди говорят обо всем на свете и чувствуют, что не могут наговориться. Это ли не настоящее счастье?

Но неожиданно Константин начинает испытывать неуверенность в своих чувствах, сам не понимая почему. В дневнике появляется тревожная запись:

> Меня мучили сомнения. Люблю ли я ее? И ответа я не находил. Мое пребывание здесь казалось мне тяжелым сном, я не сознавал себя вправе решиться просить ее руки, не будучи уверен в своей любви, и вместе с тем говорил себе, что возврата нет, и знал положительно, что завтра пойду к ее родителям с окончательными объяснениями… Временно наступали мгновения, когда мне казалось, что я люблю ее больше всего на свете, и потом опять овладевали мною сомнения…
>
> …Она, кажется мне, гораздо более меня любит, чем я ее. А я смотрю на нее с нежностью, как на младшую сестру. Но достаточно ли этого? Мне всегда казалось, что жених должен сгорать от любви, томиться, бледнеть и гаснуть.

И все же помолвка состоялась – 15 ноября, в день памяти Гурия, Самона и Авива, которые считаются покровителями семейного очага. Как показала дальнейшая жизнь, это оказалось хорошим знаком.

Невеста светилась от счастья. Княжна Вера Константиновна впоследствии утверждала, что мать ее «всю жизнь помнила звуки палаша[3], когда отец в вицмундире Конного полка шел по лестнице замка, направляясь к ее родителям». Добавим: делать

официальное предложение.

Жених же, внешне спокойный и счастливый, не переставал задавать себе один и тот же вопрос: любит ли он Елизавету? Ведь если за любовь он принял всего лишь привязанность, симпатию, что за жизнь ждет их в будущем? Ложь, притворство, равнодушие… Но это не в его характере! Вечером, встав на колени перед иконой, он даже заплакал, умоляя Бога послать ему любовь. Стараясь успокоить себя, записывает в дневнике:

> Я люблю невесту. Без увлечения, без страсти, без восторгов, но люблю. Мне Бог ее послал, я не сам ее выбирал и чувствую к ней законную привязанность, как будто и быть иначе не может.

Постепенно Константин успокаивается, словно смиряется с неизбежным:

> Теперь я окончательно убедился, что люблю невесту более из чувства долга, по обязанности, чем невольно или по влечению. Это меня огорчает, но не мучит, как первые дни после помолвки.

Выбор сделан. Ему пора возвращаться в Санкт-Петербург, готовить Мраморный дворец для приема невесты, поступать на военную службу. Ей остается ждать и надеяться. Впереди, через год – свадьба.

3 мая 1883 года великий князь Константин возвращается домой. Теперь он официально жених. Он пока не совсем здоров – в Афинах, по утверждению русских врачей, его лечили «очень дурно», и «болезнь, верно, будет долго длиться». Но есть и радостная весть – врачи разрешили ему не ехать на лечение в теплые страны, а остаться дома. Осень и зиму он проведет в Санкт-Петербурге, по которому очень соскучился. Первым делом идет в Петропавловскую крепость – поклониться дорогим могилам: императора Александра II и брата Вячеслава.

Много времени Константин отдает заботам о доме, где вскоре ему предстоит вить семейное гнездо. В одной из комнат, рядом с зимним садом, вскоре появляется знаменитое полотно А. И. Куинджи «Ночь на Днепре», а с другой стороны зимнего сада обустраиваются личные покои великого князя.

Ему нравится лично отдавать распоряжения, связанные с ремонтом, решать, как лучше обставить и украсить комнаты. Даже занавеси из персидских ковров, отделяющие рабочую комнату от спальни, – его идея. В обустройстве жилья перед

женитьбой нет мелочей, считает Константин. Продумать нужно каждую деталь, чтобы дом был не только красивым, но и уютным.

Все лето полным ходом в Мраморном дворце идет ремонт, здание в значительной степени обновлено. Некоторые комнаты переоборудованы, в них проведено электричество, поставлены изразцовые печи. В дневнике великого князя подробно отражены все эти нововведения: «разбирал свои вещи, приводил в относительный порядок спальню, письменный стол и расставлял мебель…»

Великому князю Константину предстояло командовать ротой в гвардейском Измайловском полку, в который он был записан еще с рождения. Это воинское подразделение – одно из старейших в императорской армии. Сформированный в Москве еще в 1730 году по Указу императрицы Анны Иоанновны, полк получил название от села Измайлово, бывшего любимой летней резиденцией государыни. Судя по тому, что за полтора века истории полка личный состав потерял в боевых действиях всего шесть офицеров, надо полагать, измайловцы нечасто принимали участие в боях. Зато шефами полка в разные годы были царствующие особы – Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Павел I, Александр II, Александр III. Кроме того, среди офицеров полка было немало людей, составивших впоследствии гордость России – на государственном поприще и в области изящной словесности.

Впервые Константин Константинович прибыл на службу 15 декабря. Он был зачислен в третью роту, но вскоре должен был стать командиром первой – государевой. Для начала, правда, необходимо было научиться не только воинской азбуке, но и тому, как правильно, соблюдая дистанцию, вести себя с подчиненными. Каждый день, кроме воскресений, великий князь приезжал к девяти утра в расположение полка. Здесь его обучали правильно и отчетливо – «командирским голосом», произносить команды, знакомили с хозяйством роты, ее личным составом.

15 февраля великий князь принял командование государевой ротой. В новой парадной форме, при орденах, он произнес торжественную речь перед подчиненными, которую накануне составил и выучил наизусть.

Как и большинство его родственников, Константин Константинович в силу происхождения и воспитания был, конечно, далек от чаяний простого народа. Между ними, хоть и не по его вине, пролегала пропасть. Но в том-то и дело, что иные командиры даже и не пытались преодолеть эту огромную разницу в общественном положении между собою и русским мужиком, а

Константин все делал для того, чтобы к мужику этому, ставшему солдатом, приблизиться, стать для него если уж и не отцом родным, то другом, наставником.

Благодаря высокому положению великий князь мог бы приезжать в полк нечасто, но он так искренне увлечен службой, что отдает ей почти все время. На учебных стрельбах, парадных смотрах, даже на уроках Закона Божия он рядом со своими гвардейцами. Не брезгует попробовать солдатскую кашу из котла, проверяет на кладбище, в порядке ли могилы умерших измайловцев, обучает грамоте новобранцев, а вечерами частенько читает солдатам вслух книги – сказки Андерсена или жизнеописания военачальников, прежде всего великого Александра Суворова, – иногда даже водит подчиненных в цирк. Поэтому искренностью дышат его слова: «Стараюсь вникать в ротное хозяйство, бегаю по конюшне, по сараям».

…Но ратные будни, новые обязанности не заслонили подготовки к долгожданному событию – к свадьбе. И хотя Константина порой «разбирает страх», он волнуется, предвкушая встречу с невестой, разговоры с ней, все же пытается понять, выяснить у Елизаветы в письмах, чем она живет, что у нее «за душой». Волнует его и то, как будущая жена воспримет русскую жизнь, такую непривычную для нее – немки по рождению. 24 октября 1883 года великий князь записывает в дневнике:

> После ужина я написал Елизавете всю русскую азбуку. «Отче наш» она знает почти с начала до конца наизусть.

Его невеста тем временем всерьез готовится к жизни в России, упорно занимается русским языком. Ведь в ее сердце царит любовь.

В Фомино воскресенье, 15 апреля 1884 года, после Великого поста и Пасхальной недели, в соборной церкви Зимнего дворца состоялось торжественное бракосочетание великого князя Константина Константиновича и принцессы Елизаветы Саксен-Альтенбургской. Венчал молодых духовник царской семьи протопресвитер Янышев. При этом присутствовали император Александр III, императрица Мария Федоровна, члены императорской фамилии и высшее придворное духовенство.

Константин внимательно следил за ходом службы, часто крестился и горячо молился. Елизавета тоже крестилась, но так, как это принято у католиков. Когда новобрачным дали кольца, священник обратился к Елизавете по-немецки, и она этим была

очень тронута. Под сводами храма прозвучали слова «Господи, Боже наш, славою и честию венчай я…», и с этой минуты великий князь увидел в Елизавете жену, «которая дана… навеки, которую… должен любить, беречь, холить, ласкать…» Из церкви все присутствующие перешли в Александровскую залу, где пастор обвенчал молодых по лютеранскому обычаю.

Вскоре последовал обычный в таких случаях царский Манифест, который гласил:

> Возвещая о сем радостном для сердца нашего событии и повелевая супругу великого князя Константина Константиновича именовать великою княгиней Елисаветой Маврикиевной с титулом императорского высочества, Мы вполне убеждены, что верные подданные наши соединят теплые мольбы их с Нашими к всемогущему и всемилосердному Богу о даровании постоянного, незыблемого благоденствия любезным сердцу Нашему новобрачных.

Все сомнения, которые мучили великого князя в последние месяцы, сами собой исчезли. Спустя четыре дня после свадьбы он пишет:

> Она моя жена. Я давно не был так счастлив… Мы ни стыда, ни застенчивости не испытывали, а стали гораздо ближе друг к другу, чем прежде.

К счастью, близость и душевное понимание продлятся долгие годы, до самой смерти Константина Константиновича. Жизнь они проживут в любви и согласии.

Радость венчания была, правда, омрачена огорчением, которого никто в семье даже предвидеть не мог. Елизавета наотрез отказалась перейти из лютеранства в православие. Нежелание новобрачной следовать обрядам русской православной церкви очень опечалило ее молодого мужа, человека глубоко верующего, и буквально ошеломило великую княгиню Александру Иосифовну. Серьезный разговор завел с Елизаветой и свекор. Молодой великой княгине было поставлено в пример послушание супруги великого князя Сергея Александровича – Елизаветы Федоровны, которая безоговорочно приняла после замужества православное вероисповедание.

Видимо, должно было пройти какое-то время, чтобы Елизавета привыкла к традициям чуждой ей религии, а позже даже и полюбила православное богослужение. Через год, в

Рождественский сочельник она впервые приложилась к кресту, чем несказанно обрадовала мужа.

Постепенно все недоразумения исчезли, словно их никогда и не было. Спокойная, тихая семейная жизнь радовала обоих. Стремясь к тому, чтобы жена лучше освоила русский язык, Константин Константинович нанял ей опытных учителей, а когда у него было свободное время, сам помогал в этом трудном деле. Он не только устраивал ей диктанты и лично проверял написанное, но и беседовал по-русски на житейские темы, объясняя при этом по-немецки значение трудных слов и оборотов. Через год с небольшим после свадьбы они уже пытаются говорить друг с другом по-русски:

> Гуляли с женой. Все время говорили по-русски. Это я решился в первый раз, до сих пор мне было как-то неловко. Она говорит довольно бойко.

Вечерами великий князь читал супруге вслух произведения знаменитых русских писателей и поэтов. Ученица слушала его как зачарованная. Она оказалась способной и старательной и быстро постигала тонкости загадочного славянского языка.

Елизавета Маврикиевна была мягким и приветливым человеком. Стоило мужу освободиться на некоторое время от служебных обязанностей и творческих забот, остаться с ней наедине, и он вновь и вновь чувствовал, что жизнь его без нее была бы тусклой и несчастливой. Имея в виду свою семейную жизнь, великий князь пишет 14 октября 1885 года: «Я никогда не думал, что она польется так тихо и отрадно».

Константин Константинович действительно не ошибся в выборе спутницы жизни. Елизавета Маврикиевна никогда не вмешивалась в его дела, ухаживала за часто болевшим мужем и всегда старалась создать для него обстановку, благоприятную для занятий творчеством. Она была истинной хранительницей их семейного очага, посвятив себя воспитанию восьмерых детей. Девятый ребенок, к великому горю родителей, умер еще в младенчестве.

…Вроде бы не было в сердце Константина Константиновича страсти к этой женщине – ни в пору жениховства, ни в более зрелые годы. У них были спокойные, ровные отношения. Но порой неожиданно для самих себя мы понимаем: они-то и есть самое ценное в супружестве. Через несколько лет после свадьбы они по воле обстоятельств оказались вдали друг от друга, и великий князь пишет стихотворение «В разлуке», посвященное жене:

В тени дубов приветливой семьею
Вновь собрались за чайным мы столом.
Над чашками прозрачною струею
Душистый пар нас обдавал теплом.

Все было здесь знакомо и привычно,
Кругом все те же милые черты.
Казалось мне: походкою привычной
Вот-вот войдешь и сядешь с нами ты.

Но вспомнил я, что ты теперь далеко
И что не скоро вновь вернешься к нам
Подругою моей голубоокой
За чайный стол к развесистым дубам!

Константин Константинович был прав, когда написал когда-то, что жену ему послал Бог. Их брак был из тех, которые совершаются на небесах. Разлучить этих людей смогла только смерть.

Глава седьмая
«Во имя доблести, добра и красоты»

Вскоре после женитьбы великий князь Константин Константинович записывает в дневнике: «Мне 26-й год, я женат и несу службу, которая мне по сердцу». Именно с этого времени вся его жизнь, до самого конца, неразрывно связана с армией. Служба во флоте осталась в прошлом, и в дальнейшем он – более семи лет командир государевой роты Измайловского полка. Два года он будет флигель-адъютантом императора, девять лет, в чине полковника, командиром Преображенского полка. Постепенно, хотя и не так быстро, как некоторых других великих князей, его повышают в звании: генерал-майор в свите императора, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Добрую славу оставил о себе Константин Константинович как главный начальник военно-учебных заведений, шеф 15-го гренадерского его же имени Тифлисского полка… Но сам он сердцем и помыслами, как свидетельствуют стихи и дневниковые записи, больше всего был привязан к своим сослуживцам по Измайловскому и Преображенскому полкам.

Среди офицеров-измайловцев самыми близкими его товарищами становятся Цицович и Дрентельн. С ними он беседует на самые разные темы: «о материях важных, о Боге, благочестии и неверии, о коронации, о преданности государю, о русском человеке и о солдате в особенности. К этому обыкновенно сводятся все разговоры».

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов совсем юный тогда Константин не раз видел гробы с погибшими в боях и умершими от болезней солдатами, и думы об этих людях не давали ему покоя, тревожили душу.

Эти переживания спустя годы подтолкнули Константина Константиновича к созданию стихотворения об умершем солдате. Он словно хотел увековечить память народного защитника. Впрочем, сделать это было не так-то просто: прекрасно образованный молодой человек привык к изящному слогу, утонченной лирике, а тут… тут нужно было писать простым, понятным именно солдатам языком. Не сразу дались ему строки, которые впоследствии будут положены на музыку и в течение многих лет станут звучать как народная песня.

Стихотворение «Умер» впервые было напечатано в журнале «Русская старина» в 1887 году под псевдонимом К. К. Р. – так в начале творческого пути подписывал свои произведения великий

князь. Большинство читателей не сомневались в том, что его написал поэт-самоучка из народа – ведь он так проникся горем солдата, страдал о его тяжкой доле! Никому из непосвященных и в голову не могло прийти, что автор – человек царской крови. Стихотворение это быстро распространилось среди нижних армейских чинов, его читали и перечитывали, переписывали от руки. Вскоре этот шедевр был положен на музыку, и по своей популярности песня «Умер, бедняга…» могла соперничать разве только со знаменитой «Гибелью „Варяга“». Многие сердца замирали, когда песню об умершем солдате пела знаменитая певица Надежда Плевицкая:

Умер, бедняга! В больнице военной
Долго родимый лежал;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий недуг доконал…
Рано его от семьи оторвали:
Горько заплакала мать,
Всю глубину материнской печали
Трудно пером описать!
С невыразимой тоскою во взоре
Мужа жена обняла;
Полную чашу великого горя
Рано она испила.
И протянул к нему с плачем ручонки
Мальчик-малютка грудной…
…Из виду скрылись родные избенки,
Край он покинул родной.
В гвардию был он назначен, в пехоту,
В полк наш по долгом пути;
Сдали его в Государеву роту
Царскую службу нести.
С виду пригожий он был новобранец,
Стройный и рослый такой,
Кровь с молоком, во всю щеку румянец,
Бойкий, смышленый, живой;
С еле заметным пушком над губами,
С честным открытым лицом,
Волосом рус, с голубыми глазами,
Ну, молодец молодцом.
Был у ефрейтора он на поруке,
К участи новой привык,
Приноровился к военной науке,
Сметливый был ученик.

Старым его уж считали солдатом,
Стал он любимцем полка;
В этом измайловце щеголеватом
Кто бы узнал мужика!
Он безупречно во всяком наряде
Службу свою отбывал,
А по стрельбе скоро в первом разряде
Ротный его записал.
Мы бы в учебной команде зимою
Стали его обучать,
И подготовленный, он бы весною
В роту вернулся опять;
Славным со временем был бы он взводным.
Но не сбылись те мечты!
…Кончились лагери; ветром холодным
Желтые сдуло листы,
Серый спустился туман на столицу,
Льются дожди без конца…
В осень ненастную сдали в больницу
Нашего мы молодца.
Таял он, словно свеча, понемногу
В нашем суровом краю;
Кротко, безропотно Господу Богу
Отдал он душу свою.
Умер вдали от родного селенья,
Умер в разлуке с семьей,
Без материнского благословенья
Этот солдат молодой.
Ласковой, нежной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!
Полк о кончине его известили, —
Хлопоты с мертвым пошли:
В старый одели мундир, положили
В гроб и в часовню снесли.
К выносу тела в военной больнице
Взвод был от нас наряжен…
По небу тучи неслись вереницей
В утро его похорон;
Выла и плакала снежная вьюга
С жалобным воплем таким,
Плача об участи нашего друга,
Словно рыдая над ним!

Вынесли гроб; привязали на дроги,
И по худой мостовой
Серая кляча знакомой дорогой
Их потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтоб до угла хоть дойти:
Всюду до первого лишь поворота
Надо за гробом идти.
Дрогам вослед мы глядели, глядели
Долго с печалью немой…
Перекрестилися, шапки надели
И воротились домой…
Люди чужие солдата зароют
В мерзлой земле глубоко,
Там, за заставой, где ветры лишь воют,
Где-то в глуши далеко.
Спи же, товарищ ты наш, одиноко!
Спи же, покойся себе
В этой могилке сырой и глубокой!
Вечная память тебе!

Сослуживцы великого князя одними из первых услышали стихотворение «Умер», в исполнении автора. Впечатление было настолько сильным, волнующим, что в Измайловском полку вскоре после этого был изменен порядок похорон нижних чинов. 6 марта 1887 года Константин Константинович пишет, что наконец-то простого солдата похоронили должным образом. Речь идет о барабанщике Казанцеве, которого отпевали в полковом Троицком соборе:

> …Гроб открыли и поставили на возвышении перед Царскими вратами, кругом разостлали ковры, желающие солдаты пришли на отпевание. Для отдания чести был наряжен первый взвод с ружьями. Гроб вынесли люди третьего взвода. Мы наняли у гробовщика дроги с двумя лошадьми под черными попонами, гроб был накрыт парчовым покровом, на крышку положили венок из белых и красных цветов… Легко было на душе от сознания, что мы похоронили солдата с должным почетом.

Вот так искусство может влиять на жизнь людей… Сострадание к несчастным и талант поэта отозвались в сердцах офицеров-измайловцев. Глубоко тронуло это прекрасное

стихотворение и цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II. Впоследствии он признавался, что, прочитав его впервые, заплакал и выучил наизусть…

Вошло в историю русской поэзии и стихотворение великого князя Константина Константиновича «Уволен».

Служил он усердно, исправно, ретиво,
Как служит наш русский солдат.

Но вот служба окончена, и герой возвращается домой. Но там его никто не ждет – вся семья умерла. На сельском кладбище солдат узнает,

Что тех, кто так дороги были и милы,
Ему не видать никогда…

Стихотворение «Уволен» стало настолько популярным, что отголоски его встречаются и в более поздних произведениях других авторов. Так, с ним перекликаются стихотворения М. Исаковского «Враги сожгли родную хату…» и К. Симонова «Старая солдатская».

Стихи военного цикла, созданные поэтом в разные годы, замечательны прежде всего тем, что написаны по его личным впечатлениям. Недаром И. А. Гончаров обращался к Константину Константиновичу в одном из писем:

> …Вы написали с натуры – и потому очерки вышли живы, верны, колоритны, словом, жизненны, полны искренности: художественной правды. Что за прелесть все эти детали: картинки, сцены, силуэты фигур, фельдфебели, писарь, новобранец и разносчик со сластями… все это движется, кипит и живет. И вы сами тут – с любовью к военному делу.

…Сострадание к солдату, желание помочь ему легче переносить тяготы повседневной службы – удивительное, конечно, качество для человека, в жилах которого течет «голубая» кровь. Но Константин Константинович им обладал сполна. Даже наказывая подчиненных за какую-то провинность, он делал это обычно не так сурово, как требовал воинский устав. Из-за этого ему порой случалось выслушивать нарекания вышестоящего начальства. А он все равно поступал по-своему – расспрашивал солдат, как себя они чувствуют, есть ли вести из дома, нет ли в

чем нужды: «Так люблю наблюдать солдата, прислушиваться к его выражениям, шутить с ним, разговаривать, заставлять его рассказывать».

По праздникам, особенно на Рождество и на Пасху, командир государевой роты всегда щедро одаривал своих сослуживцев, и офицеров, и солдат. Причем дарил то, что обязательно пригодится – рубаху, теплое белье, кисет для махорки… Вдобавок – книгу или портрет императора. А уж подаренные великим князем серебряные крестики носили на груди буквально все его сослуживцы!

Такое сердечное, искреннее общение обогащало духовно не только солдат, но и самого Константина Константиновича. Обыденные, казалось бы, разговоры давали богатую пищу для размышлений, темы для новых стихов. «Но, – пишет поэт, – в тысячу раз труднее сжать в кратком стихотворении выражение этих самых заветных чувств, воплотить их в художественные образы, чем предаваться лирическим излияниям по поводу красот природы».

В 1891 году появляются стихотворения, в дальнейшем составившие цикл солдатских сонетов, который в течение ряда лет то и дело пополнялся новыми произведениями. В них поэт словно лично обращается к служивым людям: «Новобранцу», «Полк», «Портартурцам», «Часовому», «Перед увольнением»… Слова каждого из этих стихотворений проникают в самую душу, воспитывают тот *дух*, которым и была всегда сильна русская армия. Вот как, например, Константин Константинович обращался к собирательному образу новобранца:

Теперь ты наш. Прости, родная хата,
Прости, семья! С военною семьей
Сольешься ты родством меньшого брата,
И светлый путь лежит перед тобой.

Усердием душа твоя богата,
Хоть дремлет ум, объят глубокой тьмой;
Но верность, честь, все доблести солдата
Тебе внушит отныне долг святой.

И прежний мрак уступит дня сиянью:
Все доброе, досель в груди твоей
Дремавшее, пробудится к сознанью;

Когда ж придешь к своим, в простор полей,
Не изменяй высокому призванью

И сей добро на Родине своей.

О многих стихотворениях К. Р. из военного цикла с восхищением отзывались А. Фет и критик Н. Страхов. Именно в них они увидели продолжение пушкинской традиции в русской поэзии. Откликаясь на первый сборник К. Р., Фет отмечает поэтическое отношение великого князя даже к самым прозаическим вещам. В письме от 12 октября 1889 года он пишет:

> Как у Пушкина «с пармезаном макарони», а у вас «дежурная палатка» и т. д. – вещи, к которым мы, грешные, и подступиться боимся.

Константин Константинович не только воспитывал солдата, внушал ему необходимость следовать воинскому долгу, отдавать всего себя ратному труду. Он и сам очень полюбил полковую жизнь и зачастую с радостью отправлялся с сослуживцами на сборы, без сожалений покидая на время Мраморный дворец, в котором было так спокойно и уютно. За долгие годы он так устал от многочисленных приемов, визитов, придворных празднеств! Здесь же была настоящая жизнь, созвучная его душе и, как он сам признавался в письме поэту Я. П. Полонскому, имеющая для него «особую прелесть».

Ни на одном месте полк не останавливался более чем на два дня. Впечатления менялись одно за другим. Вот измайловцы переправились через бурную студеную речку Пудость, потом побывали в Гатчине, а несколько позже увидели старинную мызу, некогда принадлежавшую «великолепному князю Тавриды» Григорию Потемкину… Быстрые речки, великолепные леса, полустанки Балтийской дороги – все это великий князь видит не только глазами командира роты, но и поэта, тонкого лирика, влюбленного в родную северную природу. Ему нравится обучать солдат воинскому делу среди широких полей, где растут высокие сочные травы, скромные на вид, но такие нежные, дурманящие запахом голову цветы… Писателю И. Гончарову, с которым он давно уже знаком, Константин пишет в Ильин день 1884 года:

> Мне кажется, всюду можно вносить свою поэзию и везде находить долю прекрасного; даже в такой сухой работе, как наши пехотные занятия, можно сыскать некоторую прелесть, стараясь представлять себе в лучшем виде эти однообразные учения и упражнения…

И ему все это удавалось как нельзя лучше. Он выполнял свою

работу не напоказ, а по велению большого, открытого людям сердца. И сослуживцы – солдаты и офицеры, видели это, ценили и платили своему командиру искренней признательностью. Отношения с подчиненными строились у Константина Константиновича на взаимном уважении и доверии. К тому же великий князь, как человек высокообразованный, имеющий задатки педагога, стремился оказывать самое благотворное влияние на свое окружение – просвещать – как солдат, так и офицеров.

Многих измайловских офицеров он приглашал на обеды в Мраморный дворец. После смены блюд, за бокалом шампанского велись неспешные разговоры об искусстве, изящной словесности. И вот однажды здесь родилась прекрасная идея проводить в полку литературно-музыкальные вечера, которые сообща решили назвать «Измайловскими досугами». Идеологом и руководителем стал, конечно, великий князь Константин Константинович. Целью его было воспитывать полковую молодежь в лучших традициях русской культуры, прививать ей любовь к искусству, поощрять к творчеству и, как записано в уставе, «передать измайловцам грядущих поколений добрый пример здравого и осмысленного препровождения досужих часов». Девизом кружка стали прекрасные слова: «Во имя доблести, добра и красоты».

На первом заседании «Измайловсих досугов» поэт читал стихотворение, посвященное восьмой годовщине победы воинов Измайловского полка под Горным Дубняком во время русско-турецкой войны:

Припомним, измайловцы, день роковой,
Тот день, когда подвиг свершался святой
За Веру, Царя и Отечество;
Когда наши витязи шли на врагов,
И доблести русских гвардейских полков
Дивилося все человечество.

Когда Константин Константинович произнес последние строки: «И вспрянет, как прежде, Измайловский полк / За Веру, Царя и Отечество!», раздались крики «ура», его подхватили на руки и стали подбрасывать вверх.

На этом же, первом заседании было объявлено, что на вечера приглашаются все офицеры полка, в том числе, и прикомандированные, а также священники и врачи. На каждой встрече будут выступать писатели, артисты, музыканты, художники, ученые.

Через несколько лет великий князь напишет стихотворение, в

котором очень тонко и верно отразит основную цель этого времяпрепровождения:

Сбираясь, как жрецы на жертвоприношенья,
Перед художества священным алтарем,
Служа искусству, мы свои произведенья
На суд товарищей смиренно отдаем.
Не ищем мы, друзья, ни славы, ни хвалений,
Пусть безымянные в могиле мы уснем,
Лишь бы измайловцы грядущих поколений,
Священнодействуя пред тем же алтарем,
Собрались, как и мы, стремяся к той же цели
В досужие часы чрез многие года,
Те песни вспомнили, что мы когда-то пели,
Не забывая нас и нашего труда.
Гремите, пойте же, измайловские струны,
Во имя доблести, добра и красоты,
И меч наш с лирою, неопытной и юной,
Да оплетут нежней художества цветы.

Гостями литературно-музыкальных «досугов» были известные русские писатели Иван Гончаров, Аполлон Майков, Яков Полонский. Принимали в них участие художники, музыканты, актеры, ученые. На один из вечеров пригласили известного адвоката и публициста А. Ф. Кони, который рассказал собравшимся измайловцам о деле Розалии Они – прототипе Катюши Масловой в романе Л. Н. Толстого «Воскресение». Аплодисментами встретили собравшиеся и знаменитого актера В. Н. Давыдова, в исполнении которого прозвучали отрывки из русской классической поэзии. Помогал он своими советами и в сценических постановках.

Читают здесь и лекции – на различные научные темы. А порой идет рассказ о тяготах жизни простых русских людей, читают, например, письма одной крестьянки к дочери, которые «произвели сильное впечатление своей безыскусностью».

Неоднократно вечера в «Измайловских досугах» были посвящены творчеству классиков русской литературы – А. Пушкину, М. Лермонтову, В. Жуковскому, Д. Фонвизину, Н. Гоголю… Не обошли вниманием и «своего» поэта – К. Р. Специально для этих вечеров он написал множество замечательных стихотворений, в том числе «Уж скоро стает снег…», «Поэту», «Розы», начал сочинять поэму «Возрожденный Манфред». Великий князь читал измайловцам и ранее написанные стихи, а также сцены из «Мессинской невесты» Ф.

Шиллера в собственном переводе. И, конечно, пьесу собственного сочинения «Царь Иудейский», которая стала вершиной творчества поэта.

…Офицерское собрание, скромная обстановка читального зала. На столе, покрытом зеленым сукном, горят в подсвечнике четыре свечи. В помещении полумрак. На стульях, диванах и креслах, стоящих у книжных шкафов, разместились десятка три офицеров. Лица их сосредоточенны, они внимательно слушают очередного чтеца. Если бы не гвардейские мундиры, их легко можно было бы принять за студентов или молодых литераторов. Здесь словно витает дух вольнодумства. Иногда даже звучат произведения, запрещенные цензурой…

Вот как описывает великий князь одно из заседаний «Измайловских досугов», которое состоялось 15 марта 1891 года:

> Вечером на досуге в полку собралось 63 участника. Я со Скалоном под конец сыграли сцену Пимена из «Бориса Годунова». В библиотеке большой круглый стол был сдвинут в угол, чтобы не мешать зрителям, всю комнату заставили рядами стульев и потушили лампу. Сценою служила узенькая проходная комнатка между дежурной комнатой и библиотекой. Вместо занавеса мы просто растворили двери и ее рамки… Декорацию, изображающую сцену кельи с остатками живописи и окном с цветными стеклами, поставили наискось; к ней, в глубине справа, приставили декорацию изразцовой печи. Кресло и стол я взял с нашей детской. Скалона загримировали Гришкой Отрепьевым со старинной гравюры, и он был замечательно на него похож, но тем не менее своей роли не знал, путал слова, выпуская иные, а иные вставляя. Я тоже был загримирован и, говорят, казался очень дряхлым и старым; только глаза и голос выдавали меня… Все остались очень довольны. Наконец-то удалось мне играть драматическую роль.

…И так продолжается из года в год. «Души высокое стремленье» командира неизменно находит отклик в сердцах подчиненных. Они не отпускают его с должности председателя комитета «Измайловского досуга» даже тогда, когда он был переведен на другое место службы. 11 ноября 1892 года великий князь записывает в дневнике:

> …Офицеры постановили на общем собрании, еще когда я служил в полку, что я буду председательствовать, пока сам не откажусь. В

последнем заседании комитета было постановлено, чтобы каждый из нас, членов комитета, взял на себя любой отдел из истории нашей литературы, начиная с времен Петра I, и прочел бы о нем на досуге. Была уже у нас попытка излагать историю родной словесности с древнейших времен, но это не удалось. Теперь уже на мою долю выпало рассказать или написать про литературную деятельность Екатерины II, и я готовлюсь к этому.

…Измайловцы мужают, взрослеют, на смену им приходят в полк новые люди. И так, незаметно, проходит четверть века. Для этого замечательного юбилея великий князь Константин Константинович пишет 2 ноября 1909 года стихотворение «На 25-летие Измайловского досуга» и читает его друзьям:

Робко мы в храме огонь возжигали
С жертвой смиренной своей,
Не проникая туманные дали
Жречества будущих дней.
Лиру и меч мы сплетали цветами
И не гадали о том,
Как наш алтарь разгорится с годами
Светлым и жарким огнем.
Вам завещаем мы наше служенье:
Старым пора на покой, —
Юное, полное сил поколенье
Пусть нас заменит собой.
О, да не гаснет наш пламень заветный,
Бережно вами храним!
Пусть он пылает, отрадный, приветный,
Пусть озаряются им
Долго досуги! Дверь храма родного
Двадцать пять лет отперта;
Нам ее отперли эти три слова:
Доблесть, добро, красота.

Даже находясь за границей, Константин не забывает о своих однополчанах – и тогда, когда уже поменял место службы. Если случается юбилей, великий князь обязательно посылает измайловцам новое свое стихотворение. Все они пронизаны ностальгией по родине, и в них обязательно присутствует командир, который помнит в лицо и по имени всех своих подчиненных:

Кто встретит с рапортом меня?
Жильцов ли дюжий, краснощекий,
Иль ваша слабость и моя,
Сам Добровольский черноокий…
Или Якимов бородатый,
Неповоротливый толстяк?
Иль молодец щеголеватый,
Лихой, воинственный Ермак…
. . . . . .
Или Рябинин мой с печалью
В больших задумчивых глазах,
С лицом разумным и красивым,
Сперва считавшийся ленивым,
Теперь же – воин хоть куда…

…До конца своих дней великий князь продолжал, сколько хватало сил, благородное дело культурного просвещения офицеров-измайловцев. Факел, зажженный им, светил этим людям всю жизнь. Как жаль, что этот благородный пример служения однополчанам не нашел продолжения после революции, вздыбившей в 1917 году Россию. Когда она пронеслась огненным смерчем по всей огромной стране, в новой жизни уже не было места для «досугов»…

Глава восьмая
Кумиры его высочества

Во время поездок за границу – а великий князь Константин Константинович должен был как член императорского дома наносить визиты правителям разных стран – он скучал не только по родному городу, семье, но и по своим измайловцам. Оказавшись в октябре 1887 года в Альтенбурге, он пишет однополчанам:

> Но не могу я дня дождаться,
> Когда вернусь отсюда к вам,
> К занятьям, к службе и трудам.
> Скитаясь по чужому краю,
> Я от безделия скучаю.
> Мне роты здесь недостает,
> Недостает полка родного…

Лишь в полковой среде он ощущает душевное спокойствие и свободу. Здесь великий князь находит «и братство, и семью». И не устает, кстати, от множества прозаических дел, которые всегда выполняет точно и в срок. О его пунктуальности и исполнительности в Измайловском полку ходят легенды. Вот как он с легкой иронией пишет об этом в дневнике:

> На Вознесенском проспекте, в Александровском рынке приветливо кланяются лавочники, привыкшие, что я, как маятник, в те же часы, четыре раза в день мимо них проношусь. Знакомые городовые, знакомые стеклянные часы за окнами часовщиков, все показывающие разное время… Измайловский полк может по мне часы проверять.

А вот он со своей ротой в Красном Селе на учениях. Прислушивается к ставшим дорогими, родным звукам, вглядывается в знакомые открытые лица своих солдат…

> …и много мыслей подымалось одна за другой в голове. Тут мне было хорошо, но на ум всходило, что все это недолговременно, что постепенная разлука с этими людьми неизбежна, что придет время, когда мне недоступной будет эта привольная жизнь…

Будучи членом царской семьи, великий князь Константин вынужден был присутствовать на бесконечных встречах, приемах, наносить визиты императору. Все это тяготило его, цельная, не терпящая компромиссов натура противилась многочисленным светским обязанностям. Он прекрасно понимал, что августейшее семейство находится в центре общественной жизни, и жестокие события, обрушившиеся в последние годы на страну, никак не могут обойти его родственников. Но сам-то Константин Константинович всегда сторонился политики! Всем другим занятиям и интересам он предпочитал поэзию: «Как бы мне хотелось быть в состоянии писать стихи постоянно, беспрерывно…»

Но как об этом сказать, например, императрице, которая в марте 1887 года пригласила его для участия в беседе с министром внутренних дел Д. Толстым? Возможно ли отказаться и не навлечь на свою голову монарший гнев? Вот великая княгиня Елизавета Федоровна прямо и нелицеприятно говорит о слабосилии и растерянности высших государственных сановников, их ссорах между собой и препирательствах, возникающих в то время, когда государя надо спасать от опасности… А как относится к предмету этого разговора великий князь Константин Константинович? В дневнике он с предельной искренностью признается:

> Я молчал, хотя и не мог согласиться на все ее мнения о ходе нашей политики. Прекословить было бы неуместно: мои взгляды могут остаться при мне, тем более что в политике я мало смыслю и мои воззрения шатки и неопределенны. У меня только одно чутье, может быть, совсем не верное.

Творчество великого князя развивается на очень благодатной почве. Ему нет еще и тридцати лет, а он уже не только знаком, но и дружен со многими известными русскими литераторами, музыкантами, художниками, которые часто приезжают к нему в гости в Мраморный дворец. Кумиры его высочества, кумиры его души – люди, составившие славу русской культуры своей эпохи.

Один из них – Иван Александрович Гончаров, автор «Обыкновенной истории», «Обломова», «Фрегата „Паллада“», «Миллиона терзаний»… Когда-то он преподавал маленькому *Костюхе* словесность, а весной 1884 года молодой поэт решился послать свои стихи на суд известного автора. Ответ не заставил себя долго ждать. Иван Александрович написал Константину:

> …Первые стыдливые звуки молодой лиры всегда

трогательны, когда они искренни, т. е. когда пером водит не одно юношеское самолюбие, а просятся наружу сердце, душа, мысль. Такое трогательное впечатление производит букет стихотворений, записанных в книжке, при сем возвращаемой…

В дальнейшем почти все письма Гончарова будут пространными, тонко написанными рецензиями на стихи молодого поэта, в которых мастер доброжелательно и в то же время строго разбирает все достоинства и недостатки переданного на его суд произведения. В его откликах содержатся необходимые для начинающего автора суждения об истинной поэзии, о ее «званых и избранных», о «великих учителях и вечных образцах» – А. Пушкине, М. Лермонтове, В. Жуковском, о признаках, по которым можно распознать настоящий талант, о неустанном познании жизни как наиважнейшем условии на пути овладения реалистическим искусством. Его письма, несомненно, станут для молодого поэта настоящими уроками мастерства. Чутко прислушивается он и к предупреждению Гончарова: для того чтобы овладеть поэтическим искусством, «надо положить в это дело чуть не всего себя и не всю жизнь!»

Интерес Ивана Александровича к поэтическому творчеству великого князя оказался весьма деятельным. Именно Гончаров порекомендовал издателю «Вестника Европы» М. Стасюлевичу напечатать перевод К. Р. «Мессинской невесты» Ф. Шиллера, который лежал в ящике письменного стола поэта уже несколько лет.

К этому времени К. Р. написал уже несколько десятков стихотворений, драматический отрывок «Возрожденный Манфред» и был полон новых творческих замыслов. Осенью Константин Константинович решился создать более масштабное произведение – драматическую поэму в двух частях под названием «Что есть истина?». Задача перед молодым поэтом стояла наитруднейшая: ведь героями поэмы должны были стать Иисус Христос, Понтий Пилат, жена Пилата Прокула. И он с ней справился, только не сразу. Пройдут годы, и на свет появится венец творчества поэта К. Р. – пьеса «Царь Иудейский», – именно с этими героями.

Весной 1885 года у Константина Константиновича опять начались проблемы со здоровьем, и великий князь по настоянию врачей уезжает в Венецию. Казалось бы, оказавшись в красивейшем городе мира, воспетом в творчестве многих замечательных поэтов и художников, можно отдохнуть душой,

впитывая окружающее великолепие каналов, соборов, поражающих воображение дворцов. И воскликнуть: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Да, конечно, Константин Константинович восхищен открывшимся ему зрелищем, откликается на увиденное здесь стихотворением «На площади Святого Марка». Но в строчках его, как в капле воды, отражается душа поэта, его тоска по родине, родной России:

И лики строгие угодников святых
Со злата греческой мусии
Глядели на меня… И о родных
Иконах матушки России
Невольно вспомнил я тогда;
Моя душа крылатою мечтою
Перенеслась на родину, туда,
На север, где теперь, согретая весною,
Душистая черемуха цветет,
Благоухают пышные сирени
И песни соловей поет…
В уме столпилось столько впечатлений!..
И вздохом я вздохнул таким,
Каким вздохнуть один лишь русский может,
Когда его тоска по родине изгложет
Недугом тягостным своим.

Немного оттаял он сердцем, успокоился, увидев в Афинах любимую сестру – «королеву эллинов» Ольгу. А дальше его путь пролег в Германию – Мейнинген, Альтенбург, Дрезден… И вот наконец 1 июня 1885 года великий князь дома, в Санкт-Петербурге. Долгожданная встреча с семьей, но через несколько дней он опять в Красном Селе, вместе со своими измайловцами. Для него вновь начинаются ратные будни.

Наступила осень, а вместе с нею возобновилась и великосветская жизнь. И хотя Константин Константинович вовсе не был ее поклонником, он понимал, что именно в аристократических салонах он может обрести новые знакомства, прежде всего литературные. В конце октября в доме графини Анны Егоровны Комаровской он встретил поэта Аполлона Майкова, творчеством которого давно восхищался.

Майкову уже за пятьдесят. Великий князь расспрашивал знаменитого поэта о его молодости, семье. Аполлон Николаевич охотно рассказал, что его отец служил в гусарах, был ранен под Бородином, занимался живописью. Сын тоже собирался идти по

его стопам, много рисовал.

Один из его рисунков, изображавших распятие, увидел зашедший как-то в мастерскую отца император Николай I. Рисунок мальчика ему понравился, и он купил его для католической часовни Мариинского дворца. Казалось бы, вот успех, да еще с малых лет! Но как-то юный Аполлон написал стихи, они понравились окружающим, и живопись тут же была заброшена…

Поэт, разгоряченный воспоминаниями далекой юности, вдруг умолк и внимательно посмотрел на великого князя: «А у вас тоже ведь есть стихи, ваше высочество. Прочитайте что-нибудь, пожалуйста».

Майков уже знал о творчестве великого князя, видел у графини Комаровской его перевод «Мессинской невесты» и, по его собственному признанию, удивился «выработанному языку».

Константин Константинович задумался ненадолго и прочитал несколько стихотворений, среди которых было следующее:

Распустилась черемуха в нашем саду,
На сирени цветы благовонные;
Задремали деревья… Листы, как в бреду,
С ветром шепчутся, словно влюбленные.
А отливы заката, алея, горя,
Синеву уж румянят небесную:
На весну наглядеться не может заря,
Жаль покинуть ей землю чудесную.
Напоенный душистым дыханьем берез,
Воздух в юную грудь так и просится, —
И волшебных, чарующих полная грез,
Далеко моя песня разносится!

Это стихотворение особенно понравилось А. Майкову: «Он задвигался на стуле и несколько раз, пока я читал, прерывал меня похвальными восклицаниями, а я делал вид, что ничего не замечаю…»

…Как-то, узнав, что великий князь пишет стихи, в Мраморный дворец зашел, причем, по собственному почину, Яков Петрович Полонский. Он расписался в книге визитов и попросил встретившего его дворецкого передать хозяину скромный подарок – первый том нового издания своих стихотворений. Константин Константинович вышел поблагодарить его, и таким образом состоялось знакомство двух поэтов.

В это же время, осенью 1885 года, у Константина

Константиновича начинается сближение еще с одним известным поэтом – Алексеем Николаевичем Апухтиным, который, как замечает великий князь в дневнике, был известен «непомерной толщиной и прекрасными поэтическими произведениями».

Но история отношений великого князя с его литературными кумирами была бы неполной без рассказа о тесном общении с любимым учителем, «чистым лириком» Афанасием Фетом, которому он безоговорочно следовал.

Несмотря на то что в последние два десятилетия XIX века российское общество проявляло большой интерес к поэзии, в ней самой царили, как правило, мрачные тона. Видимо, сказалась общественная усталость разных слоев населения, и прежде всего интеллигенции. В произведениях одних авторов слышны гражданские мотивы, другие же уходят в чистую лирику. В стихах поэта К. Р., который стоит несколько особняком от своих собратьев по перу, нет гражданственности, но не видно и пессимизма, который пронизывает творчество такого кумира публики, как Семен Надсон. Среди множества поэтов-современников великому князю ближе всего Афанасий Фет.

Не находя в современной русской литературе равных по таланту этому поэту, Константин Константинович дорожит каждым замечанием прекрасного мастера слова. Насколько усердно великий князь следовал каждому совету Фета по замене одного слова другим, можно судить по их переписке. Вот искреннее признание К. Р. в ученичестве у Фета, который «наставлял меня и, руководя на пути поэзии, не раз советовал мне стремиться к достижению наивозможнейшей сжатости и краткости», говоря при этом, что «если удастся сжать поэтическую мысль в двух строках – то лучшего и желать нельзя… как бы хороши и звучны ни были стихи, ничего не прибавляющие к главной мысли, – они должны быть отброшены наподобие того, как драгоценные части алмаза отбрасываются при его гранении, чтобы придать ему безукоризненность формы и сосредоточить всю игру и блеск в немногих гранях».

Творчество Фета, о котором известный критик Н. Страхов писал, что он «истинный пробный камень для способности понимать поэзию», вдохновляло Константина Константиновича тонким восприятием природы, лиричностью и чисто русской задушевностью. Поэзию Фета он считал «чистой, прекрасной, неуловимой».

Фет одним из первых признал поэтический дар К. Р. Еще до выхода в свет в 1886 году своего первого сборника великий князь послал мастеру тетрадь со своими стихотворениями и получил от него положительный отклик. Мнение Фета сводилось к тому, что

дебютант – прирожденный поэт, и вскоре послал ему в подарок новое издание своего сборника «Вечерние огни», к которому было приложено стихотворное послание:

Трепетный факел, – с вечерним мерцаньем,
Сна непробудного чуя истому, —
Немощен силой, но горд упованьем
Вестнику света сдаю молодому.

Так старый поэт словно передавал эстафету молодому.

Лишь через год регулярной переписки они встретились лично – 16 декабря 1886 года, в столице, в Мраморном дворце. В тот же день Константин Константинович записывает в дневнике:

> …У меня был Афанасий Афанасьевич Шеншин – Фет… Я ждал его… волновался. Наконец он вошел, и я увидел перед собой старика с большой седой бородою, немного сгорбленного, с лысиной, во фраке, застегнутом на несколько пуговиц, и с Аннинским крестом на шее, сбившимся на сторону и с торчащими сзади тесемочками… Я заметил его произношение на московский лад с «не токмо» вместо «не только», правильную русскую речь и тоненький голосок. Он говорил медленно, с расстановкой, часто задумываясь… Я… вслушивался в слова и всматривался ему в лицо… Мне казалось, передо мной старый знакомый.

После этой первой, памятной встречи письма стали еще более частыми, на них лежит отпечаток большой взаимной симпатии. За месяц до кончины Фета в Москве, 21 ноября 1892 года, в Мраморный дворец от него пришло последнее поэтическое послание, адресованное К. Р.:

Когда дыханье множит муки,
И было б сладко не дышать,
Как вновь любви расслышать звуки,
И на любовь не отвечать?
Привет Ваш райскою струною
Обитель смерти пробудил,
На миг вскипевшею слезою
Он вдруг страдальца остудил.
И на земле, где все так бренно,
Лишь слез подобных ясен путь,
Их сохранит навек нетленно

Пред Вами старческая грудь.

Семилетняя переписка, продлившаяся до конца жизни Афанасия Ивановича, была дорога обоим. Когда старого поэта не стало, молодой написал в дневнике: «Бедный, милый, дорогой мой старичок Фет. Известие о его кончине я получил вчера… Теперь он не дышит…» 24 декабря Константин Константинович пишет письмо вдове Фета М. П. Шеншиной, в котором сквозит боль утраты:

> Теперь по вечерам я перечитываю его письма ко мне; у меня их сто восемнадцать. Читая их, я как бы вновь переживаю наши дорогие отношения… И я плачу, как дитя.

Конечно, можно в какой-то степени согласиться с Константином Константиновичем, что он – баловень судьбы. Развитие его личности, формирование характера и литературных вкусов проходило в идеальных условиях. Он постоянно стремился к духовному развитию, самосовершенствованию. Поэт, переводчик, драматург, музыкант, художник… Военный человек, ученый, наконец. А в будущем – и многолетний президент Императорской академии наук. Разве же все это не достойно уважения?

С раннего детства в жизнь Константина Константиновича навсегда вошла музыка. Слушать ее было так же естественно, как дышать. И истоки этой большой любви – в семье.

Великий князь Константин Николаевич был первым президентом Русского музыкального общества, считался большим знатоком классической музыки, сам прекрасно играл на фортепьяно и виолончели. Супруга его, великая княгиня Александра Иосифовна, тоже была замечательной пианисткой. В их семье часто бывали в гостях известные исполнители, композиторы, певцы. Не полюбить музыку, не прочувствовать ее красоту, находясь в подобной атмосфере, было просто невозможно. В начале 1885 года, уже будучи взрослым, семейным человеком, Константин Константинович вспоминал свои первые детские впечатления: «Все мы – папá, мамá, Митя и я – хвастались музыкальной памятью: кто-нибудь напевал начало мотива, остальные отгадывали».

Музыка окружала его везде – во дворцах, принадлежавших великокняжеской семье, в театре, храме, великосветских салонах, наконец, в родном полку. Даже тогда, когда первое место в душе

Константина занимала уже поэзия, он написал:

> Мне почему-то кажется, что самое возвышенное искусство – музыка, как самое отвлеченное и менее других поддающееся разбору и законам, по которым прекрасное отличается от дурного.

Музыкой Константин Константинович продолжал заниматься всю жизнь. Словно рефреном звучат в его дневнике слова – «долблю Шопена». Пробует он и сам сочинять мелодии. Известен его романс на стихи А. К. Толстого «Колышется море, волна за волной»…

В 1886 году, после пятилетнего перерыва, у него возобновляется переписка, а затем и тесное общение с П. И. Чайковским. Симпатия и доверие – обоюдные. В марте 1886 года, на одном из великосветских вечеров, композитор рассказывает великому князю, что хочет написать оперу на сюжет «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, но у него нет либретто. А несколько позже Чайковский через своего молодого друга испросил разрешение у императрицы Марии Федоровны посвятить ей цикл из двенадцати романсов…

Среди важнейших увлечений великого князя неизменно была и живопись. Прекрасное художественное воспитание, знакомство с коллекциями лучших музеев мира, практические навыки в рисовании и живописи, которые он приобрел еще в детстве под руководством опытных наставников – все это дало добрые всходы. Он помогает многим художникам, и в ответ они платят ему неизменным уважением и признательностью.

Великому князю Константину Николаевичу принадлежала богатейшая коллекция живописи и скульптуры. Когда 15 декабря 1885 года в Мраморном дворце решили провести базар в пользу Александровской общины Красного Креста, покровителем которой была великая княгиня Александра Иосифовна, для привлечения публики хозяева задумали устроить выставку части коллекции в одной из верхних комнат дворца. Для помощи в организации предполагаемой экспозиции Константин Константинович пригласил известного художника-передвижника К. Е. Маковского. Вот как великий князь написал о встрече с ним в дневнике:

> У меня был Маковский Константин, художник. Он пишет теперь новую огромную картину, содержанием которой выбрал смерть Иоанна Грозного. Я… надоумил его назвать картину не «Смерть Иоанна Грозного», что уже слишком избито, а взять заголовком слова из

трагедии гр. А. Толстого «Кириллин день, осьмнадцатое марта». Маковскому понравилась эта мысль.

Знакомство, зачастую переходившее в дружбу, с ярчайшими представителями русской культуры, всегда было для Константина Константиновича огромной радостью. Общение с людьми искусства, долгие задушевные разговоры – все это питало его собственное творчество, давало духовные силы для создания новых стихов. Но времени на такое общение хватало далеко не всегда. И причина тут не только в служебных и семейных обязанностях, а и в соблюдении тех непременных правил, следовать которым обязан был каждый член императорского семейства.

Далеко не всегда эти обязанности приносили радость. Вот, например, балы, которые всю зиму волной прокатывались по столице. С какой бы радостью великий князь променял их на задушевные беседы с кем-нибудь из поэтов, в своем кабинете в Мраморном дворце! Но не поехать туда он просто не имел права. К тому же он был одним из лучших танцоров среди Романовых в ту пору, с ним с удовольствием танцевала даже императрица.

Однако великолепные балы, которые регулярно устраивались во всех великокняжеских дворцах, утомляли Константина Константиновича. Душа его устремлялась ввысь, жаждала очищения. Он с радостью ждал приближения поста, исповедоваться ездил всегда к придворному исповеднику – «на Лиговку, к отцу Арсению Двукраеву».

Весной 1886 года, словно откликаясь на пробуждение природы, он ждал чего-то совершенно нового, прекрасного, доселе неизведанного. Чего же?

23 июня 1886 года великий князь стал отцом. В этот день для него свершилось настоящее чудо – родился сын Иоанн. Первенец!

…С первых же дней семейной жизни Константин Константинович мечтал о детях. Когда он узнал о беременности жены, в его дневнике появилась запись:

> Моя мечта, чтобы родился сын и чтобы родился около 24 июня, Иванова дня, и назвать Иваном в честь пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

И вот теперь мечта осуществилась…

Позвав к жене повитуху, он послал за доктором Красовским, который должен был принимать роды. Сам ничем больше своей *Лиленьке* помочь не мог и, чтобы как-то успокоиться, зажег свечу и сел в углу комнаты с книгой. Но сосредоточиться был не в состоянии, все время прислушивался к тому, что происходит там,

где должно свершиться великое таинство. И вот в какой-то момент жена притихла. А вслед за этим…

Вечером он так напишет о радостном событии в жизни молодой семьи:

> …Но вдруг как-то неожиданно для меня послышался тоненький, звучный голосок, жена глубоко вздохнула, судя по ее лицу, казалось, что она перестала страдать, я услыхал, как Красовский воскликнул: «Мальчик, да еще какой плотный, здоровый». Я еще никогда такого блаженства, такого священного восторга не испытывал. Мне казалось, что я не вынесу этого неземного счастья; я спрятал лицо в складках рубашки у жены на плече, и горячие, обильные слезы полились у меня из глаз. Хотелось остановить, удержать свою жизнь, чтобы сердце не билось и ничто не нарушало бы святости этого мгновения.

Молодой отец никак не решался отойти от жены. Он и хотел посмотреть на сына, и – боялся. Малыш ведь такой крохотный, а вот… кричит. Его завернули в отцовскую сорочку – на счастье. Таков русский обычай, и нарушать его не следует.

А потом было крещение – в церкви Мраморного дворца. Младенца опустили в серебряную купель с серебряными подсвечниками.

> Он, маленький, тихо и спокойно спал на парчовой подушке, не подозревая, что ради него устроено все это празднество… Пропели «Тебе Бога, хвалим», прочитали многолетие, маленького христианина осенили крестом и все мы вышли из церкви.

Этот обряд будет повторяться в жизни великого князя еще восемь раз. После Иоанна в семье родятся пять сыновей и три дочери.

…Радость рождения первенца была, правда, омрачена появлением нового Указа царя – «Об учреждении Императорской фамилии». Дело в том, что в последние годы августейшее семейство значительно увеличилось, и великих князей стало довольно много. А это было обременительно для казны – ведь каждый из них получал ежегодно в течение всей жизни по 280 тысяч рублей.

Теперь же великими князьями считались только сыновья и внуки императоров, а правнуки, как в случае с сыном Константина Константиновича, – князьями императорской крови.

Государь решил не давать им, как великим князьям, при рождении орденов Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла и орденов Анны и Святослава первой степени. Эти знаки отличия, а также единовременную выплату в миллион рублей, князья императорской крови должны были получать по достижении совершеннолетия. Были и другие ограничения, ставившие их рангом ниже других родственников.

Константин Константинович, конечно, переживал, но явно недовольства своего не выказывал. Для него главное – сын и будущие его дети будут русскими людьми, Романовыми, и этого довольно.

Несмотря ни на что ему казалось, что жизнь набирает силу. Впереди – заботы о семье, любимая служба и заветный, сокровенный мир души – поэзия.

Глава девятая
Эти милые буквы – К. Р

Отец часто заходит в детскую – проведать своего первенца. Завернув в пеленки, берет на руки, ходит с ним по комнате. Нежной любовью к сыну дышат строки дневника:

> …Он скоро закрыл глаза. Я подошел с ним под образа, перед которыми теплилась лампада, и стал про себя читать свои обыкновенные молитвы. Маленький крепко спал. Я не сумею выразить словами, что испытываешь, когда свой родной ребенок лежит у тебя на руках и дремлет спокойно, безмятежно, не зная ни волнений, ни забот.

И все же он не прав! У настоящего поэта, каким, несомненно, был великий князь, всегда найдутся слова для выражения собственных чувств. Вот и сейчас в его душе сплетаются в строки слова, рождается нежная и грустная «Колыбельная песня»:

Спи в колыбели нарядной,
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сынок ненаглядный,
В теплом своем уголку.
В тихом безмолвии ночи
С образа, с грустью святой,
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой.
Сколько участья во взоре
Этих печальных очей!
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей.
Быстро крылатое время!
Час неизбежный пробьет:
Примешь ты тяжкое бремя
Горя, труда и забот.
Будь же ты верен преданьям
Доброй простой старины;
Будь же всегда упованьем
Нашей родной стороны.
С верою твердой, слепою
Честно живи ты свой век;

Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек.
Пусть тебе в годы сомненья,
В пору тревог и невзгод
Служит примером терпенья
Наш православный народ.
Спи же, еще не настали
Годы смятений и бурь;
Спи же, не зная печали,
Глазки, малютка, зажмурь.
Тускло мерцает лампадка
Перед иконой святой…
Спи же беспечно и сладко,
Спи, мой сынок дорогой!

Отец словно предчувствует, видит внутренним взором гибель сына – горе «будущей жизни твоей». И хотя сам он уйдет в мир иной раньше, не увидит эту трагедию, пророчество его, к несчастью, сбудется: князь императорской крови Иоанн Константинович, два его младших брата и несколько других родственников погибнут от рук большевиков в заброшенной шахте под Алапаевском. Только за то, что они – Романовы. Случится это в 1918 году.

А пока… пока в душе великого князя царят мир и лад. Ведь он имеет возможность практически каждый день заниматься любимым делом – *поэзией*. Первые публикации в журналах, первые почитатели его творчества, среди которых есть и известные поэты – разве же это не чудесно? И вот он уже готовит к публикации первую книгу стихов. Когда-то, будучи в гостях у сестры в Афинах, он выпустил брошюрку из нескольких страничек, раздарил все экземпляры родным и знакомым. Но сейчас ему кажется – это было лишь баловство начинающего поэта.

Осенью же 1885 года Константин Константинович начинает составлять настоящий сборник. Делает это неспешно, со вкусом, старается, чтобы опыт подобного рода удался. Ведь первая книга – настоящий экзамен. Выдержит ли он его перед публикой и строгими критиками? 20 мая 1886 года в дневнике появляется запись: «Составлял оглавление к своему сборнику. Корректура просмотрена и опять отправляется в печать».

Тираж планируется пока небольшой – всего тысяча экземпляров. Несмотря на повальное в ту пору увлечение в обществе поэзией, великий князь все-таки осторожничает, он пока

не до конца уверен в своих силах, его мучают сомнения: действительно ли он состоялся как поэт? Он с пристрастием следит за технологическим процессом – созданием книги в типографии. 26 июля держит наконец в руках сигнальный оттиск томика: «Из Государственной типографии прислали два первых экземпляра моих стихотворений, всю тысячу пришлют на днях. Обертка удалась прекрасно».

И вот сборник вышел в свет. В него включены стихотворения, написанные великим князем в 1879–1885 годах. Книга «Стихотворения К. Р.» – небольшого формата, напечатана на очень хорошей бумаге, насчитывает 228 страниц. Стихи в ней расположены в хронологическом порядке.

В продажу сборник не поступил, все экземпляры автор выкупил и подарил родным, знакомым, друзьям и, главное, разослал тем, чье профессиональное мнение его очень интересовало: писателю И. Гончарову, любимым поэтам А. Фету, Я. Полонскому, А. Майкову, а также известному критику Н. Страхову. В письмах, прилагаемых к сборнику стихов, он просил у этих уважаемых людей «беспристрастного, строгого и даже придирчивого отзыва». Константин Константинович понимал: вердикт признанных литературных авторитетов во многом должен определить его дальнейшую поэтическую судьбу.

Конечно, ни для высших чиновников, ни для журналистов ведущих изданий не было секретом, кто скрывается за инициалами К. Р. Поэтому вскоре после выхода в свет сборника появились первые хвалебные отзывы. Приходили они от министров, членов Государственного совета, от вовсе незнакомых людей, которые под удобным предлогом искали расположения его высочества. Корреспонденция шла непрекращающимся потоком:

> Продолжаю получать письма от вовсе незнакомых лиц, преимущественно женского пола, с просьбой подарить книгу моих стихов… Я, разумеется, не отказываю.

Появились восторженные статьи в таких изданиях, как «Гражданин», «Русский вестник», «Вестник Европы» и других. Разобрать, какие отклики были искренними, от чистого сердца, а какие – льстивыми, угодливыми, порой бывало сложно.

Из профессиональных литераторов первым отозвался на сборник стихов К. Р. Иван Александрович Гончаров. Еще до выхода его в свет Константин Константинович отдал писателю тетрадь со своими стихотворениями – для ознакомления. И

вскоре получил воодушевляющий отзыв: «Это горсть руды, где опытный глаз отыщет блестки золота, т. е. признаки таланта».

Один из наиболее строгих, взыскательных литературных судей, Гончаров поддержал К. Р. в начале его творческого пути. Он почувствовал искренность и свежесть в стихах молодого поэта и отметил, что тот пишет «чудесно, грациозно, нежно». Высоко оценивая Константина Константиновича как прирожденного лирика, Гончаров писал ему в одном из писем:

> …Вы неудержимо дорываетесь до ключа живой струи. Молодые силы взрывают почву, вода бежит, пока еще вынося с собой песок, ил, камень, сор. Но Вы (я смотрю вдаль) добьетесь, когда ключ забьет чистым и сильным фонтаном, без посторонних, неизбежных при работе примесей. Вы доработаетесь, додумаетесь, дойдете – до одной только чистой и сильной поэзии. Не говорю – дочувствуетесь, потому что сердце, чувство есть основа Вашей светлой, прекрасной, любящей натуры.

Больше всего в сборнике стихов К. Р. писатель оценил стихи, посвященные армейской жизни: «Письмо из-за границы», «Из лагерных заметок», «Умер». Он называет их «перлами» музы великого князя, и считает, что в них таланта больше, чем во всем, прежде написанном. «Почему? Потому что эти очерки взяты из Вашей собственной личной жизни и взяты прямо, непосредственно».

В дальнейшем Иван Александрович, бывало, высказывал и критические замечания, задевая самолюбие молодого поэта. Но это отнюдь не помешало упрочению дружеских отношений, взаимной приязни. Гончаров запросто, без приглашения, заходил в Мраморный дворец, чтобы прочитать своему младшему собрату по литературному цеху новый очерк, который вот-вот появится на страницах популярного журнала «Нива». Великий князь таким визитам был только рад и в ответ протягивал писателю тетрадь со своими новыми стихами.

Константин Константинович тоже бывал у своего наставника – в доме № 13 на Моховой улице. Расстояние от Мраморного дворца по столичным меркам не такое уж большое, но обстановка разнится чрезвычайно:

> У него две маленькие, низенькие комнатки, письменный стол еще тот самый, на котором написан «Обломов». Я с благоговением за него подержался… На столе видел я богатую чернильницу – подарок государя к совершеннолетию цесаревича, прислав которую государь

просил Гончарова писать.

О чем же они говорили в доме Гончарова? Прежде всего о творчестве поэта К. Р. К радости Константина Константиновича, знаменитый писатель относился к нему «с доверием», видел в нем «отрадное явление» и считал его «приобретением для нашей словесности».

В целом с мнением И. Гончарова о творчестве поэта К. Р. согласны те литераторы, оценка которых имеет большое значение для Константина Константиновича. Он внимательно прислушивается ко всем замечаниям и часто дорабатывает, улучшая, текст. Переписка, начавшаяся в год выхода в свет первого сборника стихов, на долгое время определяет круг его адресатов. Сейчас можно с полным правом сказать, что с момента выхода в свет сборника «Стихотворения К. Р.» молодой поэт получил признание. Причем не только у широкой публики, но и у истинных знатоков русской поэзии.

Приятно удивил, а если говорить точнее – просто растрогал Константина Константиновича А. Майков. После их первой встречи два года назад в доме графини А. Комаровской они не виделись. И вот как-то раз, когда великий князь занимался с новобранцами в ротном коридоре в Измайловском полку, к нему в казарму пришел Аполлон Николаевич, зная, что утром великого князя можно застать только на службе.

За истекшее с момента знакомства время они то и дело обменивались письмами, стихами. И вдруг – такая необычная встреча! Оказалось, А. Майков пришел выразить свое восхищение сборником молодого поэта. Майков высоко оценил его стиль, который благодаря удачному обороту «мысли или речи» мог подчас даже «увековечить» свое поэтическое произведение. Говоря о впечатлении, которое произвели на него стихи К. Р., опубликованные в первом сборнике, Майков подчеркивает, что оно – «самое радостное». В одном из писем автору он пишет: «Удивительная искренность, чудная душевная чистота – и все это в весенней обстановке юности».

Старый поэт стал частым гостем молодого – и в Мраморном дворце, и на заседаниях «Измайловских досугов». Константин Константинович тоже захаживает к нему в гости – в его квартиру на Садовой улице. Основная тема разговоров, конечно, поэзия. Но вот что интересно: не только великий князь просит известного поэта дать отзыв на его стихи, но и тот спрашивает мнение К. Р. о своем творчестве. Характерна в этом смысле запись в дневнике великого князя, сделанная 21 января 1893 года:

…Майков прислал мне новое, только что им

написанное стихотворение «Аскет, спасавшийся в пустыне», прося меня дать о нем чистосердечный отзыв. Мне было очень лестно желание маститого заслуженного поэта знать мое мнение; он называл меня экспертом, что пощекотало мое самолюбие…

Сам же Аполлон Николаевич *очарован* стихами молодого поэта. И однажды пишет ему чудесное посвящение, которое так и называет – «К. Р.»:

Эти милые две буквы,
Что два яркие огня,
В тьме осенней, в бездорожье
Манят издали меня.
Зажжены они в воротах,
Что в чудесный мир ведут.
Мир, где только гости с неба,
Духи чистые живут.

Первый сборник стихов К. Р. привлек внимание и П. И. Чайковского. Великий композитор сразу же почувствовал их музыкальность, искренность и написал автору, что его стихотворения «так и просятся под музыку». Позже Чайковский написал на стихи великого князя романсы «Вот миновала…», «Серенада», «Я сначала тебя не любила», «Я вам не нравлюсь…», «Растворил я окно», «Первое свидание», «Уж гасли в комнате огни», «Блажен, кто улыбается…» и посвятил их Константину Константиновичу.

Даже в годы советской власти, когда творчество великого князя Константина Константиновича – августейшего поэта К. Р. находилось под запретом по идеологическим причинам, выходили в свет нотные альбомы Чайковского с чудесными мелодиями романсов, созданных на стихи нашего героя. Лирика его оказалась настолько пленительной, трогающей сердце, что романсы на слова великого князя создавали и другие известные русские композиторы, в том числе С. Рахманинов и А. Глазунов.

…Итак, книга, выхода которой с нетерпением ожидал Константин Константинович, наконец издана. Стало ясно: в России в полный голос заявил о себе новый талантливый поэт-лирик. Сам же великий князь все больше утверждается в мысли, что его истинное призвание – литература: «Достижение возможного совершенствования на поприще родной словесности составляет заветнейшую цель моей жизни».

В его письменном столе хранится рукопись поэмы «Возрожденный Манфред», работу над которой он завершил еще в 1885 году. Вот как он пишет в предисловии об истории ее создания:

> По прочтении поэмы Байрона «Манфред» в одном товарищеском кружке явилась мысль изобразить душевное состояние Манфреда в его загробной жизни, вот вследствие чего был написан предлагаемый драматический отрывок. Он начинается там, где окончена поэма Байрона.

Чем же заинтересовал молодого поэта герой Байрона? Одна из основных тем его лирики – *вера.* Нашла она новое, более полное выражение и в этом произведении. Центральной становится идея нравственного возрождения героя с помощью веры и любви. Воплощение столь сложного замысла дается с огромным трудом. Константин Константинович признается, что работа над поэмой потребовала «неимоверных усилий, то радостных мгновений, то минут отчаяния».

Однако труд, даже самый самоотверженный, которому отданы лучшие порывы души, бессонные ночи, муки творчества, не всегда бывает оценен по достоинству. Иван Гончаров, мнением которого великий князь очень дорожил, следовал реалистической традиции в литературе, и поэму «Возрожденный Манфред», выходящую за ее рамки, раскритиковал. В марте 1885 года он дал о ней весьма нелицеприятный отзыв:

> Извините, если скажу, что этот этюд есть плод более ума, нежели сердца и фантазии, хотя в нем и звучит (отчасти) искренность и та наивность, какую видишь на лицах молящихся фигур Перуджини[4].

Впрочем, критику некоторых своих произведений, высказанную Гончаровым, великий князь воспринимал спокойно, с пониманием. Она вовсе не мешала дружить ему со знаменитым писателем, искренне любить его. Весной 1890 года он с горечью пишет: «Заезжал к Ивану Александровичу Гончарову. Очень он состарился и поговаривает о близости смерти».

Предчувствие не обмануло Гончарова. Жить ему оставалось полтора года.

Вторая поэма Константина Константиновича – «Севастиан-Мученик», была по достоинству оценена современниками, опубликована в дальнейшем во многих поэтических сборниках и хрестоматиях по литературе. В основе ее сюжета – история о

Севастиане, начальнике придворной стражи при римском императоре Диоклетиане. Этот человек не побоялся открыто исповедовать христианскую веру. За это подвижничество ему была уготована мученическая смерть.

На этот раз И. Гончаров обнаружил в произведении «значительные успехи в технике против прежних произведений» и написал великому князю слова одобрения. А в следующем году эта поэма К. Р. вышла в свет отдельным изданием.

Теперь уже многие любящие и знающие русскую литературу люди следили за развитием набиравшего силу таланта молодого поэта. Одним из главных таких наблюдателей был А. Майков. Его радовали успехи К. Р., и, получив от него в подарок экземпляр книги с поэмой «Севастиан-Мученик», он отослал автору ответ в стихах:

> Трудное дело – поэма. Для каждого нужно сюжета
> Главное – тон свой, язык свой найти, ни на миг не забывши,
> Кто говорит. Например, Себастиан. Кто о нем повествует?
> Старец ли, чтитель Житий и в чудесное верящий слово,
> Нашего ль общества автор, к своим обращающий слово?
> Можно и так взять: об нем говорит пусть его современник,
> Даже язычник, его не понявший вельможа.
> Это величье сквозит христианам в его недомолвках.
> . . . . . .
> Мелочь все это, все больше касается формы – но форма
> Это одежда бессмертного духа.

Многолетняя искренняя дружба двух поэтов была прервана смертью Майкова. 8 марта 1897 года великий князь записывает в дневнике: «Вот и еще большая для меня потеря – он был главным моим советником и учителем в деле поэзии».

Такие отзывы – восторженные – поэт получает от знаменитых писателей. А что же критики? Они тоже сказали свое слово. Высокую оценку поэме «Севастиан-Мученик» дал Е. Гаршин в статье «Три поэмы», опубликованной в 1889 году. Посвятив ее творчеству А. Майкова, А. Голенищева-Кутузова и К. Р., он поставил, таким образом, молодого поэта в один ряд с маститыми литераторами. Вот так – естественно, свободно, поэзия великого князя Константина Константиновича, августейшего поэта К. Р. входит в историю русской литературы и занимает в ней

достойное место.

…Первенец Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны делает первые шаги, а в молодой семье опять ждут пополнения. 3 июля 1887 года появляется на свет их второй сын – Гавриил. Когда раздался первый крик новорожденного, счастливый отец вновь был рядом с женой. В ознаменование радостного события в саду, возле Павловского дворца, посажен, как и год назад, молодой дубок. Второй по счету. Вот так – рядом, вместе, как эти деревья, и пойдут по жизни оба князя императорской крови – Иоанн и Гавриил, до того самого дня, пока большевики не арестуют и не казнят безвинно Иоанна Константиновича.

Второму своему сыну, как и первому, отец посвятил стихотворение – «В детской»:

Крошка, слезы твои так и льются ручьем
И прозрачным сверкают в глазах жемчугом.
Верно, няня тебя в сад гулять не ведет?
Погляди-ка в окно: видишь, дождик идет.
Как и ты, словно плачет развесистый сад,
Изумрудные капли на листьях дрожат.
Полно, милый, не плачь и про горе забудь!
Ты головку закинь: я и в шейку, и в грудь
Зацелую тебя. Слезы в глазках твоих
Голубых не успеют и высохнуть, в них
Уж веселье блеснет; в пухлых щечках опять
Будут взор мой две мягкие ямки пленять;
И зальешься ты хохотом звонким таким,
Что и сам небосвод синим оком своим
Засияет тебе из-за сумрачных туч,
И сквозь капли дождя брызнет солнышка луч.

В следующие несколько лет количество молодых дубков возле Павловского дворца заметно увеличилось. В 1890 году в великокняжеской семье родилась дочь, названная в честь мученицы Татианы. 11 января счастливый отец записывает в дневнике:

Благодарение Господу! Сегодня жена благополучно разрешилась от бремени дочерью, при святой молитве нареченною Татианою…

Внутренно я все время мучился, что, если родится мальчик, я не найду в своем сердце столько радости,

сколько надо, чтобы приветствовать появление на свет Божий маленького родного, беспомощного существа. Мне было гораздо больнее за жену, чем во время прежних родов…

А вслед за дочерью вновь рождаются сыновья: Константин, Олег, Игорь. Потом, с перерывом в восемь лет, на свет появляется Георгий, а еще через два года – дочь Наталья.

За несколько лет до рождения девочки, когда в семье было еще трое детей, великому князю приснился страшный сон, очень его взволновавший. 14 июня 1890 года он записывает в дневник:

> Мне часто снятся странные сны. В ночь на вчерашний день приснилось, что у нас умирает ребенок. Такого у нас не было, его лицо было незнакомо. Муха, крадясь по нему, дошла до ресниц закрытых век и они не замигали. Тогда я понял, что наш ребенок мертв. Так страшно.

Со временем сон забылся. Но невольно вспомнился, когда крохотная Наталья тяжело заболела. Пророчество, к несчастью, сбылось – маленькая княжна умерла в тот день, когда ей исполнилось всего два месяца. Это горе навек оставило рану в душе родителей. В день, когда дочери мог бы исполниться год, Константин Константинович написал полные грусти стихи:

Угасло дитя наше бедное
В расцвете младенческих дней;
Все грезится личико бледное
Мне милой малютки моей.
Черты ее детски-прекрасные
Недетскую думу таят,
А светлые, чистые, ясные
Смежилися очи; их взгляд
Со строгостью, с грустью блаженною
Как будто вовнутрь устремлен,
Лазурь созерцая нетленную
И ангельских сил легион.
Над гробом малютки склоненные,
На милые глядя черты
Горюем мы, тайной плененные
Небесной ее красоты.
И плачем, бояся рыданьями
Смутить этот сон гробовой,
Стяжавшей земными страданьями

Бессмертия вечный покой.

Потеря была невосполнима, но ее со временем смягчило рождение 11 апреля 1906 года самого младшего в семье ребенка – дочери Веры.

Отец, в силу постоянной занятости, не мог уделять детям столько времени, сколько ему самому бы хотелось. Основная забота о них лежала на плечах матери – великой княгини Елизаветы Маврикиевны, нянюшки Варвары Михайловны (или Вавы, как ее все называли в семье), которая нянчила еще самого Константина Константиновича, воспитателей, а когда дети подросли, и учителей. И все же природная доброта отца, горячая любовь к детям притягивали их к нему, словно магнитом. Они были очень привязаны к обоим родителям и отнюдь не испытывали перед ними чувства страха, которое, как вспоминал великий князь, сам он частенько ощущал в детстве:

> Глядя на наших деток, припоминаю я свое детство и дивлюсь, замечая, какая между нами разница. Никогда не были мы так привязаны к родителям, как дети к нам. Для них, например, большое удовольствие прибегать в наши комнаты, гулять с нами. Мы, когда были совсем маленькие, со страхом подходили к двери мама́.

Жизнь, наполненная новым, радостным смыслом, продолжалась…

Глава десятая
Рыцарь «чистого искусства»

У великого князя, в отличие от многих его современников, была прекрасная возможность отгородиться от тревог, волнений, замкнуться в мире своей поэтической души. Но превратить жизнь в непрекращающийся праздник, где нет места боли и переживаниям других людей, он не мог. Не позволяла совесть. Он пытается ее «уберечь» и «соблюсти» от всяческих соблазнов:

О, если б совесть уберечь,
Как небо утреннее, ясной,
Чтоб непорочностью бесстрастной
Дышало дело, мысль и речь!
. . . . . .
Мы свято совесть соблюдем,
Как небо утреннее, чистой
И радостно тропой тернистой
К последней пристани придем.

И все же К. Р. был поэтом светлым, возвышенным, в его лирике преобладает жизнеутверждающее начало. Это не значит, конечно, что сам он не пережил тяжелых и горестных минут, всегда безоговорочно был «баловнем судьбы». Еще в молодые годы ему пришлось пережить смерть младшего брата, а позже – крохотной дочери, отца. Цикл солдатских сонетов красноречиво свидетельствует и о его умении и желании сопереживать чужому горю, неравнодушию к нему.

И тем не менее, если внимательно вглядеться в поэтическую палитру России последних двух десятилетий XIX века, невольно напрашивается вывод: поэт К. Р. стоит несколько особняком от своих собратьев по перу.

Следует заметить, что, несмотря на обилие интересных имен в литературе того времени, нет среди них очень ярких, самобытных, которые могли бы составить славу русской поэзии. Одна из причин, видимо, состоит в том, что в обществе накопилась усталость, и поэзия как нельзя лучше отражает духовное состояние людей. Кумиры читающей, думающей публики – С. Надсон, А. Апухтин. Их произведения преимущественно окрашены в мрачные тона, полны пессимизма. В лирике же К. Р. нет гражданственности, но нет и гнетущего

пессимизма. В его миросозерцании преобладают простота, искренность, чистосердечное отношение к окружающей действительности и людям. В одном из писем к Я. Полонскому Константин Константинович признавался: «Скептический дух нашего времени действительно пролетел мимо меня».

Некоторые критики, однако, видя контраст жизнеутверждающей лирики поэта с окружающей действительностью, ставили ему в вину оторванность от реалий века. Но Константин Константинович, внимательно читая их отзывы на собственное творчество, все-таки старается следовать наставлению Н. Страхова, который так обращался к поэтам:

> …Слушайтесь вашего внутреннего голоса и, пожалуйста, не слушайтесь критиков. Это для вас самый опасный и вредный народ. Они все лезут в судьи, тогда как должны бы быть только вашими толкователями.

И он, прислушиваясь к этим словам, идет дальше своим путем.

Каков же он – этот путь? И какую задачу ставит перед собой поэт, когда садится за письменный стол, на который кладет в очередной раз чистый лист бумаги? Мы знаем, что Константин Константинович всю жизнь очень любил музыку, она была неотъемлемой частью его существования. Поэтому нет ничего удивительного в том, что стихи его – словно продолжение прекрасных мелодий, они музыкальны, они *звучат*.

Сам великий князь не раз рассуждает о соотношении музыки и поэзии, оно для него – нерасторжимо. Размышления на эту тему особенно часто встречаются в его письмах к П. И. Чайковскому. Подобно своему любимому учителю в поэзии А. Фету, который, по словам композитора, «не просто поэт, а скорее поэт-музыкант», Константин Константинович тоже порой «выходил из пределов, указанных поэзии». 30 сентября 1888 года К. Р. писал Чайковскому:

> Весьма трудно, хотя и желательно сравнивать между собой различные условия и особенности разных искусств, например, с чем сравнить лад… в особенности в поэзии? С размером? Или рифму? Я убежден, что для всех искусств существуют неведомые нам, тайные, но более или менее общие законы, как верно, что между красками и звуками есть какая-то связь.

Но для того, чтобы добиться вершин, подлинного слияния поэзии и музыки, Константин Константинович неустанно

совершенствует форму своих стихов. Это тяжелый, порой неблагодарный труд, и однажды у него даже вырываются очень горькие строки:

> …И тщетно ищешь рифм и слов,
> Зовешь напрасно вдохновенье, —
> И раздраженный, в озлобленье
> Я не могу писать стихов!

Константин Константинович определенно здесь не прав. Он может писать стихи, причем замечательные, только согласно собственному вдохновенью, а не «черни ветреной в угоду». Недаром в одном из писем критику Н. Страхову он признается: «Я не хочу быть дилетантом в словесности».

Поэт успешно осваивает сочетание разнородных стоп – явление, которое в современной ему поэзии встречается довольно редко. Творческие поиски К. Р. находят понимание и одобрение у Чайковского. 26 августа 1888 года прославленный композитор пишет слова одобрения и поддержки молодому поэту:

> …Мне хотелось бы, чтобы почаще случались такие отступления от обычных стихотворных приемов… Ведь русский язык… есть нечто бесконечно богатое, сильное и великое, и я далек даже от уверенности, что… ему свойствен исключительно тонический стих.

Константин Константинович рад, что нашел в лице великого русского композитора единомышленника, и весной 1889 года признается в письме Чайковскому:

> Ваше мнение разнообразить размер нашей стихотворной речи и даже вводить новые, небывалые размеры – заняло меня очень сильно.

После многих усилий и творческих мук у него наконец рождаются поэтические строки в новой манере. И посвящены они вдохновителю – Чайковскому: «О, люди, вы часто меня язвили так больно…». Петру Ильичу очень понравилась форма этого стихотворения, он считает, что она «безусловно, прелестна», и просит великого князя продолжать начатые на этом пути поиски. Они, конечно, продолжаются. Постижение многогранного характера русской художественной культуры – это путь к совершенству. И каким бы сложным, тернистым он ни был, поэт идет по нему не останавливаясь…

Упрек в антиобщественном характере поэзии К. Р., выдвинутый когда-то критиком Д. Михайловым, не забыт. Поэту не дает покоя мысль: прав автор книги о его творчестве или нет? Он вступает с ним в мысленный спор, пытаясь определить истину. Но беспристрастным арбитром здесь может быть только история. А она ведет счет не на месяцы, годы, а, по меньшей мере, на десятилетия. Поэтому нам, людям, живущим в XXI веке, проще, чем современникам Константина Константиновича, разобраться, насколько он чуток был в выборе тем, оказались ли среди них те, которые называют вечными, имеют непреходящую ценность.

Великий князь Константин Константинович не дожил до революции – октября 1917 года. Но он, конечно, предчувствовал грядущие события. Отстраняясь от обсуждения общественных вопросов, поэт К. Р., как человек глубоко верующий, воспевает любовь, которая и удерживает пока мир от страшных потрясений:

Пусть говорят: как все творенье,
С тобой умрет твоя любовь, —
Не верь во лживое ученье:
Истлеет плоть, остынет кровь,
Угаснет в срок определенный
Наш мир, а с ним и тьмы миров,
Но пламень тот, Творцом возженный,
Пребудет в вечности веков.

Теме любви-сострадания, заботы о ближнем посвящены стихотворения К. Р. «Молитва» («Научи меня, Боже, любить…»), «Когда с зарей…», «Твоей любуясь красотой…», «Любовью ль сердце разгорится…», «Измученный в жизни тревоги и зол…» и ряд других.

Любовь многолика, бесконечна. Одно из ярчайших ее проявлений у К. Р. – преклонение перед родной русской природой, которую он не раз прославлял поэтическим гимном. В стихах великого князя природа подобна тончайшим движениям человеческой души – она пробуждается весной после долгого сна, расцветает, впитав в себя все краски и запахи лета, а потом увядает и замирает в ожидании обновления:

О, золотистость осени печальной!
Скорбь увяданья, грусти красота
И журавлей отлет зарей прощальной.
О, зимней ночи жуть и нагота!
Зловещий ворон в белизне хрустальной,

И лунный свет, и глушь, и немота…

И все же радость жизни – весна, пробуждение природы, которое так созвучно преображению души поэта! Недаром столь характерен для него призыв:

Зазимовавшею душою
Пора очнуться ото сна.

Вчитываясь в строки, посвященные К. Р. пробуждению природы, понимаешь, что он – «поэт весны». Ведь именно с этим прекрасным временем года он связывает надежды на все лучшее, что дарит жизнь, в том числе и на творческое обновление. Особенно отчетливо это видно в стихотворении «Повеяло черемухой»:

Учи меня, соловушко,
Искусству твоему!
Пусть песнь твою волшебную
Прочувствую, пойму.
Пусть раздается песнь моя,
Могуча и сильна,
Пусть людям в душу просится,
Пусть их живит она.

Проходят годы, наступает зрелость. И в стихах поэта находит отражение, как в зеркале души, прекрасный мир цветения. И что интересно: этот человек, объехавший чуть ли не весь мир, повидавший природу разных частей света, пленен скромной, неброской красотой именно родной земли:

Кусты смородины кивали
Кистями спелых ягод нам,
И грустно астры доцветали,
В траве пестрея здесь и там.
Между акаций и малины
Цвел мак махровый над прудом,
И горделиво георгины
Качались в сумраке ночном.

Тема русской природы неразрывно связана в творчестве поэта

с Родиной. Милый его сердцу, знакомый с детства ландшафт успокаивает, дает силы и надежду на будущее. Именно такое единение – наивысшее счастье, дарованное человеку от рождения, считает К. Р.

…Не найдется, пожалуй, ни одного лирика, независимо от того, в какую эпоху он жил и творил, который не воспел бы любовь к женщине. Великий князь Константин Константинович тоже не обошел вниманием в своем творчестве эту тему. Она для него – одна из главных, пленительных и волнующих:

Уж гасли в комнатах огни…
Благоухали розы…
Мы сели на скамью в тени
Развесистой березы.
Мы были молоды с тобой!
Так счастливы мы были
Нас окружавшею весной;
Так горячо любили!
Двурогий месяц наводил
На нас свое сиянье:
Я ничего не говорил,
Боясь прервать молчанье;
Безмолвно синих глаз твоих
Ты опускала взоры;
Красноречивей слов иных
Немые разговоры.
Чего не смел поверить я,
Что в сердце ты таила,
Все это песня соловья
За нас договорила.

В этих словах – нежность, целомудрие, красота, причем не столько внешняя, сколько внутренняя. И, несмотря на то что любовь для него может быть и безумством «в страсти слепой», все же красота именно души – важнее всего:

Сперва, обуянный гордыней слепою,
Себя одного лишь любя,
Твоей не пленяясь душевной красою,
Ценить не умел я тебя.
Но гордое сердце смирилося ныне,
Повязка упала с очей,
И набожно я поклоняюсь святыне
Души несравненной твоей.

Не все, однако, современники, в том числе и критики, могли по достоинству оценить художественное мировосприятие августейшего поэта. Упрек в отстранении его от сложностей, несовершенства общественной жизни был чем-то само собой разумеющимся. И лишь наиболее проницательные критики понимали, что причина этого – не незрелость души, не наивность, а глубоко религиозный христианский взгляд на мир, который несет на себе отпечаток «высшего благородства».

Где истоки такого отношения к жизни и людям? Для самого великого князя Константина Константиновича ответ на этот вопрос был совершенно ясен: в пушкинской традиции, заложенной национальным гением в основу русской поэзии. А сам он – К. Р. – лишь продолжатель великого начинания. Он с детства изучал биографию и творчество великого поэта, а повзрослев, читал его переписку, литературу о Пушкине. Погружение в его поэтический мир было столь глубоким, заинтересованным, что порой великому князю казалось: он «лично знаком с Пушкиным, он как живой встает перед глазами со всеми своими слабостями и недостатками, во всем величии своего творчества». Вот так – совершенно естественно, без всякого нажима извне, и происходило становление К. Р. как поэта под воздействием Александра Сергеевича. Причем глубинное единение двух поэтов, духовное их родство кроется именно в христианском восприятии мира у обоих, в смиренном принятии его.

Следование пушкинской традиции – единственно верный путь для русского поэта. Одно из проявлений этого у Константина Константиновича – понимание будущего личного небытия. У К. Р. оно не отличается от пушкинского: поэт искренне верит в обновление жизни на земле:

…Нас земля, как любящая мать,
В свои объятья заключит навеки.
А в мире вечном, юном и живом
Все так же будет бить ключом
Одна и та же жизненная сила.

В чем же состоит эта «жизненная сила», которая побеждает даже смерть? Поэт исполнен веры в то, что это – творчество. Ведь настоящие творцы, даже покинув земную юдоль, не могут забыть, считает он, о своих творениях, обессмертивших их имена:

Ужели Рафаэль, на том очнувшись свете,
Сикстинскую Мадонну позабыл?
Ужели там Шекспир не помнит о Гамлете
И Моцарт реквием свой разлюбил?

Героями многих стихотворений Константина Константиновича становятся великие деятели культуры прошлого – Рафаэль, Шекспир, Моцарт. Обращается он и к своим замечательным современникам – А. Фету, Я. Полонскому, А. Майкову, И. Гончарову… Откликается и на юбилейные даты А. Пушкина, М. Ломоносова. Главная идея стихов этого цикла – дань глубокого уважения к людям, составившим славу как русского, так и зарубежного искусства.

Одна из излюбленных тем К. Р. – тема поэзии и места в ней творца. Поэзии и, шире, искусству великий князь отводит возвышенную, облагораживающую роль в жизни человека. Противопоставляя эмоциональное начало рационализму, он поднимается в рассуждениях до философских высот:

Пусть гордый ум вещает миру,
Что все незримое – лишь сон,
Пусть знанья молятся кумиру
И лишь науки чтит закон.
Но ты, поэт, верь в жизнь иную:
Тебе небес открыта дверь;
Верь в силу творчества живую,
Во все несбыточное верь!

Но, говоря о значимости эмоций, поэт ратует прежде всего за «трезвое, ясное и спокойное мировоззрение». Вдохновение, конечно, необходимо, считает он, но не менее важны для создания произведения мысль и образ.

Поэзию К. Р. невозможно представить без религиозных мотивов. Причем это не дань моде или обычное увлечение, а истинная вера, которой он был верен всю жизнь. Обращаясь непосредственно к Богу в стихотворении «Молитва», поэт просит:

О, Боже, просвети одежду
Души истерзанной моей,
Дай на спасенье мне надежду
Во дни святых Твоих Страстей!

Вера великого князя тесно связана с эстетикой, в его творчестве звучит тема божественного предназначения поэта. Не раз он обращался и к сюжетам Священного Писания. Одно из его стихотворений на религиозную тему – «Надпись в Евангелие», стало еще при жизни автора хрестоматийным:

Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.

В значительной степени так произошло потому, что в этом стихотворении, как и во многих других, автор словно присутствует лично.

Конечно, высокое социальное положение Константина Константиновича наложило на все его творчество определенный отпечаток. В его поэзии положительные эмоции преобладают над отрицательными. Некоторые критики называли по этой причине его музу «воркующей» и считали, что действительность знакома великому князю только по его воображению. Но во всем ли они были правы? Им можно возразить словами Пушкина: «Говорят, что несчастье – хорошая школа. Но счастье есть лучший университет». Творчество великого князя Константина Константиновича, его дневник, который он вел в течение четырех десятилетий, переписка с выдающимися деятелями культуры – все это говорит о том, что он знал изнанку жизни не понаслышке. Ему были знакомы разные ее проявления.

Было бы преувеличением назвать поэзию К. Р. новаторской. Но в большинстве произведений великого князя Константина Константиновича есть собственная манера, стиль. Именно за изящество, гармоничность, чистоту чувств и слов и любили его современники, почитатели незаурядного таланта поэта-лирика. Питательной же почвой для развития его творчества стала классическая русская поэзия. Из этого бесценного, бездонного родника и черпал на протяжении многих лет великий князь вдохновение.

Недаром стихи Константина Константиновича так любили композиторы. Ведь в них – особая тональность, музыкальность, певучесть. Его творчество – яркий пример «чистого искусства», преданным рыцарем которого он был всю свою жизнь. Почитая родной русский язык, талантливо используя его богатство и красоту, он умел создавать стихи, полные лиризма и одновременно светлого утверждения жизни. Войдя еще в молодости в круг таких ярких и самобытных русских поэтов, как

А. Фет, Я. Полонский, А. Майков, Константин Константинович по праву был признан ими как равный. При этом он сумел сохранить неповторимую индивидуальность.

Становление и развитие творчества К. Р. пришлось на тот период, когда не только русская поэзия, но и в целом русская культура во всем ее многообразии, переживала небывалый доселе расцвет. Это время вошло в историю под названием «Серебряного века». Великий князь – один из замечательных поэтов блистательной эпохи Русского Ренессанса. Но по духу своему, поэтической и человеческой сути он навсегда остался верен лире русской классической поэзии, струны которой обессмертил национальный гений Александра Пушкина.

Глава одиннадцатая
Августейший президент

У великого князя Константина Константиновича совершенно нет свободного времени. С раннего утра он среди измайловцев, ревностно выполняет обязанности ротного командира, заботится о подчиненных. Вечера посвящены занятиям поэзией, встречам с интересными людьми, делам семейным. И не ведает он пока, что судьба уготовила ему новое поприще, которому он посвятит более четверти века.

…25 апреля 1889 года умер президент Императорской академии наук граф Дмитрий Андреевич Толстой. Правда, бывший руководитель приезжал в этот храм науки нечасто – где-то раз в месяц, а то и реже. Не очень глубоко и в дела вникал, ведь высокий пост президента Толстой совмещал с обязанностями министра внутренних дел и шефа жандармов.

Теперь в окружении императора Александра III обсуждалось предложение назначить главой академии члена императорской фамилии. Конечно, раньше такого не было – ведь великие князья служили в армии или во флоте, науками они особо и не интересовались.

Но, как известно, из любого правила есть исключения. Константин Константинович – вполне подходящая кандидатура на этот высокий пост. Еще в конце 1887 года ему было присвоено звание почетного члена Академии наук. Он опубликовал сборник стихов, упорно продолжает заниматься поэзией, живописью, музицирует, много читает, постоянно встречается с людьми искусства. К тому же, хорошо себя зарекомендовал и на военной службе – успешно командует ротой гвардейского полка. Флигель-адъютант, член Общества естествознания, антропологии и этнографии, вице-президент Русского музыкального общества… Есть у него и другие общественные обязанности, с которыми он успешно справляется.

Императорская академия наук находилась в то время в ведении Министерства народного просвещения, и право всеподданнейшего доклада государю имел только министр, граф Иван Давыдович Делянов. Он-то и намекнул в приватном разговоре Константину Константиновичу, что многие при дворе хотят видеть именно его во главе академии.

Великий князь был немного смущен услышанным, но все же чрезвычайно польщен. 2 мая 1889 года он пишет в дневнике:

> …Отказываться я не имею причин. Вечером, после обеда, я улучил минуту поговорить с государем с глазу на глаз. Я спросил его, как он смотрит на сделанное мне предложение. Государь ответил мне, что он ему рад, сказал, что президент – великий князь может стать выше всяких интриг, выразил желание, чтобы я принял это звание, и пожал мне руку. Величие, истинно духовное величие, сопряженное с внешним почетом, всегда имело для меня обаяние и само осеняет меня. С богом, в добрый час. С богом.

На следующий день император Александр III подписал указ, в соответствии с которым великий князь Константин Константинович был назначен президентом Императорской академии наук. Документ был направлен министру юстиции для внесения в Правительствующий сенат и опубликован в «Правительственном вестнике». Таким образом, 3 мая 1889 года перешагнувший несколько месяцев назад тридцатилетний рубеж великий князь возглавил крупнейшее в России научное учреждение, став одиннадцатым по счету президентом Императорской академии наук с момента ее основания Петром I в 1725 году. Обстоятельства сложились так, что его назначение на этот высокий пост именно царской волей стало последним. Следующим после великого князя Константина Константиновича президентом стал академик А. П. Карпинский, которого избрали сами ученые в мае 1917 года.

Нового президента Императорской академии наук наперерыв поздравляли, газеты приветствовали его назначение, возлагали на Константина Константиновича большие надежды, и великий князь чувствовал себя героем дня, признавался в дневнике, что «не мог прийти в себя, очутившись на такой почетной высоте».

Вступление великого князя в должность решено было приурочить к очередному общему собранию Императорской академии наук, намеченному на 13 мая 1889 года.

Утром 13 мая великий князь, позавтракав в кругу семьи и надев парадную форму с орденами, прикрепленными к мундиру, впервые поехал в Академию наук, которая расположена в одном из красивейший зданий столицы – на Университетской набережной. В малом конференц-зале, стены которого увешаны портретами почивших уже президентов академии, расположились в креслах светила российской науки. Председательствующий, академик К. С. Веселовский, зачитал царский указ: «Его императорскому высочеству государю великому князю

Константиновичу всемилостивейше повелеваем быть президентом Императорской академии наук». После этого новый президент обратился к собравшимся с речью, в которой были такие слова: «Выпавшее на мою долю призвание представляется мне обязанностью столь же отрадною и завидною, сколь трудною и ответственною…» Он также признался собравшимся, что «с волнением и невольным трепетом» приступает к новой для себя высокой должности.

Волнение, охватившее великого князя, было не напрасным. Страна, ступившая на капиталистический путь развития, крайне нуждалась в укреплении отечественной науки. Но, как это ни печально, именно в пореформенные годы Академия наук утратила ряд позиций, завоеванных ее членами в XVIII – первой половине XIX века. К этому времени она не могла уже решать ряд задач, которые предъявляла современная российская действительность. Ослабли, а порой и вообще прервались связи с крупнейшими университетами и научными обществами – как в России, так и за рубежом. Постепенно ослабевала роль Академии в академической и культурной жизни страны.

Константин Константинович понимал, что в одиночку он не сможет изменить ситуацию. Едва став президентом, он сразу же обращается за помощью и консультациями к наиболее опытным, уважаемым в академической среде ученым – академикам Я. Гроту, Л. Майкову, К. Веселовскому, В. Безобразову.

С последним из них у великого князя давно уже сложились доверительные, чуть ли не дружеские отношения. И причина тут вовсе не в знатном происхождении академика, которым, кстати, Владимир Павлович вовсе не обладал, а в огромных заслугах этого экономиста и статистика в научной, педагогической и общественной деятельности. О характере отношений этих двух людей красноречиво свидетельствует переписка: далеко не каждый, даже будучи сенатором, кавалером многих высших орденов Российской империи, мог позволить себе обратиться к члену императорской фамилии со словами: «Высокочтимый президент и обожаемый Константин Константинович» или совсем уж по-дружески: «Бесценный и возлюбленный друг мой Константин Константинович».

Спустя несколько дней после вступления в должность президента великий князь обратился к академику Безобразову с рядом нелегких вопросов, суть которых сводилась к следующему: как вывести Академию наук из тупика, в котором она оказалась в силу самых разных причин? Ученый тут же откликнулся письмом, в котором говорил о неотложных задачах «к оживлению и даже обновлению академии, которая в настоящее время представляется

учреждением *вымирающим* (выделено В. П. Безобразовым. – *Авт.*), далеко отставшим от великой идеи своего великого основателя и от своего прежнего высокого положения в государстве». Ученый предельно ясно обозначил и главную проблему, стоявшую в ту пору перед академической наукой: «Главный и неизбежный способ к разрешению этих задач заключается в *значительном усилении денежных* средств академии, вследствие крайнего недостатка которых она не может исполнять теперь своего призвания». Без сомнения, уважаемый ученый оказал большое влияние на формирование позиции августейшего президента.

Следует подчеркнуть, что с назначением на новый, чрезвычайно ответственный пост Константин Константинович не был освобожден от своих прежних служебных обязанностей. Более того, в феврале 1889 года он стал еще и попечителем педагогических курсов при Санкт-Петербургских женских гимназиях. Свободного времени у великого князя совершенно не оставалось, и в связи с этим в организации его деятельности как президента Императорской академии наук был заведен особый порядок, который сохранялся, с незначительными изменениями, на протяжении всех двадцати шести лет руководства им крупнейшим научным учреждением страны.

Состоял он в том, что вице-президент или непременный секретарь академии регулярно, два-три раза в месяц, письменно докладывали великому князю обо всех наиболее важных событиях, имевших место в Академии наук. По этим докладам президент или принимал самостоятельные решения, или давал соответствующие указания помощникам. По мере необходимости проходили и совещания – в здании Академии наук или в рабочем кабинете Константина Константиновича в Мраморном дворце. Через несколько месяцев стало ясно: подул ветер перемен, причем весьма благоприятных.

На академическом обеде, состоявшемся 29 декабря 1889 года, вновь назначенный вице-президент академии Я. Грот, выступив с речью, сказал, что с первых же шагов деятельности нового президента все ученые почувствовали «неусыпную заботливость о процветании академии, о пользах каждого из ее учреждений, о благе каждого из ее членов».

Сделаем скидку на укоренившееся издревле в России чинопочитание. Возможно, Яков Карлович Грот несколько и приукрасил ситуацию, сейчас уже не проверишь. Но основания говорить именно так у него, без сомнения, были. Это красноречиво доказывают дальнейшие события.

Итак, недостаток финансирования… Взаимоотношения власти и науки в Российской империи всегда были сложными, неоднозначными, но во второй половине XIX века они все больше и больше обостряются. У власть имущих всегда находились средства на содержание армии и флота, разраставшегося как на дрожжах огромного чиновничьего аппарата, но практически никогда не хватало в должном объеме денег на культуру, просвещение и науку.

С унизительными просьбами выдать хотя бы часть причитающегося ему жалованья обращался в канцелярию Академии наук еще М. В. Ломоносов. Так, в августе 1743 года он писал в очередном прошении: «И так почти за целый год я, нижайший, жалованья от академии не получал и от того пришел в крайнюю скудость». За год до этого Михаил Васильевич подал академическому начальству первый рапорт с просьбой о создании химической лаборатории. Но вопрос этот был решен лишь через семь лет. Раньше не получалось по одной-единственной причине: «по неимению денег в ученом учреждении» (то есть в Академии наук). К слову сказать, проведение любого из многочисленных военных парадов или устройство какого-нибудь праздничного фейерверка в столице обходилось правительству дороже, чем стоимость упомянутой лаборатории.

Такое положение дел сохранялось в течение очень многих лет. Даже в благополучный период экономического развития России, накануне Первой мировой войны, на нужды Министерства народного просвещения выделялось чуть более пяти процентов от общего бюджета страны.

Вскоре после того, как великий князь Константин Константинович был назначен президентом Императорской академии наук, встал вопрос о пересмотре ее устава, утвержденного еще в 1836 году императором Николаем I. В начале 1890 года была создана специальная комиссия, призванная пересмотреть те параграфы документа, которые уже не отвечали требованиям дня. У академиков собрали их предложения. И что же выяснилось? Практически все они касались изменений в области материального, финансового положения российской науки, а не совершенствования самого устава. Проблема оказалась конкретизирована и одновременно усложнена.

Что в этом случае должен был сделать президент? Однозначного ответа, пожалуй, здесь нет, ведь многое зависит от личности. Константин Константинович решил, невзирая на свое высокое общественное положение, обратиться за помощью и советом к более опытным и старшим по возрасту друзьям.

12 марта 1890 года он пишет письмо управляющему двором своего отца, великого князя Константина Николаевича, генералу П. Е. Кеппену, в котором говорится, что все попытки комиссии пересмотреть устав оказались тщетными: «…только что мы принимались обдумывать какую бы ни было статью, как наталкивались на необходимость преобразования штата». По существовавшим в то время условиям государственной службы улучшить финансирование можно было, только внеся соответствующие изменения в штатное расписание. После нескольких заседаний комиссии и консультаций со специалистами было принято решение сохранить действующий устав и подать министру народного просвещения И. Д. Делянову записку о самых насущных нуждах Императорской академии наук, попросив его дать ей «законный ход».

Принять такое, вполне разумное, решение оказалось не очень сложно, а вот как его выполнить? Ведь «законный ход» – это хитроумный лабиринт, из которого порой не выбраться в течение долгих месяцев. И вот пошел в вышестоящие инстанции целый поток записок, писем, проектов – словом, начался обычный в таких случаях процесс «выбивания» денег.

И, конечно же, благородное начинание молодого президента Академии наук и его помощников тут же натолкнулось на трудно пробиваемую стену, называемую емким словом *бюрократия*. Что уж говорить о высокопоставленных сановниках, если даже император Александр III, выслушав в марте 1890 года всеподданнейший доклад министра И. Д. Делянова о необходимости увеличения ассигнований Императорской академии наук и выразив на это принципиальное согласие, строго заметил, «чтобы при составлении сих предположений имелась в виду надлежащая умеренность в предъявляемых требованиях». Великому князю раз за разом приходилось преодолевать бесконечные круги «увлекательной» переписки с российским чиновничьим людом…

И все же со временем дело сдвинулось с мертвой точки. Конечно, в какой-то мере положительную роль сыграло высокое общественное положение президента, его постоянно растущий авторитет среди членов императорской фамилии. В Академии наук дела начали меняться к лучшему. Первой ласточкой в этом смысле стало увеличение в октябре 1892 года на восемь тысяч рублей кредитов Главной физической обсерватории. Гарантом выступило Министерство финансов.

Параллельно шла подготовка документов для рассмотрения в Государственном совете вопроса о значительном увеличении общих бюджетных ассигнований для Академии наук. В

специальной записке, направленной в начале декабря 1892 года министру народного просвещения, Константин Константинович обосновывал значимость Академии наук для страны: «…нельзя не признать за аксиому, что степень процветания академии должна служить нормой того умственного уровня, на котором стоит государство». На решение важнейших проблем президент испрашивал ежегодную добавочную сумму в размере 69 217 рублей 75 копеек, которая была подсчитана «с крайней осмотрительностью».

Наконец, 8 апреля 1893 года состоялось совместное заседание департаментов экономии и законов Государственного совета, на котором обсуждался вопрос о новых штатах академии и увеличении ассигнований на ее нужды. Константин Константинович принимал в нем непосредственное участие, но доклад, в соответствии с существующим положением, делал министр просвещения И. Д. Делянов. Обсуждение стоявшего на повестке дня вопроса оказалось очень бурным. И все же новый штат академии был утвержден, а ее ежегодный бюджет увеличен на 53 563 рубля. И хотя часть требуемой суммы законодатели все-таки урезали, это была крупная победа академии. Причем первая во второй половине XIX века! В этот же день заместитель Константина Константиновича академик Я. К. Грот направил ему восторженное письмо, в котором поздравлял августейшего президента с «благополучным исходом нашего дела в Государственном совете».

Ежегодное жалованье ученым было значительно повышено. Сам же Константин Константинович получал только «столовые деньги», наотрез отказавшись от полной зарплаты, положенной президенту Императорской академии наук. Хотя все свои обязанности на этом посту выполнял из года в год неукоснительно.

Утвержденное в 1893 году штатное расписание просуществовало около двадцати лет. Впоследствии, в 1912 году, вступило в силу новое, утвержденное уже императором Николаем II. Увеличение бюджетных ассигнований для российской науки и ее служителей пришлось опять долго и упорно «проталкивать» в верхних эшелонах власти. Когда же соответствующий законопроект был вынесен на заседание Государственного совета, Константин Константинович заболел. Вместо него на заседание были приглашены ближайшие помощники президента, в том числе академик С. Ф. Ольденбург. После утверждения закона он тут же послал великому князю, находившемуся в это время в Павловске, телеграмму следующего содержания: «Прямо из

Государственного совета. Законопроект прошел. 66 против 25…»

Что же новое было в этом документе? Прежде всего то, что существенную прибавку к жалованью получили не академики и руководители научного учреждения, а сотрудники среднего и нижнего звена – лаборанты, ассистенты, хранители фондов… Это ли не выражение гражданской позиции организаторов академической науки того времени и прежде всего самого президента Императорской академии наук великого князя Константина Константиновича? О его стремлении проводить в жизнь в Академии наук принципы демократизма и социальной справедливости говорит и письмо, отправленное им в сентябре 1912 года вице-президенту П. В. Никитину:

> Мне кажется, что, независимо от ученых заслуг, в сравнении с академиками, лаборант Давыдов, служащий 11 лет, или младший зоолог Мордвилко, состоящий на службе 19 лет, оба не получавшие никакой награды, заслуживают таковой больше, чем, например, академик Белопольский, награжденный не далее как 3 года тому назад и могущий быть представленным к чину через год.

Августейший президент ходатайствовал не только об улучшении общего финансирования деятельности Академии наук, добивался он получения необходимых средств и для отдельных научных проектов, реализация которых служила во благо отечественной науки. Первостепенное значение отводилось изучению древней византийской культуры, которая была, как известно, одним из важнейших источников становления и развития российской цивилизации.

В начале 1890-х годов несколько профессоров Новороссийского университета представили в Министерство народного просвещения подготовленный ими Проект учреждения русского археологического института в Константинополе, на содержание которого требовалось двенадцать тысяч рублей в год. Проект был одобрен Министерством иностранных дел, обер-прокурором Святейшего синода, но не получил поддержки в Министерстве финансов. Причина весьма банальна: недостаточное поступление государственных доходов.

Однако идея создания такого научного учреждения была поддержана Императорской академией наук, и прежде всего ее президентом. Члены Государственного совета дважды рассматривали этот вопрос. На втором заседании, которое состоялось 24 февраля 1894 года при участии великого князя Константина Константиновича и специально прибывшего в столицу из Константинополя посла России А. И. Нелидова, было

принято решение: проекты устава и штата Русского археологического института в Константинополе представить на утверждение государя.

Устав и штаты института были утверждены 23 мая 1894 года императором Александром III. Бессменным его директором в течение двадцати лет был профессор Ф. И. Успенский. Успешная научная работа проводилась в институте до начала Первой мировой войны.

С именем августейшего президента Императорской академии наук теснейшим образом связаны организация и проведение многих научных экспедиций, имевших большой резонанс не только в России, но и во всем мире. Прежде всего это Шпицбергенская экспедиция по градусному измерению, стартовавшая в мае 1899 года. Великий князь лично провожал моряков в плавание.

Нетрудно понять чувства капитана судна Н. Ергомышева, пославшего великому князю телеграмму: «Команда „Бакана“, отправляясь в дальнее плаванье, почтительно благодарит Вас за высокое к ней внимание». Еще бы! Это «внимание» оценивалось в 210 тысяч рублей, которые были ассигнованы при непосредственной помощи Константина Константиновича на проведение экспедиции к острову Шпицберген.

Продолжалась она долгие шестнадцать месяцев. И оказалась настолько успешной, что современники считали ее «важнейшим ученым предприятием, ознаменовавшим академическую жизнь за 1899 год» и «едва ли не самой крупной в XIX столетии экспедицией» подобного характера. Сами же полярные исследователи, находившиеся долгое время «среди непроглядной тьмы полярной ночи во льдах Шпицбергена в поселке», назвали его в честь великого князя – Константиновским.

Немалые средства, 180 тысяч рублей, удалось получить Императорской академии наук от правительства и на проведение Русской полярной экспедиции. В апреле 1900 года она отправилась к Новосибирским островам на парусно-моторной шхуне «Заря», экипаж ее почти полностью был укомплектован военными моряками. Возглавил экспедицию талантливый исследователь Арктики Эдуард Васильевич Толль.

Одним из офицеров на шхуне «Заря» был Федор Андреевич Матисен. В его послужном списке имеется интересная запись:

> С 16 апреля 1900 г. по 21 января 1901 г. на яхте его императорского высочества великого князя Константина Константиновича «Заря» под флагом Невского яхт-клуба в Русской полярной экспедиции за границей и в

Северном Ледовитом океане старшим офицером.

По предложению Ф. А. Матисена и Э. В. Толля в число участников Русской полярной экспедиции, отправившейся к Земле Санникова, был включен и лейтенант флота А. В. Колчак, тогда совсем еще молодой, но подающий большие надежды офицер. Разрешения для Колчака участвовать в экспедиции с трудом добился Константин Константинович.

Когда великий князь начал хлопотать об отзыве А. В. Колчака с броненосца «Петропавловск», на котором тот служил, корабль уже ушел в длительное плавание, направляясь на Дальний Восток. Телеграмма из Главного морского штаба была получена командиром броненосца во время его очередной стоянки в греческой гавани Пирей. Молодой офицер успел буквально накануне отплытия корабля сойти на берег.

Возможно, великий князь Константин Константинович спас Колчаку жизнь: 31 марта 1904 года броненосец «Петропавловск» подорвался на минах, и выжить в тот день удалось всего лишь нескольким членам экипажа. Как знать, был бы в числе этих счастливчиков Александр Васильевич? *Судьба* хранила этого выдающегося человека, ставшего после октября 1917 года одним из руководителей Белого движения, вплоть до 7 февраля 1920 года, когда по негласному указанию Ленина он был расстрелян членами Иркутского военно-революционного комитета.

…Во время плавания шхуны, и особенно во время зимовок у северо-западного берега полуострова Таймыр и у западного берега острова Котельный, военные моряки – члены экипажа, выполнили комплекс чрезвычайно важных для науки гидрографических, физико-географических и геологических исследований. В ноябре 1902 года, во время перехода по неокрепшему морскому льду с острова Беннет на материк, Э. В. Толль и трое его спутников погибли.

Константин Константинович не смог остаться равнодушным к судьбе вдовы погибшего ученого-исследователя. По поводу назначения ей пенсии он обратился с письмом к вице-президенту Императорской академии наук П. В. Никитину:

> Надо возбудить ходатайство о пенсии баронессе Толль. Для достижения лучшего я обратился к его величеству… На барона Толля надо смотреть как на павшего во славу науки, подобно воинам, полагающим жизнь во славу оружия.

Следует добавить, что письмо подобного рода было далеко не единственным. Великий князь всегда внимательно относился к

нуждам ученых, деятелей культуры и искусства, их родных и близких. Чаще всего речь шла об улучшении их материального положения, о назначении им пенсий или временных пособий.

Лишь за первые десять лет пребывания великого князя Константина Константиновича на посту президента Императорской академии наук при его непосредственном участии было проведено двенадцать крупных экспедиций. За счет богатого материала, полученного в них, отечественная наука значительно продвинулась в своем развитии. И все же ряд серьезных проектов, задуманных в этот период, осуществить не удалось. Порой мешала косность чиновников. Многим научным начинаниям положила конец и Первая мировая война. Один из ярких примеров тому – нереализованный проект по созданию Ломоносовского института.

…В 1911 году по инициативе августейшего президента, к 200-летнему юбилею М. В. Ломоносова, была начата работа по созданию исследовательского института, который, как изначально предполагалось, должен был объединить деятельность уже существовавших физического кабинета, химической и минералогической лабораторий. В записке, представленной академией императору Николаю II, было сказано, что при «быстром росте физико-химического знания необходима совершенно новая организация научной работы. Такая великая страна, как Россия, не может и не должна оставаться чуждой тому напряженному соревнованию, которое на этом поприще проявляют народы Западной Европы и страны за океаном. Этого не допускает не только благородное чувство национальной гордости, но, насколько могут о том судить люди науки, и сознание государственной пользы».

Император поддержал эту идею, он даже согласился принять Ломоносовский институт под свое покровительство и дал указание, чтобы «весь вопрос об институте прошел установленным порядком». Для строительства выделили место на Васильевском острове, недалеко от здания Императорской академии наук. Был также объявлен всероссийский сбор средств по подписке на сооружение памятника М. В. Ломоносову, который предполагалось установить рядом со зданием института его имени.

Однако начавшаяся Первая мировая война помешала осуществлению этого замысла. Долгие годы он ждал своего часа. Лишь в 1986 году, к 275-летнему юбилею М. В. Ломоносова, великому русскому ученому был сооружен, недалеко от предполагаемого изначально места, памятник.

Глава двенадцатая
Дела служебные и личные

В тот же год, когда великий князь был назначен президентом Императорской академии наук, один за другим выходят в свет сразу два новых поэтических сборника К. Р. – «Стихотворения К. Р.» (1879–1885) и «Новые стихотворения К. Р.» (1886–1888). Пахнущие типографской краской книги не залеживаются на полках в магазинах. Публика быстро их раскупает, и с каждым днем появляется все больше теплых отзывов, слов одобрения.

Достойно удивления, как великий князь успевал одновременно писать и издавать стихи, быть настоящим отцом-командиром для своих подчиненных в Измайловском полку, вести большую научную и общественную работу, оставаясь при этом нежным отцом и мужем? К тому же неукоснительно подчиняться законам высшего света – посещать балы, рауты, регулярно бывать при дворе…

Весной 1889 года Константин Константинович дал сольный фортепианный концерт в Мраморном дворце при большом количестве гостей, в присутствии императрицы и наследника престола – Ники, как называли его в семейном кругу. К этому событию великий князь готовился долго. Полтора года усиленных упражнений! Еще 19 сентября 1887 года он поверяет свои мысли дневнику:

> …С замиранием сердца вижу себя в большой зале перед множеством гостей и слышу оркестр; вот приходит время вступать. Оркестр умолкает, и я начинаю. Ух, страшно!

Еще бы не страшно… Ведь играть нужно по памяти, без пюпитра с нотами, в присутствии двух сотен гостей, да еще в первый раз наизусть с целым оркестром! Впрочем, к этой «дерзости» великого князя подтолкнул Чайковский, а Антон Рубинштейн сказал после этого концерта, что «великие князья могут сделаться артистами, а последним никогда не попасть в великие князья».

Возможно, в словах Рубинштейна, великого музыканта, основателя Санкт-Петербургской консерватории, и была доля завуалированного сарказма. Но сам факт его присутствия на этом вечере говорит о многом.

…Приближается лето. Константин Константинович все чаще ездит в «милый Павловск» – иногда на велосипеде, а порой и на «экстренном поезде», если дела не терпят отлагательств. В это время он начинает огромный, подвижнический труд – перевод «Гамлета» У. Шекспира. Работа растянется на двенадцать лет – ведь нужно не только перевести текст, но и дать к нему обширные комментарии.

Летом этого года Константину Константиновичу приходится решать среди прочих один очень непростой вопрос, из разряда щекотливых. В конце августа у него побывал выдающийся ученый-химик Н. Н. Бекетов, который обратился к президенту Академии наук с просьбой увеличить штат своей лаборатории. Когда вопрос обсудили, великий князь завел разговор о профессоре Д. И. Менделееве, которому в 1880 году было отказано в приеме в состав Академии наук. Константин Константинович говорит о том, что ему очень хотелось бы принять Менделеева «в академию, как ученого, выходящего из ряда обыкновенных. Против него будет много голосов, но я надеюсь, что мы, русские, превозможем».

Из Павловска великому князю уезжать не хочется – так здесь хорошо и спокойно. Вот уже и лето прошло, осень вступила в свои права, а он так и продолжает курсировать между пригородом и столицей. Лишь в начале декабря, когда наступила настоящая зима, он вернулся в Санкт-Петербург. Казалось бы, дома, в привычной обстановке, жизнь будет протекать спокойно. Но в это время вновь возникли проблемы со здоровьем, которые то и дело давали о себе знать. Врачи предписали домашний режим, полный покой. Но Константина Константиновича тревожит, что возникшее недомогание не даст ему возможности «посещать заседания VIII съезда естествоиспытателей и врачей и хоть этим выразить, что я не считаю шуткой избрание меня в его почетные председатели. Мне предстоит устроить у себя большой обед для представителей съезда, надо будет говорить речь, и при мысли об этом душа в пятки уходит».

Но неожиданно для себя великий князь, не избалованный праздностью, находит в этом состоянии особую прелесть. Он много читает, начинает писать очерк «сказаний о древе крестном», занимается разбором книг, предается в тишине литературным занятиям. Все это – поистине удовольствие.

> В кабинете, в шкапчике… поместил иностранную избранную литературу; также русскую поближе к моему месту у письменного стола в шкафу, служащему потаенной дверью, а остальная часть вместе с историей

литературы, философией, психологией, критикой и библиографией установилась на полках шкафа под образами. Все касающееся истории вообще и русской в особенности с историей церкви, христианства и богословия перешло в приемную.

В Мраморном дворце великого князя навещают П. Чайковский и А. Рубинштейн, А. Майков и Я. Полонский…Он посещает художественные выставки, спектакли, но самое радостное событие начала 1890 года – рождение 11 января дочери Татианы. 7 февраля маленькая княжна была крещена в небольшой дворцовой церкви.

Этот год был поистине удивительным для молодых родителей! В декабре у Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны родился еще один ребенок – князь императорской крови Константин Константинович (младший). Крестили его уже в следующем, 1891 году, 10 января.

Присутствовали на крестинах, как и полагалось в таких случаях, представители придворного духовенства, члены Государственного совета, гофмейстерины, статс-дамы, камер-фрейлины императрицы, гофмейстерины и фрейлины великих княгинь, министры, сенаторы, статс-секретари, почетные опекуны, первые члены двора, его императорского величества генерал-адъютанты и особы двора их императорского высочества великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича. Восприемниками у третьего сына Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны были император Александр III, королева Мария Ганноверская и несколько других членов императорской фамилии. Напротив, через Неву, в Петропавловской крепости палили пушки. Колокольный звон раздавался во всех городских церквях. А здесь, в Мраморном дворце, совершение таинства сопровождалось пением «Тебе Бога хвалим». Торжественные, незабываемые минуты…

Страницы дневника великого князя, его переписка, воспоминания современников – все это говорит о том, что он пользовался неизменным уважением и симпатией в императорском семействе. В самом начале весны идет разговор о его повышении по службе. Совсем недавно, 26 февраля 1891 года, в «Правительственном вестнике» был опубликован высочайший указ, в котором говорилось, что командир Преображенского полка великий князь Сергей Александрович назначен московским генерал-губернатором. Но прежде чем он приступит к новым обязанностям, необходимо найти ему замену на прежней

должности.

В верхах обсуждали несколько кандидатур. Но император Александр III склонялся к тому, чтобы командиром преображенцев назначить великого князя Константина Константиновича.

8 марта его вызвал к себе для конфиденциального разговора кузен – великий князь Владимир Александрович, который был в то время командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Он-то и передал предложение государя «принять от Сергея Преображенский полк». Константин Константинович пытается отказаться, приводит, как ему кажется, веские доводы. Но в душе он уже и сам склоняется к этому шагу. Ведь командование полком он считал конечной целью своего служебного поприща. Да и удобно ли отказываться от столь высокой милости, доверия самого императора? Ведь государь с особенной теплотой и привязанностью относится к преображенцам.

Вечером того же дня, посоветовавшись с отцом, братом Дмитрием и Павлом Егоровичем Кеппеном, он спешит исправить свою оплошность и отправляется во дворец кузена, чтобы сообщить: он готов принять под свое начало Преображенский полк.

А 20 апреля военный министр прислал великому князю приказ, в котором говорилось о присвоении ему очередного воинского звания – полковник. Константин Константинович отправился во дворец «в густых эполетах. При шпорах. Государь меня поздравил и, ласково шутя, сказал: „Ты теперь почти генерал и заважничаешь“». А вскоре «почти генерал» был назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка.

Новое назначение не на шутку тревожит великого князя. В душе у него возникает волнение: справится ли с поставленной задачей? Сомнения свои, как всегда, он поверяет дневнику. 4 июня, находясь в лагере, пишет:

> Главное владеющее мною чувство – сознание моей неудовлетворительности как командира отдельной части. Главные мои недостатки: ограниченность силы воли и настойчивости, неумение быть твердым, строгим и последовательным, неуверенность, шаткость и нерешительность. Все эти слабые стороны не могли так выступить наружу, пока я только командовал ротой. Но с расширением власти эти недостатки могут породить дурные плоды, и я опасаюсь, что через некоторое время моя несостоятельность будет замечена…

Но он слишком строг к себе. Сильных сторон у нового командира полка оказывается больше, чем слабых. Это доказывают первые же полковые учения. 10 июля Константин Константинович с гордостью записывает в дневнике:

> …Вчера я готовился к своему первому полковому учению; внимательно подчитывал устав. Я выехал перед полком галопом и начал ученье. Учились прекрасно.

Под началом великого князя Константина Константиновича предстояло проходить службу и цесаревичу Николаю Александровичу, в недалеком будущем – императору Николаю II. Наследник престола узнал об этом радостном для него событии 23 августа 1892 года и сразу же послал восторженную записку своему будущему «отцу-командиру»:

> Дорогой Костя, спешу разделить с тобою мою искреннюю радость: у меня только что произошел с папа разговор, содержание которого так давно волновало меня! Мой милый добрый папа́ согласился как прежде охотно и разрешил мне начать строевую службу с зимы! Я не в состоянии выразить тебе испытываемые мною чувства, ты вполне поймешь это сам. Как будто гора с плеч свалилась!
>
> Итак, я буду командовать первым батальоном под твоим начальством! Целую крепко нового отца-командира. Твой Ники.

Великий князь, судя по всему, тоже рад этому назначению. Ведь дневнику он поверяет свои сокровенные мысли, и в записях своих не лукавит. 24 августа 1892 года он пишет:

> Я всей душой надеялся на это счастье и для полка, и для меня. У меня лежит душа к цесаревичу с тех самых пор, как он из мальчика сделался юношей. Но эта радость и пугает меня также. Мне надо будет постоянно помнить, как себя держать относительно своего нового подчиненного и в то же время наследника престола.

И вот наступает памятный день 2 января 1893 года, с которого и начинается служба цесаревича в Преображенском полку. В 11 часов утра все офицеры, облаченные в парадную форму, начинают собираться в казарме на Миллионной улице. Через некоторое время они столпились в передней и на лестнице, ведущей в роту его величества. Вскоре прибыл в санях и

цесаревич, тоже в парадной форме, его встретил командир полка.

С верхней площадки лестницы, где разместились полковые музыканты, грянул марш преображенцев. Цесаревич, выслушав рапорт дежурного по полку, поздоровался с офицерами, подав каждому руку. Затем «опросил претензии» и прошел в кабинет командира полка. Там великий князь Константин Константинович принял рапорты о принятии и сдаче 1-го батальона.

Официальная часть закончена, можно и позавтракать вместе с преображенцами, ликующими при встрече с цесаревичем. Он переоделся в сюртук и занял место за столом – по правую руку от командира полка. Никаких тостов в этот раз не произносили – офицеры не хотели докучать новому дорогому сослуживцу, но… каждому из них очень хотелось выпить за здоровье августейшего командира 1-го батальона. Как по мановению волшебной палочки, на столе появился большой серебряный позолоченный жбан – подарок бывшего командира полка великого князя Сергея Александровича. Из этого жбана всем налили по стакану вина и, по издавна заведенному здесь обычаю, офицеры принялись петь застольные песни. Рефреном звучали слова: «Николай Александрович, здравствуйте!..» Цесаревич был тронут таким вниманием и всем ротным командирам своего батальона передал по бокалу шампанского.

Подробное описание того, как проходила служба цесаревича в Преображенском полку, находим в воспоминаниях «О службе государя наследника цесаревича Николая Александровича, ныне благополучно царствующего государя императора л. – гв. в Преображенском полку 2 января 1893 – 20 октября 1894», которые написал в 1896 году бывший его командир – генерал-майор великий князь Константин Константинович. Кроме записей непосредственно о службе цесаревича, здесь есть примеры и чисто житейские, которые характеризуют Николая Александровича как человека, по-доброму относившегося к своим сослуживцам:

> В офицерском собрании цесаревич охотно и весьма искусно играл на бильярде; однажды, проиграв партию полковнику Огареву, он на другой день прислал ему вместо долга ковер – подарок Эмира Бухарского…
>
> 31 января цесаревич прислал в офицерскую столовую несколько бочонков свежей икры, поднесенной его высочеству уральскими казаками.

Только исполнять свои служебный долг наследнику престола

удается нечасто: у него множество общественных обязанностей – как в России, так и за рубежом. К тому же осенью 1893 года он решил жениться на немецкой принцессе Алисе Гессен-Дармштадтской, с которой знаком уже три года. 8 апреля 1894 года состоялась их помолвка.

Николай Александрович стал чаще появляться в полку, получив разрешение императора Александра III оставаться в рядах преображенцев вплоть до своей свадьбы. 23 июля 1894 года командир полка записывает в дневнике: «…Все мы счастливы опять видеть среди нас дорогого сослуживца».

…Когда у Константина Константиновича выдается свободная минутка, он старается провести время с детьми. Вспоминает собственное детство и невольно сравнивает с ними себя, маленького. Ему кажется, что он тогда больше оставался с нянями, к родителям же ходил «более по обязанности». А вот у его собственных детей все не так: они просятся «с нами гулять, ласкаются, нежничают». Как же не отправиться с ними куда-нибудь подальше, в заповедные места, чтобы никто не помешал задушевным разговорам?

> Бродим по пахоте, заходим в лес, и эта новизна мальчиков забавляет. Вчера в первый раз начал я рассказывать Иоанчику и Гаврилушке священную историю. Рассказал о Благовещении и Рождестве.

Особенно внимательно слушал отца Гаврилушка. Ему очень понравился рассказ об ангеле. Когда же речь дошла до путешествия из Назарета в Вифлеем, он с волнением спросил отца: «А как ехала Богородица на осле? В амазонке?»

Что оставалось ответить ребенку?

1892 год начинался для Константина Константиновича очень тяжело. 13 января в Павловске умер отец – великий князь Константин Николаевич. Угасал он долго и мучительно, был разбит параличом. Состояние его давно уже вызывало опасение близких, в конце мая предыдущего года в дневнике сына появляется запись:

> …Я поймал себя в гадком чувстве: как бы с нетерпением, с жадностью ловишь каждое известие о новом угрожающем признаке. Два года назад мы не сомневались в близости конца, но время шло, мало-помалу мы привыкли к новому порядку вещей. В зиму с 89 на 90 год появились некоторые тревожные признаки.

> Я опять ждал конца как освобождения. Затем здоровье папа, по-видимому, улучшилось, последняя зима прошла очень хорошо. И вот опять являются опасения, и я не могу отделаться от гадкого, нетерпеливого чувства: когда же это кончится?

Отношения с отцом были сложные. Уже несколько лет у великого князя Константина Николаевича была вторая, неофициальная, семья, внебрачные дети. Когда Константин Константинович узнал об этом, он отшатнулся от отца, целиком и полностью приняв сторону матери. Еще в июле 1883 года он с горечью пишет в дневнике:

> …Она, ни на что невзирая, любит папа. Ей бы хотелось почаще его видеть в продолжение дня, а он приходит только утром поздороваться и завтракает да обедает с нею… Мне противно видеть, как он увлекается всякой юбкой и разглядывает красивых женщин.

После воцарения Александра III Константин Николаевич остался не у дел. Жил в Крыму, в своем имении Ореанда, редко бывая в столице, и никак не мог смириться с тем, что не нужен новому самодержцу. Его окружение казалось невыносимым такому энергичному и умному государственному деятелю, каким был великий князь Константин Николаевич. Он всякий раз сердился, раздражался, когда приходилось бывать при дворе.

Правда, со временем он смирился с судьбой, стал более покладистым. Возможно, одна из причин тому – внуки, новая поросль древа жизни. Даже некоторые стихи *Костюхи* ему нравятся, он признает это. И все же… спокойная старость не для него! Случаются приступы ярости, во время которых он теряет самообладание. А потом – приступы головной боли, слабость, онемение конечностей. 7 июля 1889 года в дневнике сына появляется запись:

> …Он плакал, видя свое беспомощное состояние, подходил к зеркалу и всматривался в свое лицо, как бы желая заметить на нем признаки болезни… выражал нетерпение и бессильную раздражительность.

На следующий день ему стало значительно хуже, и он попросил привести внуков, чтобы попрощаться с ними. Гладил их по головкам, а они прижимались к нему, целовали деда, ласкали его. Константин Николаевич растрогался, заплакал, и – неожиданно, детская ласка придала ему сил. По крайней мере на

какое-то время.

Ему бы ехать в Крым, в тепло, к солнцу. На этом настаивали врачи, говорили о необходимости для больного полного покоя. Но этого не хотела жена, великая княгиня Александра Иосифовна. Это была своеобразная месть оскорбленной и покинутой когда-то мужем женщины. Ведь приличия он соблюдал долгие годы лишь внешне. И теперь настал ее черед диктовать условия.

Передвигаться Константин Николаевич мог теперь лишь в коляске, с посторонней помощью. Язык ему не повиновался, одна рука была парализована.

В начале 1890 года у него случилось два тяжелых обострения болезни подряд. Сильный когда-то организм все еще сопротивляется смерти, но Константин Николаевич надломлен духовно. Он мечтает увидеть свою возлюбленную и внебрачных детей, хотя бы попрощаться с ними. Пусть он грешил, но ведь это желание его – так естественно. Это понимают дети и склоняются к тому, чтобы доставить умирающему отцу единственное утешение, о котором он просит. Но – нет. Непреодолимое препятствие – законная супруга Александра Иосифовна. Она-то никогда не согласится на приближение «той особы». Константин Константинович пишет об этом с некоторой долей осуждения, которое можно увидеть между строк его дневника:

> …У мама на этот счет составились свои твердые убеждения. Она думает, что послав папа тяжелую болезнь, сам Бог порвал всякие связи с его прежней жизнью и что нам подлежит не поддерживать, а, напротив, стараться о их уничтожении, заботясь о спасении его души. Мама́ не слушает наших возражений, что нельзя чужими руками спасать душу человека без его о том попечения.

В августе 1891 года умирающий стал терять последние физические силы, все чаще отказывал ему теперь и разум. А в начале 1892 года не только врачам, но и всем домашним стало ясно, что смерть уже стоит на пороге. Сохранилась запись, сделанная в эти дни Государственным секретарем А. А. Половцовым:

> Когда умирал великий князь Константин Николаевич, то во время агонии великая княгиня Александра Иосифовна приказала пустить к нему прощаться с умирающим всех многочисленных слуг великого князя. Каждый из них подходил к нему и целовал его, причем умиравший выказывал насколько

мог неприятное чувство, производимое этим беспокойством. Графиня Комаровская, гофмейстерина великой княгини, попробовала уговорить ее отменить это мучение, но великая княгиня отвечала: «C'est une repapation» («Это возмещение за прежнее»).

…В те минуты, когда душа Константина Николаевича покидала в Павловском дворце его бренное тело, старенькая няня Варвара Михайловна, вынянчившая всех великокняжеских детей, которую в семье называли любовно Вава, находилась в одной из комнат Мраморного дворца. Вдруг в ночной тишине она услышала, как громко хлопнула дверь ворот. Тяжело вздохнув, Вава сказала: «Это хозяин покинул свой дом…»

И оказалась права.

Константин Константинович в первые дни после смерти отца, хоть и стыдно ему было признаться в этом, чувствовал облегчение. Уж очень долго и тяжело болел Константин Николаевич. Но прошло некоторое время, и душу сына – чистую и возвышенную, охватило раскаяние. Хотелось попросить у отца прощения, но – поздно. Остались лишь письма, которые стали отныне неким утешением. И он то и дело перечитывает их – сквозь пелену непрошенных слез:

> …Я встретил столько самых нежных, задушевных, ласковых выражений, что мне стало стыдно за ту холодность, в которой я всегда упрекал себя по отношению к папа.

А в конце года, 21 ноября, умер любимый литературный наставник Константина Константиновича – Афанасий Афанасьевич Фет. За девять дней до кончины он прислал великому князю последнее письмо. Оно оказалось «счетом сто восемнадцатое»…

И все же, какие бы испытания ни выпадали в то время на долю великого князя, судьба дает ему все новые возможности, открывает широкие горизонты. Ведь ему всего тридцать четыре года, и у него много жизненных сил и творческих замыслов. Но он прекрасно понимает, что среди всех своих многочисленных и разнообразных занятий у него есть главное предназначение. Это, конечно же, поэзия. В первый же день нового, 1892 года, он, размышляя о своем месте в мире, пишет:

> Как ни ответственны занимаемые мною должности президента Академии наук, командующего первым

> гвардейским полком и, пожалуй, еще попечителя Женских педагогических курсов, – призвание поэта для меня высшая и святейшая из обязанностей.

С тех пор как первые его стихи появились в печати, прошло уже десять лет. Имя К. Р. хорошо известно уже не только в великосветских гостиных, но и в среде интеллигенции, в армии. Но сам он не может довольствоваться лишь старыми заслугами и очень переживает, если случаются периоды творческого застоя. Правда, совсем недавно, в декабре 1891 года, он написал стихотворение «Будда», которое считает самым лучшим из своих поэтических опытов, «если не совершенным, то близким к совершенству»:

> Неподвижный, цепенея
> В созерцанье Божества,
> Над измученною плотью
> Духа ждет он торжества,
> Ждет безмолвия нирваны
> И забвения всего,
> В чем отрада человека
> И страдание его.

В целом же в 1892–1893 годы Константин Константинович пишет довольно мало стихов, почти все свое свободное время и творческие силы он отдает в это время литературным переводам. В одном из писем этого периода, адресованном поэту Я. Полонскому, он пишет:

> Способность сочинять стихи мною утрачена. Утешаюсь переводами… Этими работами занимаюсь я только урывками, и труды мои подвигаются очень медленно.

Здесь речь идет о переводе части драмы У. Шекспира «Король Генрих IV». Перевод же всей драмы, с предисловием, был опубликован несколько позже – в 1894 году, в мартовском номере журнала «Русское обозрение». В 1893 году великий князь заканчивает также перевод «Мессинской невесты» Ф. Шиллера, за который он взялся еще в 1881 году.

Затем К. Р. возвращается к начатому четыре года назад переводу «Гамлета» У. Шекспира. В целом этот огромный труд, «медленный и кропотливый», как говорил сам Константин Константинович, занял у него двенадцать лет – такой долгий срок

потребовался переводчику не столько для работы над текстом драмы, сколько над обширным, строго выверенным комментарием к ней.

Сохранилось авторитетное мнение выдающегося русского юриста и публициста А. Ф. Кони, который называл переводы великого князя из Гете, Шиллера и Шекспира «прекрасными», отмечая такое важнейшее его качество, как умение «соединять изящество стиха с почти подстрочной передачею оригинала».

…Переписка Константина Константиновича с деятелями русской культуры, искусства приоткрывает нам его душевный мир. В зрелые годы, как и в ранней юности, он не устает говорить о проблемах искусства, роли поэта в современном ему обществе. Он так и не забыл тяжелый разговор с отцом, который состоялся много лет назад в Венеции. Фактический запрет на занятия поэзией – для него тяжкий крест, невыполнимое условие. Даже сейчас, когда он стал известным поэтом, добился признания публики и критиков, ему нелегко вспоминать об этом.

Но времена изменились. Когда-то считалось позорным, недопустимым для представителя рода Романовых писать стихи. Теперь за это никого из аристократов не преследуют, но, как считает Константин Константинович, общество впало в другую крайность: «…слишком большое число непосвященных приступает к „священной жертве Аполлону“»…

Для него же самого поэзия и, шире, литература – смысл жизни. Она – его счастье и боль, и нет ничего удивительного в том, что ближайшее окружение великого князя составляют люди искусства, прежде всего литераторы.

С тех пор как не стало любимого А. Фета, Константин Константинович мечтает об издании двухтомника его «Лирических стихотворений». Зимой 1894 года вместе с критиком Н. Страховым он начинает готовить книгу к печати. Работает поистине самоотверженно. Если биографический очерк об А. Фете написал Н. Страхов, то К. Р. принимал непосредственное участие в редактировании и корректуре двухтомника. И вот наконец книга увидела свет. Важно подчеркнуть: в соответствии с замыслом самого автора. Константин Константинович имел полное основание написать Я. П. Полонскому:

> Мы всю зиму работали над этими двумя книжками… План издания был составлен самим поэтом… т. е. им уже был изготовлен список всех стихотворений, который он намерен был напечатать в виде отдельной книги…. Таким образом, было исполнено как бы завещание

покойного. Его план был сохранен в главных чертах и только разработан.

Это письмо – одно из многих, которые Константин Константинович написал в тот год Я. П. Полонскому. Он словно старается отвлечь поэта, тяжело и долго болевшего, от мрачных мыслей. Навещает его, беседует – прежде всего, конечно же, о литературе. «Много доброго и прекрасного мы должны ждать от нашей словесности в будущем», – говорит он в одном из писем.

Прекрасен его оптимизм, вера в будущее русской литературы. И вера эта, заметим, родилась отнюдь не на пустом месте – великий князь Константин Константинович жил в эпоху «серебряного века», был его свидетелем, наблюдателем и творцом. Несмотря на то что большую часть времени он отдает службе в Преображенском полку, делам Академии наук, семье, родственникам, сердце его в «досужие минуты» безраздельно принадлежит поэзии. И он будет верен ей до последнего вздоха.

1894 год стал поворотным в российской истории. Именно с него начинается отсчет последнего царствования. Скончался император Александр III, и 21 октября в газетах был опубликован манифест о восшествии на престол нового монарха – Николая II. Теперь он уже не цесаревич, служивший под началом великого князя Константина Константиновича, а всероссийский самодержец, получивший неограниченную власть.

Семилетний Гаврилушка, не раз видевший, как Николай Александрович рапортовал его отцу, сказал ему, едва услышал новость: «Теперь, папа́, Ники уже не будет к тебе подскакивать, а ты будешь к нему подскакивать».

Возразить малышу было нечего. Устами младенца, как говорит народная мудрость, глаголет истина.

Мог ли ожидать Константин Константинович каких-либо выгод для себя в сложившейся ситуации? Теоретически – да, ведь более двух с половиной лет молодой император, в бытность свою наследником престола, служил под его началом, и у них всегда были прекрасные отношения. Следовательно… его ждет блестящая карьера?

Но реальная жизнь не всегда следует логике. Великий князь вовсе не был человеком, который громко, во весь голос заявляет о своих талантах и заслугах. Он был робок по натуре, скромен. А таких, как он, порой легко обходят более ловкие, предприимчивые люди, и именно им достаются высокие чины и прочие монаршие милости. Так случилось и на этот раз. Правда, нельзя сказать, что удача вовсе уж обошла Константина

Константиновича стороной: именно в 1894 году за отличие по службе он был произведен в генерал-майоры, награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

Впрочем, самому великому князю вполне довольно того, что он имеет. Не стремится он вовсе к высоким должностям! Если получит назначение – подчинится, а если нет – не беда, больше времени останется для любимых занятий. К тому же он мечтает отправиться в Италию, где не бывал уже много лет, вновь увидеть места, где собраны величайшие в мире художественные ценности.

Именно в этом – счастье, отдохновение души, неиссякаемый источник творчества. В один из осенних дней он записывает в дневнике:

> Мне так хочется окунуться в мир искусства и забыться среди художественной обстановки прошлых веков, умевших понимать и чувствовать красоту и воплощать ее в памятниках творчества. Теперь этого не умеют, и вот почему так отрадно на время отвернуться от нынешней жизни и дать отдохнуть душе; полюбуешься глазами, подышишь воздухом поэзии и наберешься сил для продолжения своих трудов и обязательных занятий.

Он прав – «воздух поэзии» совершенно необходим поэту для дальнейшего творчества. И он вдохнет его – полной грудью. Но только не сейчас, не сразу. Пока не отпускают дела, семейные обязанности. Поездка состоится в следующем году.

Глава тринадцатая
Сродни принцу датскому

Писать стихи великий князь мог только тогда, когда его посещало вдохновение. Но это случалось, по его же собственному признанию, нечасто, «всегда медленно и с большим трудом». Недаром, читая подготовленную к печати рукопись книги Г. Нелюбина о своем творчестве, в том месте, где автор пишет: «вдохновение иногда оставляет нашего поэта», Константин Константинович исправил слово «иногда» на «часто».

А вот в Италии, куда он наконец отправился в августе 1895 года, к нему вернулась лирическая муза! Здесь К. Р. создает небольшой цикл, которому дает трогательное название «У моря в Генуе». В одном из стихотворений он размышляет о муках творчества, которые переживает рано или поздно каждый поэт:

О, слово немощное наше,
Как бедно ты! И тем бедней,
Чем божий мир пред нами краше
И чем мы чувствуем живей.

А в другом стихотворении он поет гимн морю – чудному источнику поэтического вдохновения:

Что за краса! Что за простор!
Нет, море, ты – невыразимо!
Плененный утопает взор
В лазури вод необозримой.

Гляжу – не нагляжусь… Твой вид
Захватывает дух невольно:
Душа и рвется, и горит,
Ей как-то сладостно и больно…

В Италии великий князь пробыл два месяца и домой вернулся осенью, в октябре. Впереди, казалось, его ждет только хорошее.

С первых же дней царствования Николая II стало ясно, что Константину Константиновичу не нашлось места в ближайшем его окружении. Но теплые, родственные отношения сохранились, и двоюродные дядя и племянник продолжали встречаться, хотя и

не так часто, как раньше. Бывало, молодой император с императрицей приезжали даже в гости к великому князю в Мраморный дворец. Одно из таких посещений состоялось 9 декабря 1894 года:

> Царь с молодой царицей приехали и стали чай пить… Они пробыли у нас час с четвертью, ходили по всем комнатам, были в детской у младенцев и обласкали нас. Совсем как по-старому. Что в нем за скромность, за простота, за смирение!
>
> …Это русский царь, повелитель ста двадцати миллионов… Он как будто не отдает себе отчета в своем могуществе.

Осенью 1895 года Константин Константинович отмечает, что страна вступила во второй год царствования Николая II, а он ничего не изменил в государственном управлении. Это, несомненно, добрый знак, исполнение предначертаний его отца – императора Александра III. В некотором смысле Константин Константинович прав. Со времен царя Алексея Михайловича это правление было первым, которое началось без резких перемен во внутренней и внешней политике, в высших эшелонах власти.

И продолжалась эта идиллия вплоть до весны следующего, 1896 года…

27 апреля великий князь выехал в Москву, чтобы принять участие в коронационных торжествах. В Первопрестольной собралась почти вся императорская семья, «со всех сторон света прибывают иностранные принцы». А Константин Константинович вместе с женой едет на Николаевский вокзал встретить старших сыновей – Иоанчика и Гаврилушку. Они «выписали» мальчиков из Стрельны, чтобы те увидели великий праздник. «Заехали с ними к Иверской и въехали в Кремль Спасскими воротами». Салют, колокольный звон, многочисленные придворные, дипломаты, толпы простого народа… Великий князь волнуется, он понимает, что на следующий день произойдет «нечто необыкновенное, важное, полное глубокого значения».

На 14 мая в кремлевском Успенском соборе назначена коронация. Пройти она должна по старинному обычаю. Великий князь уже с утра на Красном крыльце. Вот загудел колокол Ивана Великого, раздался салют, на небе – ни облачка, и солнце залило яркими лучами соборную площадь, «высоко под самыми голубыми небесами с пронзительными криками реяли ласточки».

Войска построились, зрители занимали свои места на трибунах. Шествие, возглавляемое вдовствующей императрицей Марией Федоровной, торжественно двинулось к собору,

сопровождаемое многочисленными криками «ура». Внутри же храма, справа от трона, выстроились в парадном облачении великие княгини и принцессы. Слева, лицом к алтарю, стояли великие князья. «Крики на площади возвестили нам шествие их величеств». Духовенство вышло встречать речами и «почтить их каждением фимиама и кроплением святой воды». Придворные несли скипетр, державу, большую корону. И вот наконец в собор вошли их величества, поклонились местным иконам. Император, как отмечает в дневнике Константин Константинович, был сосредоточен, на лице у него – молитвенное выражение, а во всем облике сказывалось величие. Александра Федоровна – воплощение «кротости и доброты». А императрица-мать словно помолодела, по наблюдению великого князя, она выглядела ничуть не старше, чем тринадцать лет назад, в день своего коронования. Или ему просто хотелось видеть ее такой молодой?

В наступившей тишине было слышно, как государь прочитал «Символ веры». Вот великие князья Владимир и Михаил помогли ему надеть порфиру, «при этом разорвалась его большая бриллиантовая Андреевская цепь». Константин Константинович никак не комментирует этот неприятный инцидент, но, читая эти слова, невольно задумываешься: не был ли разрыв драгоценной цепи зловещим предзнаменованием будущей трагической судьбы Николая II и его семьи?

Великий князь так взволнован в эти минуты, что почти не слышит слов, сказанных митрополитом Палладием. С трудом различает он и слова молитвы, которую читает, стоя на коленях, император. «Только когда все опустились на колени, а государь один стоял во весь рост, я мог на него налюбоваться…»

Величие всего происходившего в соборе произвело на великого князя Константина Константиновича «неописуемое впечатление». Богослужение от начала коронования до конца литургии продолжалось два с половиной часа, но время для него словно остановилось. Натура поэтическая, впечатлительная, он был преисполнен восторгом, увидев редкое по красоте и роскоши зрелище, услышав дивное пение и трогающее до глубины души молитвословие. Особенно великому князю было приятно, что государь в этот торжественный день был облачен в мундир родного Преображенского полка.

Вечером великий князь вместе с женой Елизаветой Маврикиевной повез детей полюбоваться иллюминацией. Выехав из Кремля через Боровицкие ворота, они целый час кружили по Волхонке и Ленивке; а переехав через Каменный мост, гуляли по другой стороне Москвы-реки. Потом, вернувшись через Москворецкий мост на Красную площадь, въехали в Кремль через

Никольские ворота. Повсюду – громадные толпы народа. Двигались с трудом, чтобы никого не задеть. Но люди узнавали членов великокняжеской семьи, встречали их радостными улыбками, приветствовали оглушительным «ура». Кругом – волшебная иллюминация, море огней, народное ликование, которому, казалось, не будет конца…

День за днем император принимал поздравления и подношения. «Подносили без счета дорогие блюда с хлебом-солью, ими заставили в Андреевском зале несколько больших столов. Что за непроизводительный расход! Сколько можно было бы сделать добра на эти деньги!» Но это далеко не все… В один из дней Николаю Александровичу было поднесено 192 блюда с солонками. Особенно привлекательным оказалось то, что подарили государю представители московского купечества. Оно было выполнено по рисунку замечательного русского художника Виктора Васнецова, изобразившего Георгия Победоносца, поражающего дракона.

Правда, получая дорогие подарки от подданных, император тоже не скупился: на Ходынском поле от государева имени было выставлено знатное угощение для всех желающих. И вот 18 мая Константин Константинович, который жил в эти дни вместе с семьей в Потешном дворце Кремля, услышал страшную весть:

> …ранним утром, когда на Ходынском поле, где в 2 ч должен был начаться народный праздник, раздавали народу от имени государя кружки и посуду (кружек было заготовлено полмиллиона), произошла страшная давка и оказалось 300 человек задавленных до смерти.

Уже через несколько часов выяснилось: погибло около полутора тысяч человек.

Что чувствовал, узнав об этой трагедии, самодержец? Трудно сказать, в душу человеку не заглянешь. Но внешне, по крайней мере, он оставался спокойным. В Петровском дворце Николай Александрович пил чай вместе со съехавшимися на коронацию из губерний волостными начальниками и старшинами. А вечером он отправился… на бал к французскому послу. Правда, великий князь услышал от С. Ю. Витте, что из Государственного казначейства отпускается 300 000 рублей в помощь семьям пострадавших на народном празднике. Но… спокойно пить чай в такие минуты?

Константин Константинович потрясен равнодушием Николая II. Он растерян, удивлен, не может понять причины его бездушия. Пытается найти понимание у своего любимого с детства кузена – великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора

Москвы. Но он, так же как и его братья Владимир и Павел Александровичи, убеждает Константина Константиновича в том, что коронация – такое важное для страны событие, что торжества нельзя отменить ни при каких обстоятельствах. Даже гибель полутора тысяч людей не может этому помешать…

Как же горько разочаровываться в людях, особенно когда любишь их долгие годы! 19 мая великий князь с горечью отмечает в дневнике:

> Казалось бы, следовало бы Сергею отменить бал у себя, назначенный на завтра, но этого не будет. Казалось бы, узнав о несчастье, он должен бы был сейчас же поехать на место происшествия – этого не было. Я его люблю, и мне больно за него.

Бередит душу и черствость самого императора. Он собирается погостить в подмосковном имении Сергея Александровича – Ильинском. Нужно его остановить, ведь так нельзя поступать! Не по-божески это и не по-человечески… Константин Константинович посылает Николаю записку, в которой просит его не уезжать из Москвы, остаться на панихиду по жертвам Ходынской катастрофы, которая намечена на 26 мая:

> Милый, дорогой Ники, день твоего отъезда из Москвы, после трех недель торжества и восторга, совпадает с 9-м днем по кончине погибших на Ходынском поле. Как было бы умилительно и трогательно, если б ты приказал отслужить по них панихиду в своем присутствии. Какое бы это произвело умиротворяющее впечатление!.. Горячо тебя любящий Костя.

Но ответа на свой призыв он так и не получил. Вместо этого государев ездовой передает великому князю царский подарок – «пару пуговок с бриллиантовыми коронами по красной эмали; в футляре была вложена бумажка с надписью карандашом: „От Аликс и Ники 21 мая 1896“. Я узнал почерк государя…»

Получить подарок было, конечно, приятно. Но забыть равнодушие «дорогого Ники» к Ходынской катастрофе и ее жертвам, к судьбе семей погибших великий князь так и не смог. Через несколько месяцев встретился как-то в театре со своим родственником – великим князем Сергеем Михайловичем. Речь зашла о следствии по поводу Ходынской катастрофы. Невольно в разговоре упомянули и государя.

> Сергей говорит, что хорошо его изучил, когда он еще был наследником. И очень его любит. Его нерешительность и недостаток твердости С. приписывает воспитанию; он подтвердил мое мнение: никто, собственно говоря, не имеет на Ники постоянного влияния, но, к несчастью, он подчиняется последнему высказанному ему взгляду. Это свойство соглашаться с последним услышанным мнением, вероятно, будет усиливаться с годами.
>
> Как больно, и страшно, и опасно!

Вот так в до сих пор безоблачных отношениях великого князя и Николая II наметился душевный разлад…

Все это время Константин Константинович продолжал работу над переводом «Гамлета». Делать это в спокойной обстановке, за письменным столом, ему удается не всегда. Поэтому К. Р. выработал свой метод, который его не подводит. Он запоминает наизусть несколько строк, а потом переводит их «в уме где придется, на ходу, в свободную минуту». Иногда переводит ночью, когда не спится.

Время для столь желанного занятия великий князь старается найти даже во время лагерных сборов. Вот как он описывает сам процесс и его организацию в одном из писем к Я. П. Полонскому:

> Я совсем зарылся в перевод Гамлета… Работаю и в лагере, и здесь, когда по субботам, воскресениям и праздникам бываю в Павловске. Для этого таскаю за собой целый обоз необходимых книг: английский словарь, специальный лексикон для Шекспира, два немецких перевода и два русских прозаических. Это большой труд, иногда утомительный, но всегда доставляющий наслаждение.

Конечно, переводить Шекспира очень трудно. В этом убедился не только К. Р., но и его предшественники. Впервые «Гамлет» появился на столичной сцене в 1811 году. Вольный пересказ трагедии был сделан Степаном Висковатовым. Но в этой работе терялся гений Шекспира, и зрители не могли в полной мере насладиться великим творением автора. Впрочем, раньше приходилось довольствоваться французским переводом, что было еще хуже. Конечно, можно прочитать повесть о принце датском и в подлиннике, но английский, вернее староанглийский, язык в России знали в ту пору немногие.

Первый достойный перевод трагедии на русский язык был

сделан в 1827 году Михаилом Вронченко. Константин Константинович отдавал должное этой работе, но не мог не отметить, что переводчик не сумел передать дух Средневековья, а стремление перевести дословно привело к ошибкам в русском языке. Через десять лет появился перевод Николая Полевого, выполненный им для сцены. В этой работе, по мнению великого князя, уже чувствовался дух трагедии. Прошло еще несколько лет, и вот на свет появилась книга «Шекспир, переведенный прозою с английского Н. Кетчером». Это добросовестный труд, своей близостью к подлиннику, как отмечал Константин Константинович, «представляющий прекрасное пособие для изучения Шекспира, но лишенный поэтических и художественных достоинств».

Несомненно, великое творение Шекспира привлекало многих отечественных переводчиков. До выхода в свет работы, сделанной великим князем, в России было издано еще девять переводов «Гамлета». Таким образом, он стал четырнадцатым по счету, кто взялся в России за столь титанический труд. Вот как он объяснил свое намерение:

> Свою работу мы предприняли не с целью перещеголять других переводчиков, а только по непреодолимому влечению передать по мере сил бессмертное творение Шекспира.

Интересен такой факт: любимый литературный наставник Константина Константиновича, замечательный русский поэт Афанасий Фет, тоже когда-то переводил произведения Шекспира, в частности трагедии «Антоний и Клеопатра» и «Юлий Цезарь». А вот с «Гамлетом» он справиться не смог! Буквально с самого начала английские строки «не вмещались» у него в русский текст и продолжали жить своей, независимой жизнью. Что же тут сделаешь? Пришлось Фету, несмотря на разочарование, отказаться от своего замысла. А вот К. Р. оказался более настойчивым, а возможно, просто более талантливым литературным переводчиком, чем его старший друг.

Принимаясь за работу, он использовал прежде всего американское издание Фернесса. «Подручными» оказались немецкие переводы Шлегеля и Боденштедта, французские – Франсуа Гюго и Рейнаха и, наконец, русские – Кетчера и Каншина. Кстати, два последних были сделаны в прозе. К. Р. объясняет, что намеренно не обращался к русским переводам в стихах, «дабы невольно не подчиниться их влиянию».

В начале октября 1897 года перевод «Гамлета» был закончен. Утром 6 октября К. Р. записал в дневнике:

> Вчера Гамлет у меня умер. Как трудны его последние слова! Эти дни я живу переводом, и он меня поглощает. На днях под его впечатлением я перепугал жену, сказав ей: «Королева умерла!» Я разумел мать Гамлета.

Но это было еще далеко не все. Кроме перевода текста трагедии Константин Константинович решил дать к нему обширные комментарии. А для этого он начинает тщательно изучать «историю возникновения текста „Гамлета“, очень темную и сложную». Чем внимательнее он вчитывается в текст, тем больше возникает вопросов. Его интересуют мельчайшие детали, в том числе и то, как проходили первые постановки в Европе, какие костюмы были на актерах, декорации на сцене. Разгадку, видимо, можно найти в описаниях постановок театра «Глобус», в которых принимал как актер участие и молодой Шекспир. Но для этого необходимо найти многие материалы и читать, читать…

В результате титанического труда, проделанного великим князем, появилось фундаментальное двухтомное приложение к переводу трагедии «Гамлет» – уникальное в российском шекспироведении. Эта огромная исследовательская работа включает в себя построчный комментарий. Примечания охватывают обширный материал, они дают возможность заинтересованному читателю получить детальную информацию из ряда наук – филологии, истории, ботаники, психиатрии, даже астрономии.

Очень интересны разыскания Константина Константиновича об источниках шекспировской трагедии, истории текста «Гамлета» в разных переводах. В двухтомном приложении к трагедии приводятся также сведения о работах критиков, посвященных ей, о разных сценических постановках и об исполнении роли Гамлета выдающимися актерами: английским трагиком Гарриком, корифеями русской сцены П. Мочаловым, М. Щепкиным, В. Каратыгиным, даже великой Сарой Бернар. Здесь же приводится рассказ о костюме принца датского, обзор «Гамлет в музыке».

Работая над переводом трагедии, Константин Константинович постоянно с волнением думал о том, что «Шекспир куда сильнее». Успокаивал же он себя тем, что «законы стихосложения слишком глубоко внедрились… в душу». И все-таки работа идет трудно, хотя и занимается он ею очень охотно. Об этом признается в письме Я. П. Полонскому от 27 мая 1894 года: «Вчера я справился с примечаниями к двум первым сценам

„Гамлета“ и приступил к переводу третьей. Ах, как это трудно!»

Когда же многолетняя работа, ставшая в последние годы главным литературным трудом К. Р., была закончена, он пишет сонет, посвящая перевод «Гамлета» «покойному Саше» – императору Александру III.

Как сладкую мечту, о Незабвенный,
В душе таил надежду *твой* поэт:
Перед Тобой повергнуть труд смиренный,
Желанный плод усилий долгих лет.
Ты повелел, чтоб «Гамлет» несравненный
На речи русской вновь увидел свет; —
Но перевод, Тобою вдохновленный,
Созрел – увы! – когда тебя уж нет.
С тобою мы разлучены могилой,
Но верится: и в небе будет мило,
Что на земле свершилося в любви.
Любовь Твое исполнила веленье…
Прими ж, о, Царь, поэта посвященье
И труд его с небес благослови!

…Слухи о том, что великий князь Константин Константинович работает над переводом «Гамлета», давно уже ходили по столице. Говорили об этом и в великосветских гостиных, и в среде демократически настроенной интеллигенции. Интерес у читающей публики был очень большой. Но первое издание «Гамлета» в переводе К. Р. было опубликовано лишь через три года после окончания огромной работы – в 1901 году. Сначала на суд зрителей был представлен сценический вариант шекспировской трагедии на русском языке.

Впервые «Трагедия о Гамлете, принце Датском» в переводе К. Р. была поставлена 17 января 1897 года офицерами Измайловского полка и приглашенными артистами в полковом зале офицерского собрания в рамках «Измайловских досугов». Режиссером спектакля стал известный драматический актер В. Н. Давыдов. Роль принца датского исполнял автор перевода.

Зрители, как и большинство критиков, по достоинству оценили как литературное совершенство перевода, так и исполнительское мастерство великого князя. Сам же он больше всего волновался о том, как справится с ролью. Не просто безупречно выучил текст, но и постоянно размышлял над образом своего героя, добросовестно посещал репетиции, внимательно прислушивался ко всем замечаниям режиссера, даже брал уроки фехтования, попросив тренера обучить его этому искусству в

средневековом духе. Вот как он описывает свое состояние во время спектакля:

> Стоя за кулисами и ожидая своей очереди выйти на сцену, я умирал от волнения, крестился и молился Богу. Грешно ли это? – не думаю: в драматическом, как и во всяком, искусстве есть Божия искра. А играть хочется не из пустого тщеславия, а любя искусство. И вот я вышел. Первые слова и извлечение меча, кажется, удались; но тем не менее я чувствовал, что у меня даже ноги дрожат от волнения. Впрочем, это скоро прошло, и я вполне овладел собой…

Старания начинающего актера не пропали даром. Газеты писали о том, что великий князь блестяще справился с ролью Гамлета. А сам исполнитель от радости игры на сценических подмостках и похвал зрителей и критиков находился «в чаду приятных волнений».

Спустя месяц некоторые сцены «Гамлета» были поставлены на сцене домашнего театра в Мраморном дворце. На спектакле присутствовали несколько членов императорской фамилии, в том числе вдовствующая императрица Мария Федоровна. Успех постановки оказался настолько велик, что спектакль решили показать еще два раза. На последнем представлении присутствовал Николай II, которому очень понравилась игра двоюродного дяди. Выразив Константину Константиновичу свое восхищение, он предложил поставить «Гамлет» на сцене Императорского Эрмитажного театра. Вскоре труппа начала репетировать спектакль на этой сцене.

Константин Константинович признавался, что «жил от репетиции до репетиции, в промежутки считая дни, остающиеся до следующей». И тут же с волнением восклицал: «Что же со мною будет, когда кончатся представления „Гамлета“»?

Кто перевешивает в его душе в эти дни: актер или переводчик, литератор? Трудно сказать. Он волнуется, как воспримут читатели его перевод, но волнуется меньше, чем за исполнение роли. Трагедия уже готовится к печати, «типография работает хорошо, но невозможно медленно».

Но вот отложена в сторону корректура, и он опять чувствует себя актером. По собственному признанию, только роль Гамлета может теперь расшевелить его: «даже стыдно признаться: во глубине души я считаю исполнение этой роли своим любимым и главным делом – все остальные перед ним бледнеют».

Перед представлением в Эрмитажном театре великий князь

посещает монастырь, чтобы приложиться к чудотворной иконе Спасителя, «вымаливать удачи и скромности, чтобы к хорошему исполнению роли не примешивалось тщеславие и суелюбие». Так ему спокойнее на душе, *вера* всегда помогает.

…Премьера состоялась 17 февраля 1900 года. На ней присутствовали почти все члены императорской фамилии, многие министры, представители высшего света. Интерес к постановке – огромный! И в этот день зала, к огромному удовольствию Константина Константиновича, «была полна зрителей…» Успех небывалый!

И все же каждый раз, выходя на сцену в роли Гамлета, великий князь очень волновался. Его не оставляет чувство страха и неуверенности. Как отнесутся к его переводу филологи? А как воспримут игру артисты? Очень важной оказалась для Константина Константиновича встреча на одном торжественном ужине с историком литературы академиком Н. А. Котляревским. Услышав от него слова одобрения после посещения ученым одного из спектаклей, К. Р. записал в дневнике:

> …Он сказал, что я одержал двойную победу: одолел текст Шекспира – что не есть, по его словам, забава и развлечение, а тяжелый и подчас мучительный труд; а во-вторых, справился с передачей роли Гамлета на сцене.

…Настало время, когда спектакль стал доступен и широкой публике. 30 ноября 1900 года первый спектакль прошел на сцене императорского Александринского театра. Похвалами откликнулись многие критики: практически все отмечали достоверность изображаемой эпохи, прекрасный, близкий к подлиннику перевод и, конечно, тонкое исполнительское искусство актеров. Константин Константинович с удовлетворением отмечает в своем дневнике: «Триумф полный».

И все же он так и не научился выходить на сцену в роли Гамлета без волнения. Спустя почти четыре года после премьеры трагедии на сцене офицерского собрания Измайловского полка, 16 декабря 1900 года, записывает в дневнике:

> Роль Гамлета настолько сильно действует на мое воображение, несмотря на привычку к ней; невзирая ни на что, что я вот уже четвертую зиму ее играю, что, если задумаюсь о ней, лежа в кровати, сон бежит, и я долго не могу заснуть.

Известие о триумфальной постановке шекспировского

«Гамлета» в России дошло вскоре и до Европы. Не осталось секретом и то, что великий князь Константин Константинович буквально влюблен в образ принца датского. Чем не повод для того, чтобы провести некоторые исторические параллели?

В 1903 году в Берлине вышла в свет небольшая книжка «Константин Константинович, принц русский. Драматическая шутка с волшебными превращениями. В 2-х действиях». В предисловии к ней говорилось, в частности, о вольнолюбии «принца русского» – черте характера, которую он унаследовал от своего отца. Ссылаясь на английские газеты, авторы статьи уверяли, что некоторым министрам, к которым Константин Константинович находился в оппозиции, удалось убедить Николая II в неблагонадежности великого князя. После резкого объяснения с царем либеральный великий князь якобы сошел с ума, вообразив себя Гамлетом.

Константин Константинович был не первым в императорском семействе, кого – в шутку или всерьез – сравнивали с принцем датским. «Русским Гамлетом» называли когда-то наследника российского престола Павла Петровича, ставшего впоследствии императором Павлом I. Его отец, как и у шекспировского героя, был убит заговорщиками, а сами они заняли высокие придворные должности, когда к власти пришла его вдова. Это сравнение было широко известно в Европе. Как-то раз цесаревич прибыл с визитом в Вену, и в один из дней должен был посетить придворный театр. Планировалась постановка «Гамлета». Приготовления шли полным ходом, как вдруг, буквально перед началом спектакля, актеру Брокману пришла в голову ужасная мысль о нежелательных аналогиях между героем трагедии и августейшим гостем. Об опасениях актера доложили императору Иосифу II, и спектакль вовремя отменили. В благодарность за своевременную подсказку он послал Брокману щедрый подарок – пятьдесят дукатов.

Судьба императора Павла I действительно трагически повторяла участь шекспировского литературного героя. А чем же напоминал Гамлета великий князь Константин Константинович? Многие представители высшего света, знавшие его, считали – замкнутым характером, добровольным отчуждением от жизни, которая казалась столь естественной представителям русской аристократии. Сам же великий князь полагал, что чем-то похож не только на принца датского, но и на своего прадеда Павла I. В 1895 году, 17 января, он сделал любопытную запись в дневнике:

Иногда мне случается находить некоторое сходство

между собой и Павлом Петровичем в его далекие годы. В записках его воспитателя Порошина говорится, что у Павла была какая-то странная нервная торопливость. Такую торопливость я и за собой замечаю. Чтобы успеть сделать побольше в короткое время, я с утра начинаю спешить. И это часто в ущерб делу, только бы справиться, а как – это нередко мне безразлично.

И все же черты характера, похожие переживания, устремления – материя очень тонкая, почти неуловимая. С уверенностью можно утверждать лишь одно: душа каждого из них – принца датского, Павла I и великого князя Константина Константиновича, была благородной и возвышенной.

В течение нескольких лет спектакли по шекспировской трагедии «Гамлет» в переводе К. Р. собирали в разных театрах полные залы зрителей. А исполнитель главной роли, как и перед премьерой, не спал по ночам, волновался перед каждым новым выходом на сцену. Кажется: почему? Ведь выверен каждый жест, хорошо выучена роль, отточена каждая мизансцена. И все же, все же… Волнение хорошо знакомо натурам творческим, тем, кто всегда предъявляет к себе очень высокие требования.

Таков и наш актер. Его беспокойство о полюбившейся роли вполне понятно и объяснимо. Но совершенно иной ход размышлений у президента Императорской академии наук. Он, великий князь Константин Константинович, находится на излете XIX века уже во власти совершенно другой стихии.

Глава четырнадцатая
Под сенью Пушкина

С раннего детства великий князь был покорен поэзией Александра Сергеевича Пушкина, многие его стихи знал наизусть. В этом смысле он ничуть не отличался от своих родственников – Пушкин был любимым поэтом в императорской семье. Об этом говорит, кстати, такой любопытный факт: Николай II, по его собственному признанию, назвал двух старших дочерей в честь Ольги и Татьяны Лариных – героинь романа «Евгений Онегин».

Пушкин занимал в сердце Константина Константиновича особое место, всю жизнь был властителем его дум. И все же великого князя порой угнетала мысль: почему представители высшей власти, восторгаясь творчеством гениального поэта, не проявляют к нему должного уважения как к человеку? Еще 28 января 1887 года, накануне полувековой годовщины со дня смерти гениального поэта, он с горечью записывает в дневнике:

> В четверг, т. е. завтра, опять бал в Концертном зале, несмотря на 50-летнюю годовщину смерти Пушкина. Мне как-то обидно, больно и стыдно, что при дворе будут плясать, тогда как вся Россия ожидает этого дня как чего-то особенного.

Именно в те дни ему приходит в голову мысль выпустить роскошное иллюстрированное издание произведений Пушкина и его биографии. Но сначала необходимо прочесть все произведения поэта – «от доски до доски». Именно таким образом познакомился с его творчеством сослуживец великого князя – поручик Теплов. И Константину Константиновичу, когда он узнал об этом, «стало совестно», что он этого еще не сделал.

С воодушевлением великий князь принимается за самообразование. Взяв восьмое издание собрания сочинений поэта, вышедшее в свет в 1882 году, он, том за томом, изучает творчество Пушкина, его биографию, переписку. Поэтому неудивительно, что, когда великий князь был назначен президентом Императорской академии наук, одной из первых и главнейших его забот стало издание академического собрания сочинений А. С. Пушкина. Подготовить его к печати он поручает группе ученых во главе с академиком А. Н. Майковым.

Предстоящей фундаментальной научной работе посвящено

одно из заседаний Отделения русского языка и словесности Академии наук. Среди многих вопросов президент затронул и весьма щекотливый: как поступить со стихотворениями непристойного содержания? После продолжительной дискуссии было решено такие стихи вместе с неоконченными и не предназначенными Пушкиным к печати произведениями поместить в особый том, но не пускать его в продажу.

Константин Константинович был большим любителем искусства, завзятым коллекционером художественных ценностей. Многие годы он приобретал живописные полотна, наброски и рисунки, рукописные документы – прежде всего те, которые имели отношение к русской литературе и истории. Среди главных ценностей его архива, переданного, согласно духовному завещанию великого князя, в 1912 году в императорскую Академию наук, есть и автограф А. С. Пушкина.

Благодаря искреннему стремлению служить русской науке, культуре, искусству, К. Р. пользовался высоким авторитетом в глазах просвещенной части тогдашнего русского общества. Недаром известный государственный деятель Сергей Юльевич Витте в своих «Воспоминаниях» так отозвался о нашем герое: «тот самый почтенный, благородный, в полном смысле „великий князь“ Константин Константинович».

Именно высокий авторитет не раз становился причиной вознаграждения великого князя. Многие люди доверяли ему свои фамильные ценности, которые не отважились бы отдать никому другому. Так произошло и в начале декабря 1892 года. Ольга Владимировна Демидова преподнесла ему в дар перстень с изумрудом, который вдова Пушкина, Наталья Гончарова, подарила когда-то ее отцу – создателю «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Далю. Владимир Иванович «присутствовал при кончине Пушкина; только что он умер, вдова сняла с руки покойника золотой перстень с квадратным изумрудом и подарила его Далю на память. Даль носил всю жизнь этот перстень…» – так рассказывал Константин Константинович историю этой реликвии.

Он хранил этот перстень до конца своих дней. Лишь после смерти великого князя, в 1915 году, перстень поступил, согласно завещанию, в Пушкинский дом. В настоящее время эта бесценная реликвия находится во Всероссийском музее А. С. Пушкина.

Через несколько лет, в 1899 году, Константин Константинович получил еще один прекрасный дар, связанный с именем великого русского поэта. Дочь поэта-слепца Ивана Ивановича Козлова, Александра Ивановна, находившаяся уже в

преклонном возрасте, передала великому князю написанный на четверти листа автограф стихотворения А. С. Пушкина «Певец, когда перед тобою…», полученный И. Козловым в ответ на поэму «Чернец», посланную им великому поэту.

…Мысли о Пушкине никогда не оставляли Константина Константиновича. В 1895 году он, как президент Императорской академии наук, уделяет большое внимание подготовке к печати словаря изящной словесности. 21 января на заседании Отделения русского языка и словесности было принято решение для продолжения академического словаря предварительно приступить к составлению словарей «к Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Тургеневу и Гончарову».

Предложение это, поступившее от адъюнкта Шахматова, оказалось как нельзя кстати! Ведь оно полностью совпадало с замыслами великого князя: еще год назад он самостоятельно принялся за создание словаря романа «Евгений Онегин» и, более того, составил к нему словник – по всем правилам словарной работы.

…Постепенно приближался 1899 год – столетний юбилей великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Мысль об этом празднике, как всенародном торжестве, давно уже не оставляла августейшего президента Академии наук.

В сентябре, встретившись в поезде, который следовал из столицы в Царское Село, с обер-прокурором Святейшего синода К. П. Победоносцевым, Константин Константинович с увлечением стал рассказывать ему о своем намерении учредить при Академии наук комитет для подготовки пушкинского праздника. Он надеялся, что церковь примет в этом благородном деле самое деятельное участие. Но Победоносцев вовсе не спешил поддержать великого князя, напротив, он насторожился: поэт погиб на дуэли, и упоминать о нем в проповеди нехорошо.

И все же у Константина Константиновича были все основания для радости – его начинанию сочувствовал сам император! В 1898 году Николай II утвердил под эгидой Академии наук Комиссию по чествованию столетия со дня рождения А. С. Пушкина. В ее состав вошли представители ряда министерств, видные деятели науки, литературы и искусства. А председателем этой комиссии стал августейший президент. Члены комиссии выработали программу подготовки и проведения торжеств, которая также была одобрена царем. Согласно этому документу, столетний юбилей А. С. Пушкина должен был быть ознаменован с особым торжеством и небывалым до сих пор в России размахом. Об этом красноречиво говорит тот факт, что к празднованию

планировалось привлечь все учебные заведения всех ведомств Российской империи.

И работа закипела! Решено было не только создать фонд «Пушкинская копейка» в пользу школ по всей стране, выпустить для широких народных масс дешевые издания произведений А. С. Пушкина, провести в обеих российских столицах циклы лекций, «чтений для народа» о жизни и деятельности великого поэта, но и организовать в дни славного юбилея гулянья, а также просить Святейший синод разрешить совершение в день пушкинского юбилея заупокойных богослужений во всех российских храмах.

Правда, всесильный Победоносцев никак не хотел сдаваться. Его пригласили на заседание Пушкинской комиссии, намеченное на 20 ноября 1898 года. На нем обер-прокурор Священного синода безапелляционно заявил, что в России и так много празднеств, и вместо радости может выйти «тягота», особенно в провинции.

Константину Константиновичу пришлось идти на уступки правительству. Ведь в противном случае оно могло и вовсе отменить пушкинский юбилей. В итоге торжественные богослужения было разрешено провести лишь в Казанском соборе, в Конюшенной церкви, где отпевали поэта, и в церкви Александровского лицея.

И все же любовь народа к великому поэту сметала на своем пути, как вешние воды весной, многие препятствия. Чем ближе был юбилей, тем больше оказывалось побед. В декабре 1898 года президент Академии наук предлагает признать могилу Пушкина государственной собственностью. Ему кажется, что это вопрос чести и решить его необходимо незамедлительно. В итоге в Святогорском монастыре, где находится последний приют поэта, были проведены необходимые реставрационные работы, и могила Пушкина вместе с селом Михайловским, родовым имением Пушкиных, были приобретены государством с последующим предоставлением псковскому дворянству для устройства «какого-либо благотворительного учреждения, связанного с именем А. С. Пушкина».

В январе 1899 года состоялось очередное заседание Пушкинской комиссии, на котором присутствовал и министр финансов С. Ю. Витте. Он, к огромному удовольствию Константина Константиновича, предложил для увековечивания памяти поэта учредить при Академии наук особое Пушкинское отделение изящной словесности. На этом заседании рассматривался также вопрос о создании особого фонда имени А. С. Пушкина. Победоносцев, как замечает в дневнике великий князь, «на этот раз оказался гораздо сговорчивее».

В начале июня 1899 года, как раз к юбилею поэта, вышел в свет первый том академического издания произведений А. С. Пушкина, работа над которым началась под редакцией академика Л. Н. Майкова десять лет назад. В эти же дни был объявлен конкурс на создание проекта памятника поэту в столице. Для оценки будущих конкурсных проектов учредили специальную комиссию, состоявшую из известных архитекторов и скульпторов. Начался сбор средств по подписке – на сооружение памятника…

По инициативе президента Академии наук прошли и другие знаменательные акции, связанные с юбилеем поэта: были отчеканены серебряная и бронзовая медали – «для раздачи всем выпускным воспитанникам учебных заведений, удостаиваемых награждения в нынешнем году», вышло в свет массовым тиражом художественное издание книги «Песнь о вещем Олеге» с рисунками В. М. Васнецова, которая поступила в широкую продажу по цене один рубль за экземпляр; выпущен «для распространения в России» портрет А. С. Пушкина с гравюры Т. Райта тиражом сто тысяч экземпляров, сборник «Пушкин и его современники». Не забыл Константин Константинович и о дочери поэта – Марии Александровне Гартунг. Благодаря его хлопотам ей была значительно увеличена пенсия.

В начале 1899 года Академия наук объявила конкурс на сочинение кантаты в честь А. С. Пушкина, первое исполнение которой предполагалось во время юбилейных торжеств. Для оценки стихотворений, которые будут поступать на конкурс, создали специальную комиссию под председательством академика М. И. Сухомлинова. Одно из важных условий конкурса – все участники должны были представить свои произведения под девизами. Фамилию же можно указать на листке, вложенном в запечатанный конверт. Именно так сохранялась гарантия инкогнито.

Константину Константиновичу очень хочется принять участие в этом конкурсе, но он всячески сдерживает себя – по крайней мере до официального объявления о нем. Волнуется, что ничего из этой затеи у него не получится.

> Вечером, разувшись, ходил по темной столовой и выдавил из своего маловдохновенного мозга строк 12. А так бы хотелось написать хорошие слова…

Мучения продолжались несколько дней. Все – не то, К. Р. недоволен собою…

> Стихи не удавались, третий день бился над одной и

> той же строфой; обдумывал ее, идя по Екатерининскому каналу, Невскому и Казанской в курсы, и наконец справился… Вечером окончил вступительный хор Пушкинской кантаты.

Теперь нужно ее перепечатать на «ручной машинке». Это великий князь поручил сделать писцу Александру Коровину, который служил в конторе.

> …Я дал ему приписать девиз «душа поэта встрепенется, как пробудившийся орел», имя К. Р. вложил в особый конверт, снаружи которого должен был быть помещен тот же девиз, и поручил отнести все в академию к Дубровину. Коровина там не знают, так что тайна будет сохранена.

…На конкурс представлено сорок произведений. Заранее было объявлено, что музыку поручено написать известному композитору А. К. Глазунову. Но кто же удостоится чести стать победителем именно поэтического состязания? И вот наконец объявлено решение высокой комиссии: она единогласно остановила свой выбор на стихотворении под девизом «Душа поэта встрепенется, как пробудившийся орел». Автор – К. Р.

Сегодня трудно, конечно, оценить объективность выводов комиссии – творения остальных конкурсантов давно канули в вечность. Но факт остается фактом: лучшим было признано стихотворение именно великого князя. Впрочем, к чему сомнения? У нас есть документальное свидетельство того, как работали члены комиссии. Об этом написал 17 февраля 1899 года в дневнике сам великий князь:

> Вчерашний день один из счастливейших в моей жизни: в 2 ч в академии началось заседание Отделения русского языка и словесности, в которое были также приглашены… сенатор Кони и композиторы Римский-Корсаков и Глазунов. Из сорока сочинений, присланных на конкурс, комиссия после долгих прений остановилась на двух стихотворениях; из них одно более удовлетворяло потребности композитора, а другое имело преимущества в литературном отношении. Сначала решили вскрыть конверт с именем автора первого сочинения; это оказался некто неизвестный в литературе врач Давид Львович Мандерштейн… Но этим не удовлетворились и единогласно решили вскрыть и другой конверт, приложенный к стихотворению

литературно более совершенному, там оказалось имя К. Р. В это время я, нарочно не принимавший участия в заседании, ходил по академическим залам, где развешивались картины выставки Общества петербургских художников. М. И. Сухомлинов пришел сказать мне об одержанной мною победе. Я перекрестился. Мне везет удивительно! Я точно родился под счастливой звездой.

…В день столетнего юбилея Александра Сергеевича Пушкина, 6 июня 1899 года, состоялось публичное собрание Императорской академии наук в Санкт-Петербургской консерватории. В два часа дня зала уже ломилась от публики: сюда съехались великие князья и княгини, сановники, министры, великосветские дамы, люди разных сословий, военные, учащиеся. В глубине сцены, утопая в цветах, освещенный ярким электрическим лучом, стоял бюст Пушкина. Перед ним расположился придворный оркестр, все музыканты – в красных мундирах. На помосте, продолжавшем сцену и выступавшем в зал, был установлен длинный стол, крытый малинового цвета скатертью. За ним сидели в ряд академики, а в середине – августейший президент Академии наук.

Он открыл торжественное заседание чтением телеграммы от императора и указа об учреждении в Императорской академии наук Разряда изящной словесности и особого фонда имени Пушкина. На юбилейном торжестве выступил академик А. Н. Веселовский с речью «А. С. Пушкин – национальный поэт» и почетный член Академии наук А. Ф. Кони, сделавший доклад «Нравственные и общественные взгляды А. С. Пушкина». После выступлений великий князь Константин Константинович прочитал присутствующим на торжестве главнейшие адресы и телеграммы, полученные из разных краев: депешу от русской делегации на Конференции мира в Гааге, адрес Сербской академии, Веймарских соединенных литературных обществ, Чешской академии, телеграмму из Москвы от Общества любителей русской словесности, членом которого был Пушкин. А в завершение этого собрания хор русской оперы и придворный оркестр исполнили под управлением композитора А. К. Глазунова его кантату на слова К. Р.; они были напечатаны на отдельных листах и разложены по всем стульям в зале.

Мы многолюдною толпою
Сошлися здесь на торжество
Единодушною семьею
Сегодня чествовать того,

Кто в этот день веселый мая,
Тому назад уже сто лет,
Невинной прелестью пленяя,
Узрел впервые Божий свет.
У этой тихой колыбели
Кто угадать бы мог вперед,
К какой высокой славной цели
Судьба младенца поведет?..
Его уж нет, но дивных песен
Не позабыть сердцам людей,
Они звучат им все прелестней
И все их трогают живей…
Сколько радостных мгновений
Подал ты нам, поэт!
Сколько чистых наслаждений,
Сколько радужных видений
И какой небесный свет
Сладкозвучным роем песен
Пролил ты в сердца людей!
Как могуч, как бестелесен,
Как божественно чудесен
Мир поэзии твоей!
Вечно, славный без сравненья,
В сердце нашем ты живи!
И тебе мы в умиленье
Платим дань благодаренья,
Дань восторга и любви.

Императорский указ об учреждении в Академии наук Разряда изящной словесности и особого фонда имени Пушкина стал одним из главных событий пушкинского юбилея. Но ему предшествовала долгая, невидимая непосвященным работа: Константин Константинович то и дело – хоть и тактично, но настойчиво – напоминал царю о необходимости создания этих важных подразделений и в конце концов добился успеха.

До этого времени в составе академии существовало Отделение русского языка и словесности, которое преимущественно занималось изучением филологических вопросов. При этом никто из выдающихся представителей русской литературы членом его не был. Это-то и волновало чрезвычайно великого князя.

Правда, такая несправедливость в истории отечественной науки существовала не всегда. С 1783 по 1841 год наряду с Санкт-

Петербургской академией наук в нашей стране существовала и Российская академия. Ее членами по праву были выдающиеся деятели русской литературы Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, Г. Р. Державин, П. А. Вяземский, И. А. Крылов и, наконец, сам А. С. Пушкин. В 1841 году по указу императора Николая I Российская академия была преобразована в Отделение русского языка и словесности Санкт-Петербургской академии наук. Таким образом, создание в ее стенах Разряда изящной словесности, узаконенное по представлению президента Академии наук высочайшим указом Николая II, стало возрождением давней академической традиции, а если ставить вопрос шире – восстановлением исторической справедливости.

По замыслу великого князя Константина Константиновича вновь учрежденный разряд должен был составить одно целое с Отделением русского языка и словесности Академии наук. И вот теперь его штат, в соответствии с императорским указом, увеличивался на шесть новых должностей ординарных академиков. На образование же Пушкинского фонда, призванного способствовать изданию лучших произведений русских писателей, словарей русского языка и других трудов отделения, было решено ежегодно выделять из Государственного казначейства по 15 тысяч рублей.

Столетний юбилей А. С. Пушкина совпал с другой круглой датой – десятилетием со времени назначения великого князя Константина Константиновича президентом Императорской академии наук. На торжественном совещании, посвященном этому событию, выступил старейший академик К. С. Веселовский. Дав обзор деятельности академии за истекшее десятилетие, он с волнением подчеркнул:

> Тому, кому в свое время достанется счастливая доля писать историю академии, придется принять день 3 мая 1889 года за эпоху, с которой начат новый период существования академии – период ее наибольшего развития и процветания, период, в котором полнее, чем когда-либо прежде, выполнен завет Великого Петра, говорившего: «Академики должны приобрести нам в Европе доверие и честь, доказав на деле, что и у нас работают для науки».

…Казалось бы, Константин Константинович имел моральное право почивать на лаврах. Ведь благодаря его стараниям, настойчивости и так уже сделано очень многое, в том числе и по увековечиванию памяти А. С. Пушкина. Но не такой человек был великий князь, чтобы останавливаться на достигнутом. Он вновь

и вновь обращается к императору, просит его содействия, даже находясь в кругу семьи, не устает напоминать о том, что считает очень важным. 17 декабря по приглашению императорской четы он едет вместе с женой Елизаветой Маврикиевной на обед в Царское Село. Но отправляется туда Константин Константинович не с пустыми руками: «Очень кстати прислали мне начисто изготовленный Всеподданнейший доклад о расширении Отделения русского языка и словесности, который я и захватил с собою в Царское…»

И вот усилия великого князя вознаграждены. 23 декабря 1899 года в дополнение и развитие указа Николая II о создании Разряда изящной словесности издан еще один высочайший указ, в котором конкретизированы его задачи и права:

> Разряд изящной словесности составляют: 1) избираемые в действительные члены академии писатели-художники и ученые исследователи в области словесности; 2) почетные академики и корреспонденты Отделения русского языка и словесности по Разряду изящной словесности. В почетные академики и корреспонденты отделения избираются писатели-художники и литературные критики…

8 января 1900 года в Академии наук прошли первые выборы в почетные академики по Разряду изящной словесности, которых назвали «пушкинскими». В этот день ими стали Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, В. С. Соловьев, И. А. Бунин, А. Ф. Кони, В. В. Стасов и другие известные русские литераторы. Почетным академиком был избран и великий князь Константин Константинович.

Среди дневниковых записей великого князя, сделанных в тот период, есть и такая: «Председателем комитета по сооружению памятника Пушкину в Петербурге царь избрал меня». Нужно отдать должное Константину Константиновичу: он приложил немало сил, чтобы собрать средства для этой благородной цели. По его инициативе была объявлена всероссийская подписка, а для поощрения возможных активных жертвователей выпущен портрет поэта с надписью: «За пожертвования на памятник А. С. Пушкину». В целом ряде городов России активисты устраивали платные концерты, благотворительные вечера, лекции – собранные средства предполагалось употребить на сооружение монумента поэту.

Однако необходимую сумму так и не удалось собрать. И памятник поэту, о котором мечтал горячий почитатель его таланта, президент Императорской академии наук, так и не

украсил в те годы столицу. Но Константин Константинович от замысла своего не отступил. Только реализовать его решил несколько иначе.

Спустя несколько лет после столетнего юбилея поэта у великого князя родилась идея создания «Дома Пушкина». 22 сентября 1906 года на заседании Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину, возглавляемой Константином Константиновичем, был обсужден один из первых проектов «Положения» о будущем научном учреждении. В пункте I было сказано:

> Дом Пушкина учреждается в благоговейную память о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине, для собирания в нем всего того, что касается Пушкина как писателя, человека и гражданина…

В 1907 году императором Николаем II Положение о Пушкинском Доме было утверждено. После этого к комиссии перешли все заботы по сбору документов, связанных с жизнью и деятельностью поэта, его эпохой, получившей к тому времени название «пушкинской». Вот так, благодаря многолетним усилиям великого князя Константина Константиновича Пушкинский Дом и стал прекрасным памятником гению русской литературы.

…Пройдут годы, и другой великий русский поэт – Александр Блок, так напишет о результатах благородных деяний великого князя, не называя, впрочем, его имени, преданного на многие десятилетия забвению:

> Имя Пушкинского Дома
> В Академии наук!
> Звук понятный и знакомый,
> Не пустой для сердца звук!..

Глава пятнадцатая
«Человек призвания»

При всем многообразии деятельности на посту президента Императорской академии наук Константин Константинович все же основное внимание уделял совершенствованию в вверенном ему императором храме науки гуманитарных исследований. Неоспоримы и заслуги его в отечественном пушкиноведении. Об этом красноречиво говорит высказывание одного из известнейших исследователей жизни и творчества великого поэта Николая Осиповича Лернера:

> Время президентства великого князя в Академии наук отмечено расцветом пушкиноведения, которое при нем получило полезнейшую материальную поддержку и, что гораздо важнее, ряд творческих импульсов.

Но, преклоняясь перед гением Пушкина, Константин Константинович отдает должное и другим русским литераторам. Он всячески содействует под эгидой Академии наук изданию Академической библиотеки русских писателей. И – что очень важно, произведения отечественных классиков должны быть изданы по доступной цене! Великий князь, сам человек богатейший, прекрасно понимает: духовное наследие страны должно принадлежать не только избранным, представителям высшего сословия, но и широким народным массам.

В конце 1906 года помощник заведующего книжным складом Академии наук И. А. Кубасов, ставший впоследствии известным литературоведом, выступил с инициативой подготовки издания произведений выдающихся русских писателей. Суть его предложения сводилась к тому, что академия должна начать качественное издание сочинений русских литераторов, которые будут широко распространяться на российском книжном рынке по доступной цене. Кубасов подготовил «Записку», в которой указывал, что подобное начинание является задачей именно Академии наук, «учреждения, которое должно пещись о народном просвещении», что это «укрепит связь массы с высокой представительницей отечественной науки – с Императорской академией наук».

«Записка» И. А. Кубасова была рассмотрена на заседании Отделения русского языка и словесности, автора горячо поддержал академик А. А. Шахматов. После этого была создана

специальная Комиссия по вопросу о научно-популярном издании русских писателей, в состав которой вошли выдающиеся русские ученые-филологи того времени. В сентябре 1907 года комиссия завершила работу, и по ее итогам президенту Академии наук был передан на утверждение доклад.

Предполагалось, что Академическая библиотека русских писателей будет издаваться от имени Академии наук и при непосредственном наблюдении с ее стороны, выпуск томов этой библиотеки потребует «особого напряжения духовных сил и материальных затрат». Ученые считали, что ежегодно необходимо издавать от 5 до 7 томов, объемом до 200 печатных листов, тиражом от трех до десяти тысяч экземпляров. Для этого требовались дополнительные ежегодные бюджетные ассигнования в размере тридцати тысяч рублей. И что очень важно: «полный годовой экземпляр» академической библиотеки (то есть 6–7 томов) должен был стоить 8 рублей, а с «уступкой» в 25 процентов – 6 рублей. Был в этом докладе предложен и список писателей, чьи произведения предполагалось издавать. В него вошло 64 фамилии: Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. С. Пушкин, А. П. Чехов… Среди здравствующих писателей, которых члены комиссии признали «неудобным вносить в список», единственное исключение было сделано для Л. Н. Толстого.

Константин Константинович одобрил основные положения доклада комиссии и начал хлопотать о выделении средств на это благородное дело. До начала Первой мировой войны академии удалось выпустить в свет собрания сочинений нескольких писателей. Так, в 1909 году вышел однотомник А. В. Кольцова. Книга в мягкой обложке стоила 60 копеек, а в переплете – 85 копеек. Первый тираж составил десять тысяч экземпляров и разошелся очень быстро. В этом же году был напечатан и также быстро разошелся повторный тираж – двадцать тысяч экземпляров, а в 1911 году было выпущено третье издание, которое имело не меньший коммерческий успех. Собрание сочинений М. Ю. Лермонтова продавалось по цене 75 копеек за книгу в мягкой обложке и 1 рубль 25 копеек за том в переплете…

После этого ни у кого не вызывало сомнений, что подобный тип изданий полностью оправдал себя в России. Остается лишь пожалеть, что сегодня эта важная и благородная академическая задача не развивается в нашей стране.

Но этим книгоиздательская работа под руководством великого князя Константина Константиновича в Академии наук не ограничивалась. Кроме чисто научных изданий ежегодно выходили в свет академические книги, имевшие общекультурное

значение. Так, среди самых ценных можно назвать пять томов полного собрания сочинений А. С. Пушкина, переписку поэта в трех томах, три выпуска книги «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», работу Б. Н. Меншуткина «Михайло Васильевич Ломоносов». Этот список можно продолжать и продолжать.

…Удивительное все-таки сочетание в одном человеке: и президент Императорской академии наук, и известный в России поэт! Случай уникальный в отечественной истории, но главное – он сослужил добрую службу российской словесности. Ведь, имея тонкий художественный вкус, склонность к разным видам искусства, великий князь обладал и деловитостью, практической сметкой, что и помогло в конечном счете сделать многие достижения национальной культуры общедоступными.

Впрочем, и сам Константин Константинович был человеком доступным, скромным в общении с другими людьми. В академической среде не раз говорили о его «безупречном такте», с которым он относился к ученым. Никогда не приближал к себе конкретных людей, устраняя таким образом возможные последствия подобного избирательного отношения. Но это, как свидетельствуют люди, близко знавшие его на протяжении многих лет, говорило не о равнодушии и душевной черствости, а, напротив, о несомненном внимании ко всем людям. Вот, например, как оценивает подвижническую научную и организаторскую деятельность Константина Константиновича академик А. Измайлов:

> Черты не наигранной любви к искусству и уважения к званию делали великого князя человеком призвания, а не случайным гостем на посту президента Академии наук.

Да и сам он относился к себе с чрезвычайно высокой меркой, стараясь всегда соблюдать в отношениях с учеными величайший такт. Об этом красноречиво говорит одно из писем Л. Н. Майкову, в котором Константин Константинович рассказывает ему о том, что происходит порой на заседаниях в Академии наук:

> Тяжело и неприятно слышать все лишнее… В особенности излишни «коленопреклонения», как Вы выразились. Но я не теряю надежды, что дело еще уладится…

Он скорее готов советоваться с академиками, видя в них коллег, а не подчиненных.

В начале мая 1899 года государь сообщил двоюродному дяде,

что пришлет ему проект своего указа министру финансов о создании близ Даляньваня на Квантунском полуострове нового русского города, которому надо дать имя. Николаю II уже предлагали разные названия, но ни одно из них ему не понравилось. Вот он и попросил Константина Константиновича помочь, а если нужно, то привлечь к этому делу и академиков. Были некоторые конкретные пожелания: в название будущего города не должны входить имена Александр и Николай, хорошо бы употребить слово «мир»… Кроме того, важно, чтобы название было «удобопроизносимо иностранцам».

Великий князь тут же передает просьбу императора академикам, и буквально через несколько дней городу придумано имя Мирный.

…В начале 1900 года во многих домах столичной аристократии шли бурные обсуждения нового романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Над этим произведением великий писатель, творчество которого Константин Константинович высоко ценил, работал много лет. Работа оказалась трудной, изматывающей, недаром роман имел ряд редакций. Последняя из них была опубликована в нескольких номерах журнала «Нива» за 1899 год. Но царская цензура сильно исказила произведение Толстого. Впрочем, даже в том виде, в каком роман тогда опубликовали в России, он не был целиком и полностью принят всеми читателями. Такое часто случается с великими творениями человеческого духа, опередившими свое время. Не оказался в данном случае исключением и великий князь, который с юности читал многие произведения яснополянского графа, но имел противоречивый взгляд на его творчество. Промолчать же, не дать собственной оценки новому произведению великого русского писателя он не мог. Ведь Л. Н. Толстой, кроме всего прочего, был и почетным «пушкинским» академиком Императорской академии наук.

Читая роман «Воскресение», он пишет в дневнике: «…Какое чередование гениальных описаний, проникновения в человеческую душу, кощунства и прямо глупых умозаключений». Неудивительно, что Константина Константиновича возмутили многие взгляды Льва Толстого в его новом романе. Иначе просто и быть не могло. Ведь великий князь искренне верил во все постулаты Русской православной церкви. К тому же он был чиновником очень высокого ранга. Простим же ему заблуждения. Тем более что, закончив чтение этого романа, он признает: «… Рядом с невозможными парадоксами, с произвольным толкованием евангельских заповедей, с отрицательным взглядом

на установившиеся порядки нашей жизни встречаются чудные высоконравственные мысли».

Практически одновременно с публикацией в России роман Л. Н. Толстого «Воскресение» был издан целиком, по гранкам, которых не коснулась рука цензора, в Лондоне. Сделать это рискнул В. Г. Чертков, руководивший издательством «Свободное слово».

Член Государственного совета от Орловского земства М. А. Стахович, близкий знакомый семьи писателя, по просьбе его жены, Софьи Андреевны, читавший предварительно некоторые публицистические произведения Толстого, знакомил теперь великосветскую столичную публику с романом «Воскресение» в корректуре. И вот какова реакция на это Константина Константиновича: «Вечером слушали… продолжение нового романа Л. Толстого „Воскресение“ (по корректурам) М. А. Стаховича. Удивительные есть страницы!»

Неоднозначные взгляды на творчество Л. Н. Толстого у Константина Константиновича, как и у многих представителей великосветского столичного общества, сложились давно. Уже несколько лет неоднократно заходила речь об эстетических суждениях писателя, многим казавшимся парадоксальными, неприемлемыми. Шокировал же он публику, особенно ряд представителей художественных кругов, своим полемическим трактатом «Что такое искусство». Великий русский художник Илья Ефимович Репин, не соглашаясь с некоторыми утверждениями автора, все же признавал, что «главная постановка вопроса так глубока, неопровержима, что даже весело делается, радость пронимает…»

А вот Константин Константинович многие мысли Л. Толстого о живописи не приемлет. Читает он статью писателя «Что такое искусство» в журнале «Вопросы психологии и философии» и выносит нелицеприятный вердикт: «Поразительное смешение здравых и вздорных понятий». Такого же мнения придерживаются и некоторые другие представители художественной интеллигенции. Об этом свидетельствует одна из дневниковых записей великого князя:

> Был у меня художник Васнецов (Виктор Михайлович) – одно из наших современных художественных светил. Говорили с ним про статью Л. Толстого «Что такое искусство» и вместе возмущались.

Теперь же, зимой 1900 года, когда Лев Николаевич Толстой – почетный академик, «возмущаться» президенту Академии наук вроде бы и неудобно. И он, как человек умный и

высокообразованный, старается лишь глубже вникнуть в то огромное художественное явление, которое представляет собой писатель, объективно оценить его творчество. В этот период Л. Толстому посвящено немало страниц дневника великого князя. 19 февраля он пишет: «В философском обществе Мережковский, писатель полуязыческого направления, нападал на Льва Толстого и отзывался о нем очень презрительно». А вот приглашенный им же священник Толстого защищал, и это вызвало шумное одобрение у присутствующих. Вышло как-то странно, по мнению Константина Константиновича, «неверующий бранил заблуждающегося и искажающего христианское учение, а представитель церкви защищал».

Сам Д. Мережковский проповедовал «новое религиозное сознание» и в начале 1900-х годов написал работу «Религия Л. Толстого и Ф. Достоевского», в которой противопоставлял «провидца плоти» Толстого и «провидца духа» Достоевского.

Толстой подобную идеологию не принимал, считал, что она ведет к «распадению нравственности у людей». Противником модернизма – как в жизни, так и в искусстве, был и великий князь Константин Константинович. Подтверждение этому находим в дневнике от 22 января 1900 года:

> Были с женой в Академии художеств, на выставке живописи «Мира искусства», там все больше так называемые «декадентские» произведения… Рядом выставка всех картин умершего летом Исаака Левитана; это только пейзажи, все большею частью грустные, простые, но необыкновенно правдивые и поэтичные…

…Порой с предубеждением относился Константин Константинович и к личности Льва Николаевича Толстого. По поводу одного из его писем, опубликованного в английской газете «Times», великий князь отозвался следующим образом:

> …Граф Л. Толстой, когда из гениального писателя превращается в плохого мыслителя, имеет способность глубоко меня расстраивать. Часто вещает он неопровержимые истины, но вещает так, что как-то бессознательно чувствуешь его неправоту и вместе с тем не находишь возражений.

И все же Константин Константинович преклонялся перед огромным талантом Л. Н. Толстого, не мог не воздать ему должного. Когда выдающийся писатель умер, великий князь послал его вдове телеграмму со словами соболезнования и

организовал в Академии наук публичное собрание, на котором А. Ф. Кони и Д. Н. Овсянико-Куликовский прочитали доклады о гении русской литературы. На этом собрании августейший президент предложил почтить его память минутой молчания и собрать специальное совещание, посвященное увековечиванию памяти Л. Н. Толстого. Вечер, посвященный умершему писателю, прошел по инициативе великого князя и в «Измайловских досугах».

Однако такое внимание к «вероотступнику православия» понравилось далеко не всем. В столичном великосветском обществе с неудовольствием говорили о «возмутительном вечере» в Измайловском полку. А реакция некоторых высокопоставленных священнослужителей была и того хуже: под их нажимом великому князю Константину Константиновичу было отказано в издании объявленных ранее сборников стихов.

Вот так в России издавна умели наказывать непокорных – невзирая на чины, титулы и заслуги перед Отечеством.

Великий князь был, конечно, расстроен. И в сердцах написал в дневнике: «Значит, я не имею права прочесть вслух несколько страниц из „Отрочества“?!»

Но все эти переживания – в будущем. Пока же, на заре XX века, августейший президент полон планов и забот о делах академических, которых с каждым годом становится все больше. Но он не забывает и о собственном творчестве. Стихи К. Р. постоянно печатаются в журналах «Русская старина», «Русский вестник», «Русское обозрение», в других периодических изданиях. В 1900 году выходят в свет сразу два сборника стихотворений великого князя: «Новые стихотворения К. Р. 1886–1888» (второе издание, в которое вошла и поэма «Севастиан-мученик») и «Третий сборник стихотворений К. Р. 1889–1899». А в следующем году вышел (пока, правда, в журнальном варианте) завершенный в 1900-м перевод трагедии У. Шекспира «Гамлет» с обширными комментариями. В 1902 году увидело свет 4-е издание стихотворений К. Р. Это ли не успех? Нелишне заметить и то, что весь авторский гонорар великий князь перевел Обществу попечения о бедных и больных детях, которые находились под покровительством его жены – великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

В 1902 году в общественной жизни столицы отмечается важное событие, имеющее большой резонанс, – двадцатилетие литературной деятельности поэта К. Р. К этому времени выходят в свет два серьезных исследования о его творчестве: «К. Р. Критико-биографический этюд» Г. Нелюбина и «Лирика К. Р.

в связи с историей русской поэзии во вторую половину XIX века» Д. Михайлова. Это было, конечно, очень приятно для человека, считавшего поэзию главным делом своей жизни.

…Подошло время очередных выборов почетных академиков по Разряду изящной словесности. Состоялись они 25 февраля 1902 года. Избраны драматург А. В. Сухово-Кобылин и писатель Максим Горький. Люди, казалось, очень достойные, несомненно талантливые. Но дело не обошлось без скандала. Четыре академика, в том числе и Константин Константинович, проголосовали против кандидатуры Горького. Но оказались они в меньшинстве.

Чем же не угодил августейшему президенту второй по популярности после Льва Толстого писатель начала XX века? Ответ прост: революционной пропагандой, которая неприемлема для человека, родившегося и воспитанного в императорской семье.

Впрочем, великий князь, как человек пытливый, воспринимает творчество писателя не с чужих слов, а знакомится с ним лично: «Читал рассказы Максима Горького, писателя, о котором столько кричат. У него несомненное дарование, но очень заметна значительная неуравновешенность мировоззрения». Эта запись сделана в дневнике 19 июля 1901 года, а через день он развивает мысль: есть у Горького и прекрасные мысли, и поэтичные описания, но с ними соседствуют тенденциозные умозаключения, и в целом заметен недостаток художественного чутья. И все-таки Константин Константинович называет Горького любопытным человеком и признается: «хотелось бы с ним познакомиться».

Они и познакомились. Но, признавая талант писателя, президент Академии наук все же считает, что тот не может стать почетным академиком:

> Горький пользуется большим успехом, книги его расходятся десятками тысяч, но несомненно, что как ни значительно его дарование, оно не заслуживает такой преувеличенной славы. Самому же ему избрание принесет вред, еще больше вскрутив голову молодому писателю.

Однако с академиками, оказавшимися в большинстве, Константин Константинович не спорит и отдает отчет о прошедших выборах в «Правительственный вестник», который публикует его 1 марта. И вот тут-то раскручивается пружина интриги…

Началось все с недовольства вдовствующей императрицы Марии Федоровны по поводу избрания почетным академиком Максима Горького. Об этом она сказала великому князю утром 6 марта, встретив его на Выставке исторических портретов, которая проходила в это время в Академии наук. Но все это было похоже скорее на приватную беседу родственников, и Константина Константиновича особенно не расстроило. Во второй же половине дня его вызвал к себе министр народного просвещения П. Ванновский, который сразу же показал августейшему президенту письмо, полученное от Николая II.

Император был возмущен тем, что произошло в Академии наук. Максима Горького – в академики? Да он же политически неблагонадежен, его даже в кандидаты выдвигать нельзя! Особенно красноречивы такие строки письма: «Ни возраст Горького, ни даже коротенькие сочинения его не представляют достаточное наличие причин в пользу его избрания на такое почетное звание».

Да, видимо, Николай Александрович был очень далек от современного ему литературного процесса в России. Ведь к 1902 году у пролетарского писателя был издан двухтомник, а затем трехтомник «Очерки и рассказы», «Рассказы» в четырех томах, и, кроме того, романы «Фома Гордеев» и «Трое». Его произведениями зачитывалась вся культурная Россия. Так стоило ли пренебрежительно писать о «коротеньких сочинениях»?

Но ведь самодержцу не будешь перечить, иначе беды не миновать! Тем более что, по признанию самого великого князя, «в обществе, особенно в правительственных кругах, сильно смущены избранием Максима Горького в почетные академики. Оказывается, он состоит под следствием за прикосновенность к беспорядкам на Сормовских заводах».

И вот в том же «Правительственном вестнике», в котором еще несколько дней назад был опубликован отчет о прошедших в Академии наук выборах, 10 марта появляется сообщение об отмене результатов выборов в почетные академики Алексея Максимовича Пешкова (Максима Горького).

Многие представители российской общественности были возмущены до глубины души. Причем не столько самим фактом отмены выборов, как тем, что информация шла от имени Академии наук. А ведь первоначальное решение ее членов не должно иметь обратной силы!

Что и говорить, августейший президент оказался в те дни в очень сложном положении, под перекрестным огнем мнений. Многие понимали, что именно царь продиктовал свою волю академикам. Однако мало кто знал, что великий князь сам

проявил инициативу, «заслонив» собой Николая II. Не мог же он навлечь на императора недовольство общественности! Здесь проявилось и его человеческое мужество, и неостывшая до конца привязанность к двоюродному племяннику. Крепки еще родственные узы, крепка и вера в незыблемость воли венценосца…

Вот как пишет Константин Константинович об этом нелегком для себя решении 6 марта 1902 года:

> Мы согласились с Петром Семеновичем (Ванновским. – *Авт.*), что лучше убедить государя взять назад свое решение ввиду того, что лучше не пользоваться в данном случае государевым именем, а устранить избрание Горького в силу закона о состоящих под следствием.

Скандал разгорелся нешуточный. На заседании Академии наук, которое состоялось 7 сентября 1902 года, официально было объявлено, что В. Г. Короленко и А. П. Чехов просят больше не считать их академиками. Это был их ответ на отмену избрания академиком Максима Горького.

А Константин Константинович, по свидетельству академика А. А. Шахматова, выглядел «сконфуженным» и «его чуткая душа страдала от этого инцидента».

Однако великий князь не теряет интереса к творчеству «отвергнутого» академией Горького. Он читает роман писателя «Трое» и выносит вердикт: «Ужасно». Не нравится великому князю и пьеса Горького «На дне», спектакль по которой он смотрит в театре:

> Если искусство должно преследовать цели эстетические, то пьеса положительно не отвечает такому условию. На сцене в течение четырех действий грязь, пьянство, отборная брань. Иногда даже неловко становится, кажется, вот-вот начнут делать такое, на что положительно не годится смотреть, а придется встать и уйти. Правда, старик Лука вносит несколько оживляющую струю, но очень ненадолго, и кончается пьеса так же отвратительно цинично, как и начинается.

Кроме избрания новых почетных академиков, чтения художественной литературы и оценки творчества современных ему русских писателей, у Константина Константиновича в этот период множество других забот. Одна из важнейших – Библиотека Академии наук. Особых усилий стоило великому

князю решение вопроса о комплектовании ее фондов в виде «поступлений в порядке обязательного экземпляра». Но число новых поступлений ежегодно увеличивалось, и к началу XX века назрела острая необходимость в расширении хранилищ БАН. К этому времени только в ее Русском отделении насчитывалось уже более полумиллиона книг, журналов и брошюр, а здание Кунсткамеры, где находились библиотечные хранилища, давно оказалось переполненным.

Откладывать постройку нового здания было больше нельзя, и Константин Константинович активно взялся за решение этого вопроса. В 1903 году после долгих переговоров с руководством Министерства финансов академии наконец уступили участок территории старого Гостиного двора на Васильевском острове. В это время он был занят складами, предназначавшимися на слом. Но только через четыре года его окончательно освободили. Строительство нового здания Библиотеки Академии наук началось в 1912 году, и к началу Первой мировой войны оно было в основном закончено.

В годы, когда президентом Императорской академии наук был великий князь Константин Константинович, проводилась и коренная перестройка деятельности академических музеев. В 1898 году значительно были увеличены ассигнования на содержание Музея антропологии и этнографии, расширен его штат. Музей окончательно определили в ведение историко-филологического отделения Академии наук. До этого же времени он неоднократно переходил из одного отделения в другое, и зависело это от того, где конкретно работал руководивший им академик.

Коренным образом изменилось положение и другого крупного академического музея – Зоологического. Благодаря усилиям Константина Константиновича специально для музея было построено прекрасное здание. По высочайше утвержденному в 1895 году «Положению о Зоологическом музее» ему придавалось значение «центрального в империи учреждения для познания животного царства». В музее была развернута большая просветительская работа, с каждым годом неизменно возрастало число его посетителей. По мнению многих современников, знатоков Санкт-Петербурга, Зоологический музей стоял в годы президентства великого князя в ряду тех достопримечательностей столицы, «посещение которых было обязательно для всякого образованного и любознательного туриста».

Великий князь Константин Константинович никогда не забывал о том, что Императорская Академия наук призвана быть

не только чисто научным учреждением, но и общероссийским центром культуры и просвещения. Именно общероссийским, поэтому он и прилагал немало усилий к тому, чтобы повысить уровень просвещения населения в национальных окраинах Российской империи. Один из примеров тому – состоявшийся в феврале 1895 года под покровительством августейшего президента I Съезд русских деятелей по печатному делу. На нем обсуждались разные проблемы развития печатного дела в России, среди прочих был затронут вопрос и о «крайне бедственном состоянии печатного дела в литовских губерниях Северо-Западного края». Главной причиной такого положения дел было признано существовавшее в то время запрещение печатания книг латино-литовским шрифтом. Эту меру ввели после подавления Польского восстания 1863–1864 годов и, по мнению правительства, она была необходима для ограждения литовцев от польского влияния. Но жесткая русификаторская политика ни к чему хорошему не привела. Русский шрифт был непонятен многим литовцам, и это значительно тормозило повышение уровня культуры и грамотности среди местного населения.

В связи с этим I Съезд русских деятелей по печатному делу единогласно постановил просить правительство пересмотреть вопрос о запрещении печатания литовских книг латинским шрифтом. Однако рекомендации ученых остались без ответа. Прошло три года, и Константин Константинович получил письмо от купца А. О. Смильго, одного из активистов в деле просвещения литовского народа. Он просил еще раз попытаться «содействовать скорейшему удовлетворению ходатайства состоявшегося под августейшим покровительством… съезда». Великий князь решил подкрепить свою позицию мнением ученых и обратился за советом к академику А. Ф. Бычкову, возглавлявшему в то время Императорскую публичную библиотеку. В своем письме он спрашивал: «…Научите, что мне делать?»

Афанасий Федорович ответил, что этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях Отделения русского языка и словесности, и мнение ученых неизменно оставалось единодушным: «…эта мера принесла более вреда, чем пользы, и необходима отмена запрещения…» Соответствующее ходатайство вновь было направлено в правительство, но опять осталось без ответа.

В 1903 году к президенту Академии наук обратился за помощью виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор князь Петр Данилович Святополк-Мирский. В своей «Записке» он указывал, что считает не только своевременным, но и «настоятельно необходимым освободить латино-литовский

шрифт от каких бы то ни было запрещений и стеснений, разрешить в России печатание этим шрифтом литовских книг и периодических изданий всякого рода». На этот раз Константину Константиновичу удалось воздействовать на правительство, и это нелепое ограничение было наконец отменено.

Несколько лет продолжалась и активная деятельность президента Академии наук, направленная на разрешение отмены существовавших ограничительных мер на издание Священного Писания на украинском языке. В 1904 году Константин Константинович выступил с инициативой на правительственном уровне отменить этот запрет. Дважды он обращался с ходатайством к руководству министерства внутренних дел, но дело сводилось к элементарным отпискам – чиновники отвечали, что эту проблему можно рассматривать «только с точки зрения религиозной, а также филологической». После этого великий князь обратился в Святейший синод с просьбой разрешить издание Евангелия на украинском языке в переводе Ф. С. Морачевского. Увы, просьба его так и не была удовлетворена.

Но президент Академии наук решил не отступать. 11 февраля 1905 года он обратился с письмом на имя председателя Комитета министров С. Ю. Витте, в котором просил его «повергнуть через Комитет министров на благоусмотрение его императорского величества ходатайство мое об отмене всех ограничительных мер по изданию Святого Писания на малороссийском наречии». Сергей Юльевич действовал быстро и решительно. 14 февраля он отправил великому князю письмо, в котором пригласил его на заседание Комитета министров 15 февраля для участия в обсуждении этого вопроса. На следующий же день дело было наконец решено положительно. Не вызывает сомнений то, что подобной оперативности способствовала и зревшая в России революционная ситуация.

Правящие круги, при всем своем стремлении реформировать существующий строй, все же главной задачей считали сохранение Российской империи. Отсюда – и всевозможные охранительные меры, подчас просто бессмысленные. Но ведь Академия наук была государственным бюджетным учреждением, во многих отношениях зависящим от правительства. Поэтому позиция, занятая в данном случае академией и ее президентом, несомненно, заслуживает уважения.

Российские ученые во главе с августейшим президентом немало способствовали развитию и повышению уровня просвещения и образования. Но особую тревогу у них вызывало тяжелое положение в стране с женским образованием. Проблемы

в этом вопросе накапливались десятилетиями, и к концу XIX века отставание России от ведущих западных держав стало вопиющим. Константину Константиновичу довелось столкнуться с этим неприятным фактом еще в самом начале своего президентства.

В сентябре 1889 года к нему обратился с письмом саратовский губернатор генерал-лейтенант А. Косич, который просил великого князя содействовать возвращению в Россию своей родственницы – ученого с мировым именем, талантливого математика Софьи Ковалевской. Получив в Германии образование и степень доктора философии, она в течение нескольких лет после возвращения на родину не могла найти работу по специальности. В ноябре 1883 года она вынуждена была уехать в Швецию, где вскоре стала профессором Стокгольмского университета.

Такая ситуация была, к несчастью, весьма характерна для России.

Константин Константинович, желая помочь светилу отечественной науки, обратился за консультацией к академику П. Л. Чебышеву, который, как он знал, поддерживал научные и дружеские контакты с Софьей Ковалевской. Но академик разъяснил в ответном письме великому князю, что, в соответствии со всеми действующими уставами учебных заведений Российской империи, С. В. Ковалевская, будучи женщиной, могла стать профессором лишь на Высших женских курсах. Естественно, при наличии там подобного рода вакансии. П. Л. Чебышев подчеркнул, что это «единственное для нее доступное» место во всей России. Но ведь в столице Швеции Софья Васильевна занимает очень важную и почетную должность – гораздо выше той, на которую может рассчитывать на родине! Поэтому вряд ли она вернется домой…

К великому сожалению, старый академик оказался прав. Софья Ковалевская так и осталась до конца дней на чужбине, отдав без остатка свой талант Швеции, а не России.

Драматизм ситуации заключался в том, что даже августейшему президенту Академии наук было не под силу решить вопрос о ее окончательном возвращении на родину. Но он сделал все, что мог: всячески способствовал тому, чтобы 2 декабря 1889 года С. В. Ковалевская была избрана членом-корреспондентом Императорской Академии наук по Физико-математическому отделению. В соответствии с академическим уставом ей было присвоено звание «иностранного члена-корреспондента».

Заботился великий князь Константин Константинович и о научных занятиях ученых, трудившихся в разных регионах

страны, оказывая им не только научно-методическую помощь, но и материальную. Пример тому – выделение в январе 1900 года 470 рублей для выдающегося русского ученого К. Э. Циолковского, жившего в Калуге. Деньги предназначались для проведения им опытов, связанных с изучением сопротивления воздуха. 22 марта 1900 года на заседании Физико-математического отделения, проходившем под председательством президента, был зачитан ответ К. Э. Циолковского: он благодарил коллег за «знак доверия» и обещал закончить проводимые им опыты к осени 1901 года. Тогда же, подчеркивал ученый, он представит в Академию наук их описание, чертежи, таблицы и фотографии.

Такие живые, демократические связи с учеными, жившими в глубинке необъятной страны, были характерны для многих академических учреждений в описываемое время. Благодаря усилиям великого князя, направленным на распространение просвещения в широких народных массах, в настоящую исследовательскую работу нередко вовлекались и местные ученые, которые становились полноправными коллегами столичных академиков. Следует признать: совсем не случайно академик А. Измайлов назвал Константина Константиновича «человеком призвания» на посту президента Академии наук.

Глава шестнадцатая
Несбывшиеся надежды

В течение многих лет каждый день великого князя Константина Константиновича был расписан буквально по минутам. Служба, многочисленные обязанности на посту президента Академии наук, обязательное посещение великосветских приемов и встречи с деятелями культуры, занятия поэзией, художественным переводом, игра на сцене, многочисленные путешествия по родной стране и миру, разраставшаяся год от года семья, наконец… Но хотя он и сторонился политики, всегда живо откликался на общественно значимые события, происходившие в России.

…Во второй половине XIX века студенческие волнения в Российской империи случались нередко. Но настоящая эпоха «бури и натиска» началась в 1899 году.

8 февраля студенты Санкт-Петербургского университета устроили акцию «против присвоения ректором функций полицейской власти»: во время проведения традиционного годичного акта ректора В. И. Сергеевича встретили свистом, шумом и криками, не дав ему произнести ни слова. По окончании мероприятия толпа студентов высыпала на Университетскую набережную, однако все выходы с нее были перекрыты полицией. Возбужденные молодые люди стали кидать в полицейское оцепление снежки, после чего эскадрон конных городовых врезался в толпу, опрокидывая и топча студентов.

Весть о побоище распространилась по городу с быстротою молнии. На следующий день в университете состоялась сходка, на которой более двух тысяч человек проголосовали за закрытие университета до тех пор, пока правительство не даст гарантии соблюдения впредь прав человеческой личности. Вскоре к забастовке присоединились студенты еще четырнадцати столичных высших учебных заведений, в числе которых была даже Духовная академия. Позже к ним решительно примкнула и лучшая часть студенчества пяти московских и девяти провинциальных высших учебных заведений. В связи с этим в листовке организационного комитета Санкт-Петербургского университета от 4 марта 1899 года отмечалось, что, благодаря единению студенчества, «удалось в две-три недели добиться фактического закрытия всех без исключения учебных заведений России с их тридцатитысячным составом учащихся». Активисты забастовки подчеркивали, что подобная акция была «протестом

против царящего в России произвола, единственную гарантию против которого мы видели в законе и его неприкосновенности».

Этим событиям, потрясшим страну, великий князь Константин Константинович уделяет немало страниц дневника. И что самое главное – он, крупный государственный чиновник, целиком и полностью на стороне учащейся молодежи.

В эти дни академики А. С. Фаминцын и Н. Н. Бекетов подают Николаю II письмо, в котором просят защиты для студентов, и умоляют великого князя устроить им аудиенцию у императора.

Константин Константинович тут же посылает их прошение царю. И вскоре приходит ответ: «Могу принять их завтра в 2 $/_2$».

Но письмо двух академиков, поддержанное великим князем, не возымело действия. Значительное количество студентов было выслано из крупных городов. Константин Константинович пишет, что эти высылки производятся «крайне бестолково, без достаточных оснований и безо всякой вины… Так больно и обидно!»

Но принятые властью репрессивные меры и проводимое по высочайшему повелению «всестороннее расследование причин и обстоятельств беспорядков» вовсе не содействовали ослаблению студенческого движения. Напротив, и в студенческой среде, и в обществе в целом зрели негодование и возмущение.

Великий князь Константин Константинович был очень популярен среди столичной молодежи. Когда начались волнения, ему не раз пришлось слышать: если бы он был министром просвещения, то беспорядков среди студентов удалось бы избежать. Порой он и сам ловил себя на мысли, что сумел бы договориться со студентами, он ведь любит молодежь, доверяет ей.

Но – нет, не попасть ему в министры: в высших сферах «меня считают либералом, мечтателем, фантазером и выставляют таким перед государем, и он, думается мне, сам приблизительно такого же обо мне мнения. Он не видит во мне того, за что меня выдвигают в общественном мнении, во мнении не правящих классов; у царя, кажется мне, есть против меня некоторое недоверие; по крайней мере, за четыре с половиной года его царствования он ничем не показал мне своего доверия, я не получил ни одного самостоятельного назначения, не считая разве Пушкинской юбилейной комиссии».

Неспешно прохаживаясь по своему кабинету в Мраморном дворце, Константин Константинович вспоминал, что хотел работать на ниве народного просвещения еще в молодости, в начале 1880-х. Только не знал, как же все это устроить. Особой

настойчивости перед государем не проявлял, и лишь через несколько лет, в 1889-м, был назначен почетным попечителем Педагогических курсов при Санкт-Петербургских женских гимназиях. Он часто присутствовал на занятиях, с искренним интересом вникал в учебный процесс, чем заслужил уважение учащихся и их воспитателей. По его инициативе курсы были преобразованы в Женский педагогический университет, что, несомненно, повысило общественный статус этого учебного заведения.

Но великий князь не только посещал занятия для будущих учительниц, он также внимательно читал педагогическую литературу. Особенно его поразила книга сельского педагога Сергея Александровича Рачинского. Будучи профессором Московского университета, Рачинский оставил место на кафедре и поселился в деревне в Смоленской губернии, где посвятил себя народной школе. Окончательно переехав из барского дома в школу, он начал жить одной жизнью с учениками. Кроме детей, Рачинского с самого начала его педагогической деятельности в школе, окружали и юноши-крестьяне, которых он готовил к роли учителя в окрестных селах и для которых сохранял значение руководителя, наставника и впоследствии.

Во многом благодаря таким подвижникам и развивалось в России народное просвещение. Публицистические произведения Рачинского, особенно его работа «Из записок сельского учителя», стали настольными книгами для нескольких поколений российских педагогов, способствовали привлечению образованной молодежи к работе в школе. Порой Константину Константиновичу казалось, что он готов идти той же дорогой, что и Рачинский. Но ведь у него много других, тоже очень важных дел! Поэтому, когда в марте 1894 года пожилой уже министр народного просвещения граф И. Д. Делянов заговорил с великим князем о возможности сменить его на этом посту, он, хоть и с тяжестью в душе, но отказался. Прошел год, и фортуна дала ему еще один шанс. Николай II предложил своему двоюродному дяде пост председателя Санкт-Петербургского комитета грамотности, и на этот раз тот не стал отказываться. В дневнике появляется откровенная запись: «Вот дело, коему я готов отдаться всей душой».

Но оказалось, что в деле народного просвещения у великого князя был опасный противник – обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев. Он считал, что образование лишь развращает народные массы, и всячески пытался донести свою мысль до Николая II. Когда Константин Константинович подготовил проект устава нового Общества просвещения народа,

Победоносцев убедил царя не подписывать этот документ. По его мнению, открытие отделений общества в разных регионах Российской империи сделало бы его практически неконтролируемым из столицы. А ведь это наверняка послужит распространению вредных нигилистических идей!

Константину Константиновичу пришлось уступить. В нем не было упрямства и настойчивости Победоносцева, сама фамилия которого говорила о том, что он не привык отступать. И все же великий князь продолжает служить народному образованию, решив для себя: «школьный вопрос самый близкий моему сердцу». Но любое его предложение отвергается императором. Константин Константинович пишет:

> Мне кажется, что меня выставляют ему человеком либерального направления, почти красным, и что он составил себе понятие, что лучше бы не назначать меня на должности, где бы от меня зависело образование народа или воспитание юношества.

…И вот теперь, в дни студенческих волнений, эти воспоминания, одно за другим, встали перед его мысленным взором. Горько, обидно, несправедливо… Но что поделаешь, если государь не принимает в расчет его мнение? 19 марта 1899 года в дневнике появляется новая тревожная запись:

> Распоряжением министра просвещения все студенты здешнего университета уволены с представлением им права подать заявления о поступлении вновь. Не понимаю эту меру, одновременно карающую и виновных – меньшинство – и правых, которых, несомненно, гораздо больше. Как будто министерство создано не для того, чтобы давать, а для того, чтобы отнимать просвещение!

Через несколько дней государь передал министру финансов С. Ю. Витте какую-то анонимку, в которой Сергей Юльевич был назван главным виновником возникших беспорядков среди учащейся молодежи: ведь именно Витте предложил не прибегать к крутым мерам по отношению к бунтовщикам, а провести всестороннее расследование причин случившегося.

Сам Витте предполагал, что анонимка – дело рук министра внутренних дел И. Л. Горемыкина.

17 марта именно Горемыкин провел совещание с министрами и начал свое выступление с того, что попросил Витте посоветовать, как быть с университетами. О том, что произошло дальше, рассказывает великий князь:

> Витте, сильно раздраженный анонимкой… резко ответил, что незачем к нему обращаться за советом, что он выдает финансы, а что если надлежащие министры не знают, что им делать и как управиться с учащимися, да еще во всех этих брожениях непременно хотят найти политическую подкладку, то лучше всего закрыть все учебные заведения. Не приняли ли эту злую иронию за совет, которому надо последовать?

У Константина Константиновича очень тяжело в эти дни на душе, «сердце болит за бедную молодежь». Еще более расстроил его услышанный им разговор между кузеном Павлом и младшим братом Дмитрием. Павел утверждал: университетские непорядки – последствие политической пропаганды, и если в ближайшее же время не принять самых строгих мер, то можно дождаться повторения 1 марта 1881 года, то есть цареубийства.

Константина Константинович счел, что «этот тупой взгляд на современные дела» внушен Павлу генерал-губернатором Москвы великим князем Сергеем Александровичем. Сам К. Р. уже этому и не удивляется, хотя вопрос, поставленный Павлом, для него мучителен.

Недавно великий князь был у Витте. И целый час говорил с ним о студенческих беспорядках. Услышал от Сергея Юльевича ужасные подробности о произволе властей. Неудивительно, что сам он осуждает карательные меры, «высылки, аресты, применяемые направо-налево и притом бестолково». Лагерь противников министра финансов состоит из трех человек: К. П. Победоносцева, всем старающегося услужить И. Л. Горемыкина и министра народного просвещения Н. П. Боголепова. Они-то и сумели оказать влияние на Сергея Александровича, который и раньше был склонен преувеличивать политическую неблагонадежность многих профессоров и студентов, недаром ведь он то и дело пишет из Москвы «зажигательные письма»…

А Горемыкин – каков негодяй, усмехнулся великий князь, посылает к студентам своих соглядатаев, которые сеют среди молодежи волнения. Сам же он отдает приказ печатать и распространять «возбуждающие умы воззвания», а когда спровоцированные им меры приводят к беспорядкам в студенческой среде, нашептывает императору, что студенты высших учебных заведений – настоящие враги отечества и самодержавия… Как же в такой ситуации можно сохранять спокойствие?

События, связанные со студенческими волнениями, навсегда

оставят горький след в душе Константина Константиновича. Но жизнь идет вперед, и в центре его внимания как радетеля за народное просвещение уже другие события. В России развивается книгоиздательское дело: появляются интереснейшие книги по разным научным дисциплинам, новые журналы для детей и юношества, которые представляют собой весьма занимательное чтение, стремительно увеличивается число земских и церковно-приходских школ.

На фоне всего этого великому князю удается в 1901 году добиться всемилостивейшего разрешения организовать съезд учителей Петербургского учебного округа, на который съехалось более двухсот делегатов. Конечно, правильнее было бы назвать это мероприятие курсами повышения квалификации, но, видимо, устроителям слово «съезд» кажется более внушительным и весомым. Недаром автор дневника с радостью пишет 8 августа: «Времена меняются, четыре года назад… министерство считало курсы вредной и опасной затеей, а теперь усердно им покровительствует».

Но в начале 1903 года произошло «что-то невероятное и чудовищное»: в недрах имперской канцелярии родилось решение о сокращении в России числа классических гимназий, выпускники которых имели право поступать в высшие учебные заведения. Вместо них получили широкое распространение реальные училища, окончив которые, люди не могли сдавать экзамены в университеты.

Такое «новаторство» министра народного просвещения Н. П. Боголепова и его ближайших помощников возмутило в конце концов не только передовую часть русской интеллигенции, но и самого императора. Решив сменить министра, он остановил свой выбор на человеке широко образованном и порядочном – Владимире Александровиче Шильдере. Известный педагог, соратник великого князя Константина Константиновича, некоторое время даже занимавшийся воспитанием его детей, Шильдер был в то время командиром Псковского кадетского корпуса. Зарекомендовал он себя на этом посту с самой лучшей стороны. В. А. Шильдер широко практиковал проведение с кадетами познавательных экскурсий и бесед, большая часть которых так или иначе была связана с героической историей русской армии. Заслуженной славой пользовался и кадетский хор, а учитель музыки И. И. Тульчиев даже поставил в корпусе несколько детских опер. Все это дало повод Константину Константиновичу написать: «дело учения и воспитания поставлено здесь надежно и твердо», а все педагоги «с любовью и сознанием долга исполняют свои обязанности». Мемуаристы

назвали время директорства Шильдера (1902–1905) золотым веком Псковского кадетского корпуса.

Действительно, во всем этом не было преувеличения. Однако, являясь педагогом по призванию, Владимир Александрович все же никогда не работал в светской школе. Поэтому он и был крайне удивлен, когда получил предложение Николая II возглавить Министерство народного просвещения, и, «будучи порядочным человеком, отказался».

Но государь не пожелал принять во внимание, что столь высокий и ответственный пост требует от человека, его занимающего, обширных знаний и большого практического опыта на ниве народного просвещения. Новым министром стал другой военный – начальник академии Генерального штаба генерал-лейтенант В. Г. Глазов, что вызвало иронию и недовольство у многих людей. А вот как отнесся к этому событию Константин Константинович:

> На меня, да и на многих мыслящих одинаково со мной, это назначение делает впечатление самого неправдоподобного анекдота, который был бы очень забавен, если б не получил осуществления.

Своему же двоюродному дяде Николай II портфель министра народного просвещения так и не предложил. Чем это можно объяснить – кознями К. П. Победоносцева или недальновидностью самого императора – сегодня сказать очень сложно. Остается лишь сожалеть, что надежды Константина Константиновича всерьез заняться народным образованием не оправдались и ему не была предоставлена возможность раскрыть еще одну грань своего большого таланта.

Глава семнадцатая
На рубеже веков

Недавние февральские события, всколыхнувшие страну, постепенно теряли остроту. Каждый день приносил что-то новое, складывая, как из кусочков мозаики, полную картину жизни. В середине мая великий князь вместе с преображенцами – в лагере, на учениях. Погода еще прохладная, и он простудился – болит горло. Все это действует на него «удручающим образом». Надо бы улучшить в полку показатели по стрельбе: командир недоволен результатами не только подчиненных, но и собственными. В дневнике он признается: «…я совершенно неспособен на всякую технику». Что ж тут поделаешь – это довольно часто встречается при гуманитарном складе ума. Для того чтобы немного успокоиться, Константин Константинович «начал читать книгу Григоревского о Черногории на случай, если меня послали бы в эту страну».

Пока же он, кроме непосредственных обязанностей «отца-командира», занимается в свободные часы любимым делом – пишет стихи.

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

И если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умиленьем,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Упоминание в дневнике о Черногории было не случайным. В начале июля великий князь получил предписание отправиться в эту страну. Перед поездкой он посетил императора, и они поговорили с полчаса. «Говорили и о славянстве: он вспомнил, что есть у Пушкина стих об этом, и я поспешил привести этот стих наизусть: „Славянские ручьи сольются в русском море, Оно ль иссякнется?“»

И вот Константин Константинович отправляется в дорогу.

Путь на пароходе долог и утомителен, и чтобы как-то скрасить время, великий князь читает все, что удалось достать о Черногории – этой «необыкновенной, своеобразной, особенно привлекательной» стране. Вторая часть поездки оказалась более интересной и комфортной, чем первая. К нашему путешественнику присоединяются дочь черногорского князя Анна с мужем, принцем Баттенбергом, и князь Петр Карагеоргиевич с двумя сыновьями – Георгием и Александром, 11 и 10 лет…

Утром 9 июля пароход вошел в гавань Рагузы (Дубровника). Погода стояла прекрасная, хорошо были видны прибрежные горы и скалы. У великого князя от восхищения сразу же «стихи завертелись в голове…» Неудивительно: перед ним расстилалось море, голубое, как сапфир, замкнутое высокими горами. А в глубине залива, как казалось, прямо под облаками, простиралась Черногория. Красота необыкновенная! Расстраивало лишь одно обстоятельство:

> Обидно вспомнить, что *наш* импер[атор] Александр I письмом владыке Петру II принудил его отдать Котор Австрии!!

Вот австрийцы и портили общее впечатление, в целом прекрасное. Но надо ведь пройти вдоль караула, отделаться любезными фразами от австрийского начальства, и… поскорее в коляску!

На козлах дорогого гостя уже дожидались два черногорца в живописной одежде. Коляска поднимается по отвесной высочайшей стене, по которой каким-то чудом проложена дорога. Вот путники поднимаются на вершину, откуда Которский залив кажется бирюзовым озером.

Наконец показалась граница. Русского великого князя встречает Мирко, второй сын князя – двадцатилетний статный красавец с прекрасным лицом. Они знакомы уже несколько лет, и оба чувствуют взаимную симпатию. Рядом с Мирко несколько русских дипломатов и два молодца черногорца, назначенные состоять при высоком госте.

Снова пустились в путь, теперь Константин Константинович сидит рядом с Мирко, и они весело, сердечно беседуют. Дорога начинает постепенно спускаться – изгибами и извилинами. Вот показалась равнина Цетинье. Тут и там видны маленькие, скромные каменные строения. Но великому князю очень нравится эта простота, здесь «все по сердцу, всех бы обнять, всем бы закричать, что мы родные братья!»

Вдруг раздаются пушечные выстрелы, в воздухе плывет звон колоколов. Все ближе княжеский дворец, уже виден у дверей и

сам князь Николай. Выпрыгнув из коляски, Константин Константинович заключает его в объятия, передает поклон от русского царя. Николай ведет дорогого гостя мимо почетного караула, и тот громко приветствует бравых молодцов: «Помогай все Бог, юнаци!» И тут же снимает шапку, увидев на балконе княгиню Милену.

Вскоре радушный хозяин и гость идут в монастырь, где находится рака владыки Петра I[5]. Митрополит встречает их с крестом и святой водою, начинается молебен… Константин Константинович невольно ловит себя на мысли: он чувствует себя здесь совсем как дома. Словно оказался в семейном кругу. Хорошо-то как…

Наконец его ведут в отведенные апартаменты – напротив дворца, в доме Мирко. «Маленькие, уютные комнаты. В 8 обед во дворце. Просто, незатейливо, радушно. Гуляем в лунную ночь с князем по саду».

Великий князь, по его собственному признанию, в Черногории «утопает в блаженстве». Конечно, здесь прекрасная природа, но главное – не это. «Народ нам родной, православный, слышна речь, близкая к родной…» А еще в местных жителях он замечает благородную простоту и достоинство. Гуляя как-то «дивной ночью» с Мирко, он узнает, что тот хочет служить в России. Это Константина Константиновича очень радует, и он пишет: «Если бы у нас в полку!»

Высокий гость полон самых радужных впечатлений, в Черногории ему нравится буквально все. На этот раз он даже не спешит с отъездом в Россию, как это бывает с ним всегда во время дальних путешествий.

Но вот подошел день расставания. Прощаться с Черногорским княжеским семейством было очень жалко, ведь великого князя принимали и проводили как родного. Такое не забывается. И впечатления от всего увиденного, встречи с милыми сердцу людьми переплавляются со временем в поэтические строки. Не пройдет и месяца после возвращения домой, как Константин Константинович напишет стихотворение «Черногории». После одного из семейных праздников император похвалит его и позволит послать на память князю Николаю. Правда, с одной оговоркой: царь не пожелал, чтобы «оно было напечатано, покуда жив нынешний император австрийский».

Константин Константинович был в разные годы жизни во многих странах: в Германии, Греции, Италии, Испании, Франции, Египте… Довелось ему посетить и другие континенты – Америку, Африку. Везде он находил что-то новое, интересное, о чем

свидетельствуют многочисленные дневниковые записи, стихи. Но дальние поездки никогда не вытесняли в его душе интереса к России, стремления увидеть, познать все новые уголки родной страны. Поэтому свободное время великий князь проводил не только в принадлежавших его семье загородных дворцах, расположенных в пригородах Санкт-Петербурга, которые он, несомненно, очень любил. При первой же возможности отправлялся путешествовать по старинным русским городам, ехал на Валаам, на Соловецкие острова, в Оптину пустынь и за Уральский хребет – в Сибирь, на Дальний Восток.

С детства великий князь, столичный житель, любил проводить время в деревне, на приволье. Пребывание на природе вдохновляло его на создание новых стихов, давало душевные силы, умиротворяло. Еще в детстве он очень любил отдыхать летом в Крыму, в отцовском имении Ореанда. Недалеко от него – знаменитая Ливадия, куда год за годом приезжала на лето царская семья и куда он мальчишкой частенько ездил играть с кузенами. Но в августе 1881 года в Ореанде случился большой пожар и от красивейшего имения остались одни лишь руины. Побывав здесь взрослым человеком, в начале XX века, Константин Константинович с грустью почувствовал, как его охватили воспоминания далекого уже детства:

Я посетил родное пепелище —
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда, душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ,
Поэзии святого вдохновенья
Я пережил блаженные мгновенья.
Тогда еще был цел наш милый дом.
Широкий сад разросся благовонный
Средь диких скал на берегу морском;
Под портиком фонтан неугомонный
Во мраморный стремился водоем,
Прохладой в зной лаская полуденный,
И виноград, виясь между колонн,
Как занавескою, скрывал балкон.
А ныне я брожу среди развалин:
Обрушился балкон; фонтан разбит;
Обломками пол каменный завален;
Цветы пробились между звонких плит;
Глицинией, беспомощно печален,

Зарос колонн развенчанный гранит;
И мирт, и лавр, и кипарис угрюмый
Вечнозеленою объяты думой.
Побеги роз мне преградили путь…
Нахлынули гурьбой воспоминанья
И тихой грустью взволновали грудь.
Но этот край так полн очарованья,
И суждено природе здесь вдохнуть
Так много прелести в свои созданья,
Что перед этой дивною красой
Смирился я плененною душой.

И все же ему хотелось уединения, трудно достижимого в столице. Стремился приобщить к деревенской жизни великий князь и своих детей. В начале лета 1901 года, размышляя о том, как лучше организовать семейный отдых, Константин Константинович пригласил в Мраморный дворец как раз приехавшего в столицу знакомого – калужского губернатора А. А. Офросимова, чья семья состояла в дальнем родстве с Пушкиными: один из братьев Павлищевых был женат на родной сестре поэта Ольге Сергеевне, а другой – на тетке А. А. Офросимова. Великий князь подробно расспрашивал гостя о привлекшем его внимание сельском уголке – селе Прыски, приютившемся на левом берегу реки Жиздры, недалеко от знаменитой Оптиной пустыни.

Ему очень хотелось провести лето с близкими и родными людьми в этом овеянном легендами месте. Еще в XV веке в Оптиной был основан Свято-Введенский монастырь. До XVIII века материальное его состояние оставалось тяжелым, но впоследствии обстановка изменилась. Со всех сторон России сюда стали поступать многочисленные пожертвования; монахи монастыря приобрели угодья, мельницу, обустроили каменные здания. В 1821 году в монастыре был основан скит. Тогда же вокруг него было запрещено рубить лес, «дабы навсегда он был закрытым». В скиту селились «пустынники» – люди, проведшие многие годы в совершенном уединении. Из разных концов огромной страны к монастырю потянулись страждущие такой жизни. Постепенно Оптина пустынь стала одним из духовных центров России.

С Оптиной пустынью связаны многие великие произведения русской литературы. Здесь происходит действие повести Л. Н. Толстого «Отец Сергий». Ф. М. Достоевский приехал в Оптину пустынь сразу после тяжелой личной драмы – смерти сына в 1877

году. Он прожил в скиту недолго, но многие впечатления этой поездки отразились в романе «Братья Карамазовы». Прототипом старца Зосимы стал реальный старец – Амвросий, живший в то время в скиту. У Толстого же с Оптиной пустынью образовалась особая связь: его родная сестра М. Н. Толстая была настоятельницей основанного Амвросием женского монастыря. Останавливался в этих местах и Н. В. Гоголь…

Наконец договоренность о проживании в имении великокняжеской семьи была достигнута, и Константин Константинович вместе с домочадцами отправился в путь. Здесь он с женой и детьми провел полтора летних месяца.

Владельцем имения Прыски был выпускник Александровского лицея, петрашевец Н. С. Кашкин. Великому князю удалось переговорить с ним о многом. Особенно же его поразила одна история о прошлом Оптиной пустыни. Согласно старинной легенде, в середине XV века в этих местах, в дремучих лесах, промышляла шайка разбойников, которую возглавлял атаман Опта. Но, видимо, наступил момент, когда ему стало стыдно за свою неправедную жизнь, Опта раскаялся и удалился на отшельническое поселение. Именно в его честь и стал называться Оптиной пустынью возникший здесь впоследствии монастырь.

Но как знать, раскаялись ли все подручные знаменитого когда-то атамана? Возможно, кого-то из них и не устроила жизнь праведника, и разбойничий дух продолжал витать над святым местом, сея смуту в душах потомков. По крайней мере, именно здесь с приехавшим отдохнуть на природе великим князем Константином Константиновичем едва не случилось большое несчастье. В один из дней, когда, казалось бы, вокруг царил мир и покой, калужский губернатор получил экстренное сообщение. Исправник доложил ему, что услышал от священника, будто на исповеди один из паломников, «человек издалека, расслабленный умом и физически», признался, что собирается убить великого князя.

Губернатор тут же рассказал об услышанном Константину Константиновичу и предложил установить за домом, где отдыхала его семья, круглосуточное наблюдение. Внимательно выслушав А. А. Офросимова, великий князь тяжело вздохнул и сказал: «Александр Александрович, я вам вполне доверяю – поступайте, как найдете нужным. Я доволен, что тот паломник по вашей доброте не пострадал и был отпущен с миром, но мне глубоко прискорбно, что все это вышло из сказанного на духу. – И, помолчав, добавил: – Как мог священник выдать сказанное ему на исповеди?»

Как человек глубоко верующий, он был не столько напуган грозившей ему опасностью, которая могла обернуться гибелью, сколько потрясен нарушением тайны исповеди. Настоящей бедой он считал именно это.

Во всем остальном, кроме этого неприятного случая, жизнь в Прысках протекала мирно, спокойно. Но все же великому князю хотелось иметь в российской глубинке собственный дом – большой, красивый, добротный. Найти подходящее имение он поручил своему управляющему П. Е. Кеппену. После многих поисков и переговоров с хозяевами внимание Кеппена привлекла усадьба Осташёво Волоколамского уезда Московской губернии. Она тоже имела свою нелегкую историю: в начале XIX века принадлежала Н. Н. Муравьеву, три сына которого стали декабристами.

В 1903 году, летом, Константин Константинович впервые приехал в Осташево, чтобы оценить лично, стоит ли покупать имение. 24 июля в его дневнике появляется запись:

> Местность скромная, поля, лесок, песчаная местность. Красив подъезд к дому… Дом большой, каменный, с колоннами… Славные уютные комнаты, вид с террасы прелестный – цветник, за ним спускающаяся к реке лужайка, на ней между берегами и домом пруд с заросшим деревьями островком. Напротив дома, за рекой на правом берегу церковь, очень живописная. Вправо от дома, на высоком берегу тянется тенистый парк.

Словом, ему здесь понравилось. Приглянулось Осташево и Елизавете Маврикиевне, детям. К тому же хозяин имения, Г. К. Ушков, уверил, что со временем его можно сделать доходным. Константин Константинович купил усадьбу и тут же начал перестройку барского дома. После ремонта сюда завезли новую мебель, произведения искусства, рояль, бильярд. Семья стала обживаться в новом доме, радуясь тишине и покою. Но не забыли и о местных крестьянах – было начато строительство школы для их детей.

Огорчало лишь одно – имение так и осталось убыточным, несмотря даже на смену управляющего. Впрочем, особо Константин Константинович по этому поводу не переживал – ведь здесь очень нравилось отдыхать всем членам семьи. Особое раздолье – для детей. Об этом свидетельствуют строки из дневника:

Олег и Игорь так полюбили Осташево, так втянулись в деревенскую жизнь и привязались к сельским жителям, что отъезд отсюда для них горе.

Для самого же великого князя имение стало настоящим приютом отдохновенья, где он мог отвлечься от столичной суеты, законов, которые диктовал нелюбимый им высший свет. А потом вновь погрузиться в творчество, без которого не мыслил существования. Неудивительно, что именно здесь, в Осташево, родились в минуту вдохновенья чудесные поэтические строки:

Люблю тебя, приют уединенный!
Старинный дом над тихою рекой
И бело-розовый, в нем отраженный,
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейливый, но благовонный,
Над цветом липы пчел гудящий рой;
И перед домом луг с двумя прудами,
И островки с густыми тополями.
Люблю забраться в лес, поглубже в тень;
Там, после солнцем залитого сада,
Засушным летом, в яркий знойный день
И тишина, и сумрак, и прохлада…
Люблю присесть на мхом обросший пень:
Среди зеленой тьмы что за отрада,
Когда в глаза сверкнет из-за дерев
Река, зеркальной гладью заблестев!
Под ельника мохнатыми ветвями
Таинственный суровый полумрак.
Ковер опавшей хвои под ногами;
Она мягка и заглушает шаг.
А дальше манит белыми стволами
К себе веселый светлый березняк
С кудрявою, сквозистою листвою
И сочною росистою травою.
Схожу в овраг. Оттуда вверх ведет
Ступенями тропа на холм лесистый;
Над нею старых елей мрачный свод
Навис, непроницаемый, ветвистый,
И потайной пробился в чаще ход.
Там аромат обдаст меня смолистый.
В густой тени алеет мухомор
И белый гриб украдкой дразнит взор.
Другой овраг. Вот мост желтеет новый.
С него взберусь опять на холм другой,

И прихожу, минуя бор сосновый,
К отвесному обрыву над рекой.
Мне видны здесь: отлив ее свинцовый,
Далекий бег и заворот крутой,
Простор, и гладь, и ширь, и зелень луга
Прибрежного напротив полукруга.
А вдалеке на берегу наш дом
С колоннами, классическим фронтоном,
Широкой лестницей перед крыльцом,
Двумя рядами окон и балконом.
Смеркается. Малиновым огнем
Река горит под алым небосклоном.
Уж огонек между колонн в окне
Из комнаты моей сияет мне.
Домой, где ждет пленительный, любимый
За письменным столом вседневный труд!
Домой, где мир царит невозмутимый,
Где тишина, и отдых, и уют!
Лишь маятник стучит неутомимый,
Твердя, что слишком скоро дни бегут…
О, как душа полна благодаренья
Судьбе за благодать уединенья!

Но желанное уединенье – нечастый подарок. Константину Константиновичу вновь и вновь приходится с головой окунаться в дела, решать разнообразные проблемы, встречаться со многими людьми. Принадлежность к императорской семье, высокое положение в обществе отнюдь не освобождают его от каждодневных обязанностей. А на рубеже веков их у него становится еще больше, чем прежде. Судьба переворачивает очередную страницу жизни великого князя. Начинается новая увлекательная глава, открывающая широкие горизонты. Хотя пролог к ней был совсем не веселый…

Глава восемнадцатая
«Отец всех кадет»

Вернувшись домой в конце июля 1899 года из чудесной поездки по Черногории, великий князь узнал, что в Преображенском полку в его отсутствие произошла большая неприятность – растрата. Виновны будто бы офицеры. Правда это или нет, он пока не знал. Но упорные слухи об этом распространялись в окружении великого князя Владимира Александровича, занимавшего пост командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Константин Константинович очень переживает – подобное во вверенном ему воинском подразделении случилось впервые. Особенно неприятен вопрос, заданный ему Владимиром: не знает ли он кого-нибудь, кому мог бы сдать полк?

> Я был огорошен и внутренне возмущен, но сидел молча, не возражая ни словом и не оправдываясь. Когда он кончил, я доложил, что следствие обнаружило причастность к преступлению только трех негодяев и не предполагает и возможности целой шайки. Наконец, Владимир дал мне совет обо всем этом переговорить с его начальником штаба Васмундом.

К счастью, опасения о недоверии к нему как к командиру полка не оправдались. Генерал Г. Р. Васмунд объяснил, что Владимир Александрович еще до печального происшествия в полку говорил с ним о том, что лучшая кандидатура на должность главного начальника военно-учебных заведений Российской империи – именно великий князь Константин Константинович. Поэтому вполне очевидно, что совет родственника сдать полк не имеет ничего общего с совершенным несколькими офицерами преступлением.

Через пару недель, в середине августа, генерал-лейтенант И. И. Якубовский официально сообщил великому князю о грядущем назначении. Вступить в новую должность Константину Константиновичу нужно будет через три месяца, а именно 14 ноября.

Хоть и лестно было для Константина Константиновича новое назначение, а все же сердце болезненно сжималось при мысли о том, что придется вскоре покинуть преображенцев.

А ему так хотелось отпраздновать с ними юбилей – десять лет

командования полком! Это должно было произойти в 1900 году, тогда же исполнялось два столетия со времени дарования Преображенскому полку наименования лейб-гвардии. Великий князь мечтал о том, как пройдет в этот торжественный день парадным маршем во главе подчиненных…

Есть и еще одна – весомая – причина для волнений. В эти недели он самозабвенно репетирует роль Гамлета и боится, что его появление на подмостках, да еще на придворной сцене, где его увидит все общество, сразу же после вступления в новую и важную должность, может произвести очень невыгодное впечатление. «Скажут, и не без основания, что не успел я взяться за новую обширную деятельность, как уже ломаюсь на театре».

Константин Константинович не может переломить ход событий. Правда, фортуна ему благоволит: генерал-лейтенант Якубовский говорит, что назначение его состоится не раньше великого поста. И это замечательно! Значит, сумеет все же сначала сыграть принца датского, а потом уж возьмется за воспитание кадет…

Но прежде надо многому научиться самому. Поэтому почти каждый день, несмотря на огромную занятость, Константин Константинович не менее часа посвящает чтению литературы о военно-учебных заведениях.

…Указ о его назначении главным начальником военно-учебных заведений был подписан императором 4 марта 1900 года. И хотя это произошло раньше десятилетнего юбилея полка и великому князю так и не удалось пройти парадным маршем, имя его сохранено в списках среди других преображенцев.

15 марта он впервые прибыл к новому месту службы – в здание Главного управления военно-учебных заведений, которое находилось на Васильевском острове по адресу Кадетская линия, д. 3–5. Ему представили ближайших помощников, с которыми Константину Константиновичу придется служить многие годы. С генералами, полковниками и подполковниками он поздоровался за руку, остальных офицеров приветствовал легким кивком головы. В эти минуты его смущал вопрос, как же правильно обращаться к воспитанникам военных заведений: на «вы» или на «ты»? Так и не решив его для себя, заехал после знакомства с подчиненными к государю, рассказал ему о своих сомнениях, спросил совета. Николай II, поразмыслив, решил: правильно будет к кадетам обращаться на «ты», а к юнкерам и пажам – на «вы».

Службу в новой должности великий князь начал с инспекционной поездки по провинции – на обратном пути из Берлина, куда он незадолго до этого выехал, чтобы принять

участие в торжествах по случаю совершеннолетия наследника германского престола кронпринца Фридриха Вильгельма. Почти месяц ушел на то, чтобы познакомиться с подведомственными ему теперь заведениями в Пскове, Воронеже, Орле, Елизаветграде, Полоцке, Чугуеве, Одессе, Киеве, Вильно, Варшаве…

Удивительно, как в душе одного человека уживались черты натуры поэтической, возвышенной, и военного, привыкшего жить по уставу. Редкий, но замечательный сплав! Буквально по минутам был расписан маршрут каждой поездки – все четко, грамотно, с пользой для дела. Константин Константинович не жалел часы, а порой и целые дни проводить в беседах с воспитанниками и офицерами. Всегда старался вникнуть в самую суть – ведь не потемкинские деревни ему были нужны, а правда о воинской жизни! Поэтому и замечал он больше, чем хотели ему порой показать местные «отцы-командиры». Безусловно, для этого нужен особый талант, душевная чуткость, наблюдательность.

Колесил великий князь по России на поезде. А сопровождал его в этих поездках очень интересный человек – генерал А. Д. Бутовский. Высокообразованный, обладающий разносторонним талантом, он стоял у истоков современного олимпийского движения. Когда в 1894 году был создан Международный олимпийский комитет, Алексей Дмитриевич вошел в его состав как представитель одного из 12 государств – Российской империи. Генерал Бутовский был автором многих трудов по теории и методике физической подготовки в армии и учебных заведениях, но нам интересны прежде всего его воспоминания, в которых он подробнейшим образом описал не только походный быт великого князя Константина Константиновича, но и его занятия во время инспекционных поездок. А. Д. Бутовский, в частности, писал:

> Смотры великого князя нельзя ни в коем отношении ставить в параллель со смотрами, как они обыкновенно делаются. У него была драгоценная способность быть очень представительным там, где это нужно по самой сущности дела, и отрешаться от этой формальности, когда она не требуется ни для поддержания достоинства начальника, ни для внушительности смотра.

С особым уважением, даже восхищением, генерал отмечал организованность и работоспособность своего августейшего командира:

> Я должен сказать об удивительном умении великого

> князя пользоваться своим временем и об чрезвычайной его работоспособности. В пути у него всегда были определенные часы для работы, и я замечал, что, раз принявшись за работу, он уже сосредоточивал на ней все свое внимание… Он даже в дороге успевал сделать обыкновенно очень много, и работа у него спорилась не хуже, как в спокойные домашние часы. В вагоне он написал много чудных стихов… набрасывал сцены для «Царя Иудейского»… успевал прочитать целые тома серьезных сочинений по разным отраслям знаний для своих библиографических статей, не говоря уж об объемистых бумагах и делах, присылаемых ему из разных ведомств.

И сегодня, спустя многие десятилетия после своей кончины, великий князь Константин Константинович может служить образцом высокого служения избранному делу. Популярность великого князя в обществе была настолько высока, что знаменитый московский журналист того времени Владимир Гиляровский поздравил кадет сразу же после нового назначения Константина Константиновича, состоявшегося накануне Святой пасхальной недели, стихами:

> С праздником, детки!
> И праздник большой
> Выдался нынче: назначен к Святой
> Чудный начальник, из царского рода.
> Он понимает и горе народа,
> Дорог ему и последний солдат,
> Он и отец, и начальник, и брат.

Сам же великий князь искренне тянется к военной молодежи. Была бы его воля, он бы все время отдавал кадетским корпусам и военным училищам. Об этом он признается в дневнике. Вспоминает, как, командуя когда-то ротой, не знал большего удовольствия, чем остаться среди солдат, по возможности без офицеров, и говорить, говорить с ними по душам. Теперь же его неудержимо тянет в среду юнкеров и кадет, причем начальство ему мешает, хотелось бы остаться наедине с этой молодежью, вникать без «надзирающего ока» в ее проблемы. В один из весенних дней 1900 года он пишет: «Не могу не шутить с этой молодежью, кого по голове поглажу, кому запущу палец за воротник, похлопаю по плечу, возьму за нос и т. д.» И эти подростки, почти совсем еще мальчишки, чувствуют сердцем его

доброту, полностью доверяют Константину Константиновичу. А иногда и попросту забывают, что перед ними очень высокий начальник, член императорской фамилии. «Младшая рота при мне после обеда играла. Шум как в сумасшедшем доме. Милые дети!»

Правда, некоторые из этих «милых детей» порой заставляли его разгадывать такие ребусы, что не позавидуешь. А он – ничего, справлялся, причем с явным удовольствием. В 1972 году в журнале «Кадетская перекличка» (№ 2) были опубликованы воспоминания дочери великого князя – княжны Веры Константиновны, которые могут послужить прекрасной иллюстрацией той любви и доверия, которые испытывали очень многие кадеты к ее отцу:

> …Один кадет, по фамилии Середа, за «тихие успехи и громкое поведение» был выставлен из двух корпусов – Полтавского и Воронежского.
>
> Тогда он решил обратиться за помощью к моему отцу. Он отправился в Павловск. Швейцар его не допустил. Тогда, недолго думая, Середа обошел парк, влез на дерево, чтобы произвести разведку. Увидев, что отец мой находится в своем кабинете, он туда вошел. Услышав шорох, отец поднял голову и, сразу узнав мальчика, спросил:
>
> – Середа, ты здесь что делаешь?
>
> Середа, сильно заикаясь, ответил:
>
> – Ввв-аше иии-мператорское ввв-ысочество – ввв-ыперли!
>
> – Так, – сказал отец. – Что же ты теперь думаешь делать?
>
> На это Середа, не задумываясь, воскликнул:
>
> – Ввв-аше иии-мператорское ввв-ысочество – д-д-думайте в-в-ы!
>
> Мой отец «подумал», и шалун был назначен в Одесский кадетский корпус, который окончил. Он вышел в кавалерию. В I Великую войну отличился, заслужил Георгиевский крест и пал смертью храбрых…

Константин Константинович помогал очень многим кадетам, едва вступающим в жизнь. Он прекрасно понимал, что проштрафившимся мальчишкам обязательно надо дать шанс исправиться, проявить себя с хорошей стороны. Поэтому и склонен был «не казнить, а миловать». В бытность свою главным начальником военно-учебных заведений, великий князь почти никогда не утверждал приговоров об исключении кадет из

корпусов. Он не хотел губить их будущее, считая, что раз родители отдали сына на воспитание государству, они вправе рассчитывать, что он окончит корпус. Если же кадет балуется или плохо учится, то это вина его воспитателя, за которую нельзя наказывать ребенка, а тем более его родителей.

В 1909 году был опубликован сонет К. Р., который называется «Кадету»:

Хоть мальчик ты, но, сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой.
Ты не один: орлиная вы стая.
Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края.
Но подвиги и славные дела
Свершить лишь тем, в ком доблесть расцвела:
Ей нужны труд и знанье, и усилья.
Пускай твои растут и крепнут крылья,
Чтоб мог и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за царя.

Вскоре эти строки знал уже каждый, кому выпало счастье носить имя российского кадета. Ведь великий князь Константин Константинович успел к этому времени завоевать у воспитанников всех кадетских корпусов императорской России самую горячую, искреннюю любовь. Неудивительно поэтому, что в русской армии в те годы его называли не иначе, как «отец всех кадет».

К моменту назначения великого князя в 1900 году на должность главного начальника военно-учебных заведений, в стране широкое распространение получили революционные настроения, направленные на подрыв основ государственности. Его идеи прочно укоренились в умах многих студентов гражданских вузов, стали они постепенно проникать и в военные учебные заведения. Одной из главных своих задач Константин Константинович считал борьбу за юные, не окрепшие еще души кадет. Только осуществлял он ее не репрессивными методами, памятуя недавние студенческие волнения и реакцию на них правительства, а выдвигая главными тезисами в этой борьбе духовность и нравственность.

Дело воспитания кадет он повел так тонко и искусно, что со стороны могло показаться: никакой реформы не было. Даже

старый кадетский катехизис остался в том виде, как и раньше. Но Константин Константинович сумел наполнить его новым смыслом, основа которого – духовность православного русского воинства, призванного своими делами соответствовать Божьей заповеди: «Больше сея любве никтоже имать, да кто душу положит за други своя».

Он говорил о том, что «звание воина почетно, а кадета, как будущего офицера, особенно». Но одного звания – мало. «Недостаточно надеть форму кадета, а затем и офицера – надо суметь с достоинством пронести ее через всю жизнь». Великий князь выступал за отмену в армии унизительных телесных наказаний. Выступая перед своими воспитанниками, он говорил:

> Издеваться над солдатом, тем более бить его – нельзя. Его можно и должно любить, учить и суметь сделать из него истинного воина – слугу царя и родины. На это способен только образованный офицер. Нельзя поэтому отворачиваться от науки. Нужно знать не только математику и физику, но и русскую литературу, историю, географию, музыку.

А в своем знаменитом приказе от 24 февраля 1901 года о воспитании военной молодежи Главный начальник военно-учебных заведений писал:

> Поддерживая все свои требования с принципиальной строгостью и устанавливая самый бдительный надзор, закрытое заведение обязано, по мере нравственного роста своих воспитанников, постепенно поднимать в них сознание человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может оскорбить или унизить это достоинство.

Константин Константинович понимал, что ему нужны умные, толковые помощники. И он всегда умел их найти. Не боялся назначать директорами кадетских корпусов молодых полковников, отстраняя от дел – быстро и тактично – тех, чьи взгляды на воспитание подрастающей воинской смены явно устарели. В бытность его главным начальником военно-учебных заведений в столице открылись курсы офицеров-воспитателей, к преподаванию на которых великий князь привлек лучших в Санкт-Петербурге профессоров. Все воспитанники кадетских корпусов должны были впоследствии пройти через эти курсы. После их окончания они возвращались в корпуса, причем, по свидетельству одного из офицеров, «точно хорошо вымытые и

освеженные в прекрасной бане».

Вскоре после своего назначения великий князь добился того, что кадетским корпусам были возвращены их прежние знамена, сданные в архив после переименования их в военные гимназии. И сразу же отдал распоряжение во время парадов выносить знамена в строй «как наивысшую воинскую святыню и лучшее украшение кадетского строя». Были, правда, и такие корпуса, у которых знамен не было. Благодаря усилиям Константина Константиновича 12 ноября 1913 года эта несправедливость была устранена. И он считал своим долгом лично вручать их каждому кадетскому корпусу в торжественной обстановке, «испытывая при этом гордость и восторг вместе с кадетами, видя знамя в строю корпуса».

Усилия великого князя Константина Константиновича в деле воспитания будущих воинов дали блестящие результаты. Еще до начала русско-японской войны многие высокие чины императорской армии отмечали, что из кадетских корпусов в военные училища стали приходить образованные, широко мыслящие и трудолюбивые юноши, которые страстно желали служить Отечеству.

Вот как об этом вспоминает кадет-писатель Сергей Двигубский:

> На этих кадетских дрожжах и поднималось пышное тесто корпуса офицеров Российской императорской армии. Кадетские корпуса прививали любовь к Родине, армии и флоту, создавали военное сословие, проникнутое лучшими историческими традициями, вырабатывали тот слой русского офицерства, на крови которого создавалась российская военная слава. Кадетская среда и обстановка воспитывали жертвенность, и поэтому не пустыми словами в жизни кадет являлась формула: «Сам погибай, а товарища выручай».

Гордостью за свой родной кадетский корпус и царившую в нем систему воспитания проникнуты воспоминания бывшего кадета Воронежского Михайловского кадетского корпуса Анатолия Маркова 1-го, который проходил обучение в нем в начале XX века:

> В те времена никто не внушал кадетам любви и преданности царю и Родине и никто не твердил им о долге, доблести и самопожертвовании. Но во всей корпусной обстановке было нечто такое, что без слов

> говорило им об этих высоких понятиях, говорило без слов детской душе о том, что она приобщалась к тому миру, где смерть за Отечество есть святое и само собой разумеющееся дело. И когда впервые десятилетний ребенок видел, что под величавые звуки «Встречи» над строем плыло ветхое полотнище знамени, его сердце впервые вздрагивало чувством патриотизма и уже навсегда отдавало себя чувству любви к тому, что символизировало мощь и величие России…Так, незаметно, день за днем, без всякого внешнего принуждения, душа и сердце ребенка, а затем и юноши, копили в себе впечатления, которые формировали личность. Вот этими-то путями незаметно внедрялось то, что потом формировалось в целое и крепкое мировоззрение, основанное на вере в Бога, на преданности царю и Родине и готовности в любой момент сложить за них свою голову…

Анатолий Марков писал воспоминания в 1961 году, на склоне лет. Многое повидав и пережив в жизни, он со всей определенностью утверждал:

> Особенную солидарность и веру в себя самих внес в кадетский быт великий князь Константин Константинович, сыгравший в жизни и воспитании кадет последнего перед революцией периода времени совершенно исключительную роль.

…Трудно переоценить заслуги великого князя перед российскими кадетами. Еще в 1900 году, вскоре после его назначения на должность Главного начальника военно-учебных заведений, в журнале «Разведчик» было опубликовано посвященное ему стихотворение Владимира Гиляровского:

Много заслуг пред страною родною,
Хоть он и молод, уж есть у него —
Любит людей! Это выше всего.
Этим примером, друзья, вдохновитесь,
Так же солдата любить научитесь,
Мало быть храбрым, за Родину лечь,
Надо солдата уметь поберечь
В мирное время. И в серой шинели
Надо, чтоб сердце увидеть сумели,
Чтоб не забыли, друзья, вы о том,
Что у солдата на Родине дом…

Верно подметил известнейший русский журналист: Константин Константинович любил людей. И именно это для офицера и педагога – «выше всего». Поэтому многие годы сохранялась память о *своем* великом князе в русских кадетских корпусах, рассеянных по всему миру…

Глава девятнадцатая
Вздыбленная Россия

…Год 1904 стал грозным предвестником бурь, которым вскоре суждено потрясти Россию. 27 января в дневнике великого князя появляется тревожная запись:

> Газеты запоздали… Ухватился за «Правительственный вестник», где напечатана была телеграмма из Порт-Артура: «в ночь на сегодня… японские миноноски напали на стоявшие на внешнем порт-артурском рейде суда»… Итак, война вспыхнула. Да будет воля Божия!

А ведь совсем недавно, перед придворным балом, который состоялся 19 января, к Николаю II подошла с вопросом о возможности начала боевых действий против Японии жена русского посла в Лондоне графиня Бенкендорф. Ее волновала прежде всего судьба сына, который служил на одном из кораблей нашей эскадры в Порт-Артуре. Император ответил: «Я войны не хочу, и ее не будет».

В тот же вечер в разгар веселья, в бальную залу прибыл офицер Генштаба с телеграммой об атаке русского флота японскими миноносцами. Невольно вспоминаются слова, сказанные об императоре военным теоретиком генералом Михаилом Ивановичем Драгомировым, преподававшим когда-то Николаю Александровичу тактику: «Сидеть на престоле – годен, но стоять во главе России – неспособен».

Каковы же истоки русско-японской войны, страшным последствием которой стала первая русская революция?

Они уходят корнями в 1894 год, когда Япония напала на Китай, начав тем самым первую японско-китайскую войну. Предлогом было введение в Корею китайских войск для оказания военной помощи в усмирении вспыхнувшего там крестьянского бунта. Правительство Японии посчитало это нарушением прежних японско-китайских соглашений. Среди многочисленных военных операций оказалась и высадка японских войск в китайском городе Люйшунь, впоследствии названном Порт-Артуром, где было вырезано 18 000 мирных жителей. В живых японцы оставили только 36 человек, которых заставили копать могилы для убитых. Одержав победу в этой войне, Япония вынудила Китай подписать в 1895 году Симоносекский договор. В

числе отошедших Японии территорий оказался и полуостров Ляодун, где находился Люйшунь, а также стратегически важный залив, омывавший его.

Правительства России, Франции и Германии были чрезвычайно обеспокоены усилением Японии в этом регионе и в ультимативной форме потребовали вывода японских войск с полуострова. Япония не могла сдержать натиск этих стран без поддержки Великобритании, но ее правительство порекомендовало Японии не обострять конфликт, и та вынуждена была вернуть залив Китаю. В 1898 году Россия получила часть полуострова Ляодун в аренду на 25 лет и построила на нем свою военную базу.

30 января 1902 года был подписан англо-японский договор, обеспечивавший Стране восходящего солнца поддержку Великобритании. А в конце 1903 года Япония завершила программу подготовки к войне. Правящие круги этой страны убедились, что Российская империя добровольно не уступит своих позиций на Дальнем Востоке. Поэтому единственным путем для осуществления своих захватнических планов в Корее и Маньчжурии японское правительство считало войну с западным соседом. В этих условиях верхушка внешней политики Японии решила вступить в переговоры с российским руководством, надеясь, что они затянутся в связи с неуступчивостью царского правительства. Именно это и можно будет использовать, считали японские дипломаты, как предлог для объявления войны!

Переговоры начались в августе 1903 года. Россия лавировала и постепенно шла на уступки, но это совершенно не устраивало Японию.

В это время статс-секретарь А. М. Безобразов, пользовавшийся большим доверием у Николая II, составил записку о неизбежности войны с Японией и предложил путем создания мнимых коммерческих предприятий начать мирное завоевание Кореи. Этот совершенно авантюрный проект получил поддержку императора и привлек немалые частные средства, несмотря на противодействие министра финансов С. Ю. Витте. Пользуясь расположением государя, Безобразов добился остановки эвакуации русских войск из Маньчжурии и учреждения Особого комитета по делам Дальнего Востока, став к тому же его членом. И война тогда действительно едва не началась.

13 января 1904 года Япония предъявила Российской империи ультиматум. Отвергнув предложения царского правительства, она потребовала безоговорочного признания Российской империей японских требований и прав Японии и других держав в Маньчжурии. 16 января 1904 года американский посланник

телеграфировал в Вашингтон, что русские уступают Японии «во всем». И это, к сожалению, было правдой. 20 января царь утвердил ответ Российской империи, и он тут же был отправлен телеграфом в Токио и в Порт-Артур. 22 января об этом ответе официально поставили в известность японского посланника в Санкт-Петербурге. А на следующий день, решив опередить ответ русских, министр иностранных дел Японии Комура отдал распоряжение «прекратить настоящие бессодержательные переговоры» и прервать дипломатические отношения с царским правительством.

Решение о начале войны против России в Японии приняли 22 января 1904 года на совместном заседании члены тайного совета и все министры. А уже в ночь на 23 января было отдано распоряжение о высадке японских войск в Корее и об атаке русской эскадры в Порт-Артуре. Вслед за этим 24 января Япония официально объявила о разрыве дипломатических отношений с Российской империей и стала требовать у противника возвращения Порт-Артура.

26 января японская эскадра контр-адмирала С. Уриу блокировала Чемульпо, собираясь прикрыть высадку своего десанта и не допустить вмешательства русского крейсера «Варяг». В тот же день канонерка «Кореец» отправилась в Порт-Артур, но по выходе из порта была атакована и после этого вернулась на рейд.

Капитан «Варяга» Всеволод Федорович Руднев получил от Уриу ультиматум: до 12 часов покинуть порт, иначе русские корабли будут атакованы на рейде. Руднев принял решение прорваться с боем в Порт-Артур, а в случае неудачи взорвать корабль. В полдень «Варяг» и «Кореец» вышли из Чемульпо. Капитаны иностранных судов, стоявших на рейде, не ожидали от русских такой смелости и были ею восхищены. Французские и английские корабли встретили гордо идущий навстречу врагу «Варяг» оркестром. Капитаны этих кораблей отдали честь русским морякам.

При выходе из порта на расстоянии 10 миль русские корабли встретили японскую эскадру, занимавшую позицию за островом Йодолми. Уриу сигналом предложил нашим морякам сдаться, но, не получив от них ответа, открыл огонь. Неравный бой длился в течение часа. За это время крейсер «Варяг» выпустил по противнику 1105 снарядов, а канонерка «Кореец», вступившая в бой позже, – 52 снаряда. Согласно рапорту командира «Варяга», огнем, выпущенным с крейсера, был потоплен один миноносец и повреждены 3 японских крейсера, противник потерял около 30 человек убитыми и около 200 ранеными.

Во время этого сражения «Варяг» получил 5 подводных пробоин и лишился почти всех орудий, многие члены экипажа были убиты и ранены. На «Корейце», к счастью, потерь не было. Русские моряки больше не имели возможности вести бой и вернулись в Чемульпо. Сначала они собирались отремонтировать «Варяг», но, когда выяснилось, что повреждения у крейсера очень серьезные, его затопили, а канонерку «Кореец» взорвали.

В столице с тревогой следили за сообщениями с театра военных действий. 28 января в Зимнем дворце был отслужен молебен.

Экипажи обоих судов приняли на борт иностранные моряки и не выдали их противнику, несмотря на требования японского командования. Затем же наши герои через нейтральные порты вернулись на родину.

Летом 1904 года, несмотря на то что великий князь очень занят в Академии наук, его не оставляют мысли о войне. После того как на Дальний Восток направлены корабли Балтийского флота, он, понимая, что враг значительно сильнее, высказывает опасения: «Теперь уже не следовало бы посылать в Тихий океан Балтийскую эскадру; она была бы отправлена туда прямо на убой, так как японский флот втрое сильнее». А через месяц, в сентябре, его волнения лишь усиливаются: «Наш флот несравненно слабее японского, а за приблизительно восемь месяцев, что тянется война, у нас ничего не сделано, чтобы его увеличить, даже некоторые верфи пустуют».

Дома, в Мраморном дворце, постоянно обсуждается положение дел на флоте, на Дальнем Востоке и естественным образом эти разговоры переходят на политические темы. И хозяин и гости отмечают всеобщее недовольство происходящим, и это, естественно, приводит «к очень грустным выводам».

Один из них для великого князя просто страшен: он все больше и больше задумывается о слабости царской власти. Размышляя об этом изо дня в день, он находит немало общих черт в состоянии современного ему общества и ситуации, которая складывалась в российской общественной жизни в конце 1870-х годов. Тогда, в дни его юности, по стране прокатились волны террора. Правительство растерялось, но власть все же чувствовалась. Теперь же она пошатнулась, и беда – в этом страшно признаться даже самому себе! – в безволии государя. Гнетущее душевное состояние находит выражение в строках дневника: «Смута растет, и чувствуется впереди что-то неведомое, но неминуемое и грозное».

Интуиция его не обманывает, осенью в столице начинаются волнения. В конце ноября на Невском проспекте произошли

беспорядки, там собирались большие толпы митингующих. В основном это «учащаяся молодежь, некоторые с красными флагами». Но, как бы ни любил Константин Константинович студенчество и молодежь в целом, революционные выступления ему совершенно не по душе, более того, он убежден: революция гибельна для России. Будучи монархистом, он, конечно, выступает за самодержавие и радуется, когда «полиции удалось… толпу разогнать и порядок был водворен…»

В творчестве поэта К. Р. надвигавшаяся на родную страну революционная сила отклика не нашла. Но в дневнике великого князя этого периода центральное место занимают именно общественно-политические события. Как офицер, он отчетливо понимает их опасность не только для гражданского общества, но и для армии, и пишет в начале декабря: «Зараза, как гангрена, все глубже и дальше разъедает Россию, не щадя и войска. Ужели и они не устоят перед напором пропаганды?»

А революция уже у порога общего дома – России. И недоверие народа к правительству, которое оказалось слабым в роковой для отечества час, растет с каждым днем. По всей стране в эти дни распространилась горькая реплика генерала М. И. Драгомирова, который со скептицизмом отзывался о способностях русского самодержца: «Бьем японцев образами наших святых, а они лупят нас ядрами и бомбами. Мы их образами, а они нас пулями…»

Неудачная шутка много повидавшего на своем веку военного? Вовсе нет. В течение всего 1904 года Николай II ездил по многочисленным российским городам и весям и напутствовал отправляющихся на русско-японский фронт солдат и офицеров. Благословлял их и раздавал образа. И люди все это знали, видели, делали выводы…

Великий же князь, человек до недавних пор в общем-то аполитичный, теперь ни дня не может обойтись без обсуждения текущих событий. Правда, он с горечью осознает, что бессилен повлиять на них, поэтому занимает несколько отстраненную позицию. И это не может не вызвать осуждения в правительственных кругах. В декабрьские дни, когда напряжение в обществе стало угрожающим, министр финансов С. Ю. Витте, с которым Константин Константинович постоянно взаимодействовал на заседаниях Комитета министров, так охарактеризовал его: «…Великий князь Константин Константинович… человек благородный, образованный, с традициями своего отца великого князя Константина Николаевича, не глупый, но не орел».

…В начале декабря К. Р. написал стихотворное послание «Портартурцам», желая поддержать их морально:

Среди громов и молний бури бранной
Твердыни вы незыблемый оплот.
Смерть, в очи вам глядяся непрестанно,
Борцам венцы бессмертия плетет.
О, страстотерпцы! Мукой несказанной
Запечатлен осады грозный год…
За ужасы лишений и невзгод
Блеснет ли вам свободы день желанный?
Вы претерпеть готовы до конца;
Богатырей в вас ожили сердца
С их мужеством, отвагою и рвеньем.
России слава, гордость и любовь,
За подвиг ваш, страдания и кровь
Мы скорбью платим вам и восхищеньем.

А через две недели, 20 декабря, Порт-Артур пал. Для многих жителей столицы, находившихся вдали от театра военных действий, в том числе и для Константина Константиновича, это был тяжелый удар. На следующий день после поражения наших моряков он сделал лаконичную запись в дневнике: «Ужасная весть».

Поражения русской армии следовали одно за другим. Многие понимали, что это закономерно. Все меньше оставалось в России людей, которые продолжали надеяться на успех в войне. Император же пытался в начале 1905 года обнадежить самых доверчивых: «Со всей Россией верю, что настанет час нашей победы и что Господь Бог благословит дорогие мне войска и флот дружным натиском сломить врага и поддержать честь и славу нашей Родины». Но это всего лишь слова. Они выглядят насмешкой над здравым смыслом, возможно – заблуждением недальновидного человека, волей судьбы поставленного у кормила власти.

Начало 1905 года оказалось очень тревожным. На Крещение, во время крестного хода, произошло нечто невообразимое. В то время когда на Неве начался салют, с правого берега, со стороны Васильевского острова и моста (ныне Дворцовый мост), было произведено несколько выстрелов. Била картечь. В Зимнем дворце оказалось разбито несколько окон, убит городовой. Провели расследование, в ходе которого выяснилось: выстрелы произведены из орудий, находившихся около Биржи. В народе поговаривали, что это грозное предзнаменование.

Утром 8 января великий князь записал в дневнике:

«Забастовали Путиловский и Невский заводы». А вот строки, появившиеся несколько часов спустя:

> Ожидают, что в воскресенье десятки, если не сотни, тысячи рабочих соберутся на площади перед Зимним дворцом, чтобы заявить свои требования самому государю. Но он в Царском. Мне кажется, что власти потеряли голову.

Но при всей озабоченности Константина Константиновича происходящим все же не следует забывать: его оценка январских событий 1905 года – это взгляд человека из дворца. Попытаемся же восстановить ход событий, ставших началом Первой русской революции.

Итак, антиправительственные настроения достигли апогея. 28 декабря 1904 года состоялось заседание Собрания русских фабрично-заводских рабочих, своеобразного профсоюза и культурно-просветительного кружка, который возглавлял священник Георгий Гапон. На нем было решено начать выступление. Поводом для этого стало увольнение четырех рабочих Путиловского завода, где трудились многие из членов этой организации.

3 января 1905 года началась забастовка на Путиловском заводе. На следующий день остановили свои станки рабочие франко-русского судостроительного и Семянниковского заводов. В умах забастовщиков родилась идея подачи Николаю II петиции о народных нуждах, которая быстро получила популярность у заводчан. Эта петиция, верноподданническая по форме, по сути своей содержала радикальные для того времени экономические и политические требования: отмену косвенных налогов, на которых основывалась вся налоговая система, и замену их прямым прогрессивным подоходным налогом, отмену выкупных платежей, дешевый кредит и постепенную передачу земли народу, что на деле означало ликвидацию поместного землевладения, разрешение деятельности профсоюзов, введение восьмичасового рабочего дня. Политические же требования включали немедленное освобождение и возвращение всех совершивших преступления и находившихся в заключении революционеров, объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, совести, равенства перед законом всех без исключения. Выдвигалось также требование создания органа народного представительства – парламента.

Вскоре после подачи этой петиции царю было организовано массовое шествие к Зимнему дворцу, которое возглавит священник Гапон.

5 января бастовали уже несколько десятков тысяч рабочих на многих заводах столицы. А через два дня в последний раз вышли газеты. С 7 января забастовка распространилась и на типографии. Великий князь в это время пишет:

> …На Путиловском, Невском и некоторых других заводах рабочие не только забастовали, но тысячными толпами ходили по улицам, требуя от рабочих других заводов, фабрик, мастерских, типографий и пр., чтобы там прекратили работу, грозя в противном случае насилием.

Из дневника Николая II и ряда исторических документов следует, что принятие к рассмотрению требований рабочих и встреча с их делегатами в планы императора и членов его кабинета министров не входили. Все предварительные приготовления сводились лишь к недопущению рабочих колонн к Зимнему дворцу. Сам государь не планировал приехать в столицу, и в день, который вошел в историю как Кровавое воскресенье, оставался в Царском Селе.

Накануне 9 января император потребовал навести в столице порядок, и город был наводнен солдатами и казаками. Пытаясь предотвратить катастрофу, делегация интеллигенции вечером 8 января сделала попытку встретиться с Николаем II, но он от встречи уклонился. Ничего не дало и обращение к министру финансов Сергею Витте. Тогда делегация, состоящая из десяти человек и возглавляемая Максимом Горьким, направилась к министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому с требованием отмены некоторых предпринимаемых правительством мер. Но министр отказался принять депутатов, более того, через три дня почти все они были арестованы.

Вечером 8 января по приказу градоначальника Санкт-Петербурга в столице были вывешены объявления, в которых говорилось, что демонстрации запрещены и принимать участие в них опасно.

…Утром 9 января собравшиеся на рабочих окраинах многолюдные колонны начали движение к центру города. Их общая численность достигала 200 тысяч человек. Колонны демонстрантов в нескольких местах были встречены кордонами военных и полиции. Солдаты, получившие приказ рассеять толпу, произвели несколько холостых выстрелов поверх голов демонстрантов, однако желаемого эффекта это не произвело. Через несколько минут началась стрельба уже боевыми патронами, в том числе и по убегавшим людям. В результате возникла паника, что лишь увеличило число погибших и раненых.

Столкновения произошли у Нарвской заставы, на Шлиссельбургском тракте, Васильевском острове и Выборгской стороне.

Сведения об убитых и раненых впоследствии приводились разные. Есть основания полагать, что пострадали сотни людей.

На следующий после Кровавого воскресенья день великий князь пишет в дневнике:

> Слухи, ходившие по городу о том, что 9-го числа стачечники или рабочие намереваются собраться на Дворцовой площади, чтобы подать прошение государю, оправдались. Приняты были меры: пехота оберегала подступы к дворцу. Войска их задержали, и в некоторых местах были даны залпы.

Эти строки будто написаны сторонним наблюдателем, весьма сдержанным в выражении эмоций. Но не следует забывать, что Константин Константинович – при всех его положительных качествах, несомненном уме и высокой нравственности, был все же представителем императорской семьи. К тому же он многие годы лично симпатизировал Николаю II, хотя после Ходынской катастрофы и не в той мере, как раньше. И все же на него производит «удручающее впечатление… необходимость кровопролития». И далее в дневнике следует риторический вопрос: «Что думает государь?»

Константин Константинович хотел порядка в стране, мечтал о том, чтобы Россия стала цивилизованным государством. Будучи кадровым офицером, зная армейскую жизнь изнутри, он не раз выступал против высокомерного отношения к солдатам, желая видеть их достойными и уважаемыми членами общества.

Однако далеко не все относились в то время с доверием к солдатам, многие видели в них лишь грубую силу. Разногласия великого князя и некоторых академиков в вопросе об отношении к армии даже привели в январе 1905 года к конфликту.

В зданиях Императорской академии наук, расположенных рядом со Стрелкой Васильевского острова, откуда раздались выстрелы во время крестного хода на Крещение, были произведены по горячим следам обыски. А в Зоологическом музее даже разместили временно сводную роту лейб-гвардии Финляндского полка. Это раздражало некоторых сотрудников, и вскоре произошел неприятный инцидент.

Известный антрополог Д. Н. Анучин, проходя мимо личного состава роты, остановился и стал рассматривать солдат. Подобные остановки были запрещены инструкцией, и Дмитрия

Николаевича попросили не задерживаться – проходить. Но ученый не повиновался ротмистру, и тот приказал двум солдатам проводить его восвояси. Значит, со светилом российской науки можно обращаться таким образом? Анучин уперся, и… ни с места. Пришлось солдатам применить силу, в результате шапка ученого оказалась на полу. После этого происшествия Д. Н. Анучин подал президенту Академии наук жалобу об избиении. Константин Константинович провел детальное расследование и вынес вердикт: в описании случившегося есть явная предвзятость.

А вскоре начались новые трения с академиками – теперь уже практически с половиной действительных членов Императорской академии наук. Толчком к развитию конфликта стала публикация 27 января в газете «Русь» «Записки 342 ученых», в которой ученые настаивали на реформе высшей и средней школы. Но требования их носили не столько научный, сколько политический характер, при этом ученые писали, что «академическая свобода несовместима с современным строем России».

Великий князь не разделял взглядов ученых, чьи подписи стояли под документом. В ответ он написал им «возражение», в котором четко сформулировал свою позицию в вопросе вовлечения педагогов и учащихся в политику:

> Деятели ученых и высших учебных учреждений гораздо законнее и верней добились бы академической свободы – этого необходимого условия истинного просвещения, если б освободили нашу бедствующую в смуте и настроении школу от пагубного вмешательства учащих и учащихся в политику. Наконец, вместо заботы «о привлечении свободно избранных представителей всего народа к осуществлению законодательной власти и контролю над действиями администрации» деятели ученых и учебных заведений хорошо сделали бы, если бы позаботились о скором и святом исполнении своего высокого и ответственного учебного долга.

Константин Константинович собирался выступить на общем собрании Академии наук 4 февраля. Но речь пришлось отложить – в этот самый день в Москве от бомбы, брошенной террористом Иваном Каляевым, погиб его кузен и друг великий князь Сергей Александрович.

Император Николай II, во избежание новых террористических актов, на похороны дяди не поехал, более того, отдал распоряжение уведомить всех великих князей письменно, «что не только им нельзя ехать в Москву, но запрещено бывать на панихидах в Казанском или Исаакиевском соборе». Но

Константин Константинович, человек мягкий и тактичный по натуре, на этот раз ослушался государя. В этот же день вместе с женой он выехал в Первопрестольную. Остановились они в Николаевском дворце, у вдовы Сергея Александровича великой княгини Елизаветы Федоровны. Первое, что бросилось в глаза – в городе очень много городовых, с винтовками. А в Кремле наружные часовые даже не отдали честь, потому что винтовки у них заряжены.

…После возвращения в столицу Константин Константинович решил все-таки ответить на «Записку 342 ученых». Но, возражая коллегам, великий князь считал необходимым для себя уважать и мнение других людей. Именно это и помогло сгладить конфликт. 5 марта, перед началом общего собрания Академии наук, он, обращаясь к ее членам, сказал, что, «признавая искренность побуждений академиков, подписавших записку 342-х», продолжает все же «держаться своих убеждений». Не преминул августейший президент подчеркнуть и то, что «своим циркуляром не имел в виду показать неуважение лично к кому-либо из академиков». Эта искренняя речь, обращенная к ученым, тронула их. Все встали со своих мест и поклонились оратору.

…Константин Константинович считал необходимым ввести в стране всеобщее образование, именно с просвещением он связывал свои мечты о лучшем будущем России. Но при этом был глубоко убежден в том, что задача студентов – не занятия политикой, а добросовестная учеба. В противном же случае их надо лишать стипендии, а преподавателей, которые не выполняют своих прямых обязанностей, а бастуют, – казенного содержания. В «возражении» ученым, обратившимся с письмом в газету, великий князь четко выразил свою гражданскую позицию, основанную на том, что учащаяся молодежь – основа будущего страны.

Устав от постоянного душевного напряжения, связанного с разразившейся революцией, от удручающих разговоров о ней, великий князь в середине марта 1905 года уезжает на некоторое время из столицы в свое имение Осташево. Там он встречается с крестьянами, старается вникнуть в их дела. Но в России, вздыбленной революцией, нет места покою и умиротворению. Отголоски грозных событий доносятся и до тихого поместья. Именно в Осташево Константин Константинович узнает о поражении наших моряков в Цусимском сражении, которое привело к гибели значительной части русского флота. Итоги его были восприняты по всей стране как национальная трагедия.

Горечь поражения усугублялась еще и оттого, что японский флот в ходе этого боя, длившегося два дня, 14 и 15 мая, у острова Цусима, не потерял ни одного корабля. Ответственность за потопление 19 наших кораблей и гибель более пяти тысяч моряков российским общественным мнением была полностью возложена на Николая II и царское правительство. Революция вышла на новый виток развития. Оправдывались самые мрачные предчувствия великого князя, о которых он совсем недавно писал в дневнике: «Какой-то злой рок тяготеет над бедной нашей Родиной. Внутри смута, на Дальнем Востоке на войне неудачи».

Константин Константинович добросовестно описывает события, которые становятся хроникой Первой русской революции. В конце июня его потрясает сообщение о бунте моряков-черноморцев:

> Что это творится в России? Какой-то развал, распадение… На броненосце черноморского флота «Потемкин Таврический» настоящий бунт, команда возмутилась, убила командира… Одесса, Лодзь, Севастополь объявлены в военном положении. Отовсюду приходят вести одна страшнее другой…

В Баку рабочие жгут нефтяные промыслы, на улицах – стрельба и резня мирного населения, в Тифлисе – беспорядки. Прокатились они и по Балтийским провинциям, потрясли Польшу, Финляндию. В Москве – забастовки рабочих, Санкт-Петербург увешан красными флагами… Не обошла стороной революция и российскую глубинку – в деревнях крестьяне захватывают помещичьи земли, жгут старинные «дворянские гнезда». 4 августа в дневнике великого князя появляется полная безысходности запись:

> Не могу не тревожиться о тяжелом положении России. Ведь надо признаться, что у нас идет полная революция. Правительство утратило еще с прошлого года всякое значение, и общий развал все более и более расшатывает бедную Россию…

И все же война расшатала не только Россию, но и Японию, несмотря на все ее победы. В конце мая 1905 года через посредничество президента США Теодора Рузвельта она предложила правительству нашей страны вступить в мирные переговоры. Ответ был положительным, и 25 июля в Портсмуте (США, штат Нью-Хэмпшир) открылась дипломатическая конференция, завершившаяся 23 августа подписанием

Портсмутского мира. Согласно его тяжелым условиям, Российская империя уступала Японии южную часть Сахалина, права на аренду Порт-Артура и южной оконечности Ляодунского полуострова, южную ветку Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) от станции Чаньчунь до Порт-Артура; разрешала рыболовному флоту Страны восходящего солнца вести промысел у берегов Японского, Охотского и Берингова морей, признавала Корею зоной японского влияния и отказывалась от своих политических, военных и торговых преимуществ в Маньчжурии. При этом Российская империя освобождалась от уплаты каких-либо контрибуций.

Осенью Константин Константинович едет по делам службы в Оренбург. Но и здесь, вдали от столицы, его не покидают тревожные мысли о будущем. 4 октября он пишет в дневнике о недавнем разговоре кузена, великого князя Николая Михайловича, с Елизаветой Маврикиевной, во время которого двоюродный брат «напугал мою жену, говоря, что всех нас – императорскую фамилию, скоро погонят прочь и что надо торопиться спасать детей и движимое имущество».

Время показало, что Николай Михайлович – знаменитый историк, биограф Александра II, член Французской академии наук – во многом оказался прав. Он действительно лучше других Романовых видел, что Россия подходит к очень опасной черте. Говорил он об этом в полный голос и в результате получил среди родственников прозвище «красный». Его высказывания казались настолько опасными императрице Александре Федоровне, что впоследствии она даже добилась его удаления из столицы на два месяца. Правда, все это не спасло ему жизнь. В 1919 году Николай Михайлович был расстрелян большевиками вместе с тремя другими великими князьями в Петропавловской крепости.

Константин Константинович обладал совершенно иным характером, чем его двоюродный брат. Свои тревожные мысли о будущем России и императорской семьи он доверял лишь дневнику, и, судя по записям осени 1905 года, не разделял ход мыслей кузена:

> Но я не могу и не хочу с ним согласиться и считаю ниже своего достоинства принятие таких мер предосторожности… Надвигаются грозные события, но в чем будут они заключаться? Что еще нам грозит?

В Ташкенте, где Константина Константиновича задержала забастовка железнодорожников, неспокойно, как и во всей Российской империи. Разбушевавшиеся толпы требуют

освобождения политических заключенных, в город введены войска. Они открывают огонь по бунтовщикам, есть убитые и раненые…

Здесь же великого князя застала весть о подписании 17 октября Николаем II манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором сказано о даровании свободы совести и собраний. Все это великий князь называет «новыми вольностями» и считает, что они «не проявление свободной воли державной власти, а лишь уступка, вырванная у этой власти насильно».

На следующий день он полон тягостных дум. «Конец русскому самодержавию», – записывает он в дневнике. Свою же личную позицию он формулирует предельно четко и ясно: «Я – за самодержавие».

1 ноября великий князь вновь приезжает в Оренбург. За время его непродолжительного отсутствия в городе произошли большие изменения. Теперь здесь спокойно, правда неизвестно, надолго ли.

> После красных флагов, революционных песен и насилий… устраивалась большая патриотическая манифестация с иконами, портретами государя, национальными флагами и пением гимна.

Далее путь Константина Константиновича лежит через Москву в Санкт-Петербург. Из-за забастовки железнодорожников, которая охватила практически всю страну, поезд прибыл в столицу с опозданием.

Доложив военному министру об итогах своей поездки, великий князь едет на прием к императору. Видимо, по праву бывшего «отца-командира» он рискнул дать Николаю Александровичу совет – телеграммы, адресованные в воинские части, лучше не заканчивать теперь словами «Пью за ваше здоровье». Раньше они были уместны, теперь же могут оказаться истолкованными превратно.

В столице, как и во всей стране, неспокойно. И с каждым днем волнения нарастают. Распространяются они и в такой тихой еще недавно обители, как Женский педагогический институт. Константин Константинович всегда гордился своей опекой над этим учебным заведением и часто его посещал. 23 ноября он отправляется туда вместе с Елизаветой Маврикиевной и с удивлением узнает, что занятия в институте отменены. Вечером того же дня в его дневнике появляется запись:

> Все идут на сходки, слушательницы разбились на два стана: правые хотят учиться, левые стремятся к устройству в институте митингов с посторонними лицами, профессора тоже раздвоились.

Общему настроению поддалась даже домашняя прислуга. Константин Константинович с удивлением читает подписные листы с требованием об увеличении жалованья. Все настолько смешалось, что удивляться, кажется, уже просто нечему…

Словно поддавшись общему настроению, рано пришла в столицу в этот трудный год и зима. В конце ноября то и дело мела метель, запорошив снегом дома, площади, улицы. Тоскливо на душе, тревожно. О своем ощущении приближающейся опасности великий князь пишет 30 ноября:

> Тревожное настроение по всей России, тяжелый удушливый воздух как перед грозой. Все ждут, когда же наконец будут объявлены выборы в обещанную Государственную думу… Но не грянет ли гром раньше, чем она соберется? Настанет ли восстание или предупредит его диктатура? Страшно. Все ждут чего-то.

7 декабря началась политическая забастовка в Москве. В считаные дни волнения охватили провинцию, национальные окраины Российской империи. Правда, в столице пока на удивление тихо. Видимо, мятежники боятся столкновений с войсками, не забыли о жертвах Кровавого воскресенья. Так или иначе, но Константин Константинович с облегчением записывает 10 декабря в дневнике:

> …Несмотря на объявленное мятежниками вооруженное восстание, в Петербурге на улицах совсем спокойно и замечается большое движение.

Но спокойствие – чисто внешнее, и Константин Константинович хорошо это понимает. Всегда равнодушный к политике, сейчас он ни дня не может прожить без газет, читает их «с жадностью». Правда, с доставкой печатных изданий начались перебои. Раньше почтальон каждое утро приносил их в Мраморный дворец, а вот 19 ноября не явился, и «пришлось послать человека купить». Такое повторится еще не раз. Что ж, приходится прилагать определенные усилия, чтобы своевременно получать информацию, но она все же поступает в срок. Вот хроника декабрьских дней 1905 года – в том виде, как она отражена в дневнике великого князя.

> 13 декабря. В Москве упорно бьются с мятежниками… Но и у нас кое-где насильственно принуждают конки останавливать движение, опрокидывают вагоны. Есть случаи столкновения с полицией и войском, есть раненые и даже убитые…
>
> 17 декабря. В Москве беспорядки прекратились, но в Прибалтийских губерниях и во многих местах России ужасы не ослабевают…
>
> 20 декабря. В Москве положение дел улучшается… в Петербурге тихо.

Понимая, что революция подрывает основы российской государственности, ведет страну к гибели, Константин Константинович уповает на то, что «войскам следовало бы действовать решительнее, тогда бы и неизбежное кровопролитие окончилось скорее». Мысль о необходимости твердых мер, которые должно предпринять правительство, он старается внушить императору. 25 марта 1906 года, встретившись с ним за завтраком, великий князь пытается сказать, что Николаю II «следовало бы важнейших сановников, погрешивших в последнее время в бездействии власти, предать верховному суду. Государь, по-видимому, не против этого, но свел разговор на разбор дел по сдаче Порт-Артура».

Константину Константиновичу явно не хватает проницательности. Не может или не хочет он понять, что нерешительность императора, его слабость как самодержца дошли до критического предела, за которым – неизбежный распад страны. Способствует этому и бездарность правительства… Сам же он главной бедой считает «умственную болезнь», которой подвержены многие русские люди. И с возмущением пишет 7 апреля 1906 года:

> Когда-нибудь историк с изумлением и отвращением оглянется на переживаемое нами время. Многих, к прискорбию, слишком многих русских охватила умственная болезнь. В своей ненависти к правительству за частые его промахи они, желая свергнуть его, становятся в ряды мятежников и решаются на измену перед Родиной.

Трудные вопросы ставила жизнь, и не думать о них было просто невозможно. Страна переживала последствия русско-японской войны, и одним из главных было тяжелое финансовое положение. Для улучшения дел в экономике срочно требовался внешний займ, о чем неоднократно говорил министр финансов С.

Ю. Витте. Но соглашались с этим далеко не все. Мешали решению важнейшего вопроса, считал Константин Константинович, «эти люди, например Гапоны, Максимы Горькие и разные конституционные демократы». Как же выйти России из столь унизительного положения?

Ответы на мучительные вопросы современности великий князь пытается найти в прошлом родной страны. Весной 1906 года он читает книгу А. Н. Пыпина «Общественное движение при Александре I» и, перевернув последнюю страницу, записывает в дневнике:

> …Не принадлежу ли я к числу реакционеров – обскурантов и староверов… Я в корне расхожусь с многими из академиков, сочувствующими современному «освободительному движению», т. е. попросту революции. Но я вижу истинное освобождение вовсе не в том, где его ищут эти господа…

А в чем же? В цивилизованном развитии общества и всеобщем просвещении. В годы Первой русской революции, принесшей немало испытаний и тягот стране, великий князь решительно отвергал насилие, справедливо считая, что с его помощью невозможно решить «больные» вопросы, ослабившие Россию.

В тревожные месяцы 1905 года поэт К. Р. не написал ни одного стихотворения. Причину этого он объяснял в одном из писем: «За последние годы муза скупо дарит меня своими улыбками, а я не хозяин своего вдохновения и вызывать его насильно не умею». Дело, конечно, не только в этом. Все его помыслы в это время – о политике, о судьбе страны. А ведь великий князь – «чистый лирик», вовсе не «буревестник», и революционный вихрь, охвативший Россию, не может вдохновить его на создание поэтических произведений.

Но была тут и другая причина – чисто личная. 10 мая 1905 года умерла крохотная дочь Наталья, и это стало незаживающей раной в душе Константина Константиновича. Лишь год спустя – 10 мая 1906 года, он нашел в себе силы откликнуться на эту утрату:

> Угасло дитя наше бедное
> В расцвете младенческих дней;
> Все грезится личико бледное
> Мне милой малютки моей.

Утешением для родителей стало лишь рождение еще одной дочери – Веры. 11 апреля 1906 года Константин Константинович пишет об этом важнейшем событии: «…Жена очень страдала, помнится, ни один ребенок не давался ей так болезненно. Почти не было перерыва между схватками…» Наконец приехал лейб-акушер профессор Дмитрий Оскарович Отт, чтобы помочь роженице, и вскоре – свершилось!

> …Мы с женой с блаженством услышали крик нашей маленькой Веруси. И сразу прошли у жены боли, она опять стала веселая и довольная, а сверх того безмерно счастливая появлением дочурки. Господь как будто вознаградил нас за утрату нашей бедной милой Натуси…

Великий князь очень волнуется о здоровье жены, но на следующий после родов дочери день – «ни слабости, ни нервности, настроение прекрасное…» А тут еще и императрица приехала, передала для Елизаветы Маврикиевны «букет из чудных роз».

…Княжна Вера, к огромной радости родителей и всех домочадцев, родилась здоровенькой, она хорошо растет и прибавляет в весе. И на время семейные заботы и радости заслоняют от великого князя все остальное. 23 апреля он пишет: «Нашему прелестному Георгию минуло 3 года», а ровно через неделю – 30 апреля, были крестины Веруси. Правда, «справили их самым скромным образом, без церемониала, почет. караулов, салюта и пр. Было только семейство, запросто, кто в сюртуке, кто в кителе, и близкие домашние. Тем не менее залы были чудесно убраны цветами и растениями. Прибыли из Петергофа и Гатчины их величества…»

Да, очень изменилась за последнее время жизнь императорской семьи. Даже праздники стали намного скромнее. Жизнь словно предупреждала, что прежнему размаху уже не бывать. Но сам Константин Константинович, кажется, не замечает этого. Рождение младшей дочери дает ему новые силы. Радость он выражает в поэтических строках «Сонета к ночи», который написал за несколько дней до крестин княжны Веры:

Какой восторг! Какая тишина!
Благоуханно ночи дуновенье,
И тайною истомой усыпленья
Природа сладостно напоена.
Тепло. Сияет кроткая луна…
И очарованный, в благоговенье

Я весь объят расцветом обновленья
И надо мною властвует весна.
Апрельской ночи полумрак волшебный
Тебя, мой стих мечтательно-хвалебный,
Из глубины души опять исторг.
Цветущую я созерцаю землю
И, восхищен, весне и ночи внемлю;
Какая тишина! Какой восторг!

Глава двадцатая
Государственная дума

Глубинные общественные потрясения, давшие толчок Первой русской революции, поставили перед самодержавием многие наболевшие вопросы. Один из важнейших – привлечение выбранных народом депутатов к государственному управлению. Впервые об этом заявил еще в 1904 году министр внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский. Однако в ту пору у него нашлись могущественные противники, которые помогли отправить «возмутителя спокойствия» в отставку.

Но жизнь в России бурлила, как кипящий котел, и уже в следующем году император был вынужден под давлением общественности пойти на некоторое ограничение самодержавия и объявить о созыве Государственной думы.

Официально народное представительство в России было учреждено манифестом от 6 августа 1905 года под давлением либерального крыла правительства С. Ю. Витте, который решил не накалять обстановку в стране и создать представительный орган власти. Об этом так говорилось в документе:

> Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включая для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется разработка и обсуждение государственных доходов и расходов.

Манифест от 17 октября 1905 года расширил полномочия Думы, но контроль над ней было решено осуществлять через избирательное законодательство. Как следует из документа, первоначально предполагался только законосовещательный характер нового органа. 23 апреля 1906 года Николай II утвердил Свод основных государственных законов, который Дума могла изменить только по инициативе императора. В этих законах, в частности, предусматривался ряд ограничений деятельности российского парламента. Главным было то, что вся исполнительная власть в стране подчинялась только царю. Он назначал министров, единолично руководил внешней политикой государства, ему подчинялись вооруженные силы, он объявлял

войну, заключал мир, мог вводить в любой местности военное или чрезвычайное положение.

Порядок выборов в первую Думу определял закон о выборах, изданный в декабре 1905 года. Согласно ему учреждались четыре избирательные курии: землевладельческая, городская, крестьянская и рабочая. Сами выборы не были всеобщими, равными и прямыми. Исключались женщины, молодежь до 25 лет, военнослужащие, ряд национальных меньшинств. И все же создание Государственной думы было значительным шагом вперед в развитии страны.

Дневник великого князя – чуткий барометр настроений в обществе. 27 мая в нем появляется лаконичная запись: «Говорят о близком созыве Земского собора или Государственной думы». Пока эти слухи распространяются лишь в столице. Но не проходит и трех месяцев, как Константин Константинович констатирует: «Из разных городов России сообщают о молебнах и восторге по поводу манифеста об учреждении Государственной думы…» А осенью, в конце октября, он высказывает надежду: если в этот орган государственной власти войдет много представителей крестьянства, то «возможно еще возвращение к самодержавному образу правления, за которое несомненно стоит наш простой народ».

Созыв Государственной думы был назначен на конец апреля 1906 года. Незадолго до этого Константина Константиновича пригласила на завтрак императорская чета. Александра Федоровна, пожелавшая придать открытию Думы особую торжественность, призналась в своем желании сочинить по этому случаю церемониал. Причем она не хотела подражать западным образцам, а провести его «согласно с русскими обычаями». К. Р. о намерении императрицы пишет так: «Но я смею сомневаться, чтобы эти обычаи были ей слишком хорошо известны, да и как связать их с парламентом?»

…И вот настал день открытия Государственной думы – 27 апреля 1906 года. Константин Константинович вместе с братом и детьми направился в Зимний дворец. Набережная запружена экипажами, и им с трудом удалось добраться до государева подъезда. Наконец они оказались в Николаевском зале. Сыновья встали в строй, а сам великий князь обошел взводы, прибывшие из военно-учебных заведений. Здесь же находились и депутаты Думы, которые, судя по их виду, чувствовали себя не очень-то уверенно. Это было видно даже по одежде – часть облачились во фраки, кто-то – в пиджаке, а некоторые и вовсе в поддевке…

Члены императорской семьи собрались в покоях Александры Федоровны. Мужчины – в парадных мундирах, при орденах, дамы

– в роскошных нарядах, с множеством драгоценных украшений.

После долгого ожидания всех пригласили в Георгиевский зал. Туда же внесли императорские регалии – печать, меч, знамя, державу, скипетр и корону. Следом шел государь, за ним – обе императрицы, великие князья. Шествие направилось к царскому трону, над которым возвышался балдахин из красного бархата.

По окончании молебна все заняли свои места. Николай II, стоявший до этого посреди зала, «легко и величественно направился к трону, взошел по красным его ступеням и сел на престол. Через спинку трона наброшена императорская порфира». По знаку государя министр императорского двора и уделов барон В. Б. Фредерикс поднялся по ступеням и с низким поклоном подал ему бумагу. Николай II, взяв ее, встал и начал громко, внятно и медленно читать свою речь, обращенную к думцам. В ней он выразил надежду, что они станут ему верными помощниками в деле укрепления российской государственности. Для великого князя слова императора стали откровением:

> Чем дальше он читал, тем сильнее овладевало мною волнение, слезы лились из глаз. Слова речи были так хороши, так правильны и звучали так искренно, что ничего нельзя было бы добавить или убавить. В них было и величие, и вера в светлое будущее России, и любовь к народу, и желание видеть его счастливым.

Закончил государь свою речь словами: «Бог в помощь мне и вам». После этого шествие тронулось в том же порядке обратно.

Впечатление Константина Константиновича от речи императора – восторженное. Мнение о ней С. Ю. Витте лишено эмоций. К нему стоит прислушаться:

> …Государь император сказал слово весьма государственное и разумное. Жаль, что некоторые из указаний его величества были не выполнены по точному их смыслу.

Первая «всенародно» избранная Дума просуществовала немногим более двух месяцев – с конца апреля по июль 1906 года. Состоялась всего одна сессия. В Думу входили представители разных политических партий: кадеты, октябристы, социал-демократы, «трудовики» (представители аграрной трудовой партии России)… Председателем Думы стал кадет, профессор Московского университета по кафедре римского права Сергей Андреевич Муромцев.

С первых же дней работы российского парламента

подавляющее большинство депутатов заявило: представительное учреждение народа России, даже избранное на основе недемократического избирательного закона, не будет мириться с произволом и авторитарностью исполнительной власти. У Константина Константиновича многие требования думцев вызвали разочарование, а порой и гнев. Свои чувства и мысли он поверяет дневнику:

> О, какое томление духа и сколько опасений за будущее возбуждает эта Дума! Не будет ли она терять время в пустозвонной болтовне крайнего направления, пренебрегая делом? Чего доброго ждать от так называемых «лучших людей», от якобы представителей народа, от деланной Государственной думы…

В ответ на тронную речь Николая II 5 мая 1906 года Дума приняла адрес, в котором потребовала амнистии политическим заключенным, реального осуществления политических свобод, всеобщего равенства, ликвидации казенных, удельных и монастырских земель… В этот же день великий князь пишет: «Ответ Думы на тронную речь – гадость. Дума – очаг революции».

Через восемь дней председатель Совета министров И. Л. Горемыкин решительно отверг все требования депутатов Думы, которые в ответ на это приняли резолюцию о недоверии правительству и потребовали его отставки. Министры объявили Думе бойкот и демонстративно внесли в нее свой первый законопроект – об ассигновании 40 029 рублей 49 копеек на постройку пальмовой оранжереи и сооружение прачечной при Юрьевском университете. Дума ответила градом запросов. Великий князь так комментирует действия депутатов: «В Думе процветает та же революция и не слышно ни одного разумного слова».

Немалая часть депутатов, прежде всего от крестьянства, стремилась претворить в жизнь идею отчуждения земли от помещиков в пользу крестьян. Правительство же всячески сопротивлялось, не позволяя думцам даже обсуждать этот вопрос. Константин Константинович разделял реформаторские взгляды своего отца и считал, что крестьян нужно наделять землей. И он знал, что император собирался внести изменения в существующую систему землевладения, но этому помешал ряд обстоятельств. И в отказе от решения земельного вопроса он был склонен винить именно депутатов Думы:

> Если бы Дума занялась вопросами благоустройства крестьянства и нуждами просвещения, можно было бы

надеяться, что она будет делать дело. По началу уж видно, что этого не будет.

…В мае главный начальник военно-учебных заведений отправился с инспекторским смотром в Варшаву в связи с первым выпуском кадетского корпуса. Наблюдения за российской действительностью во время поездки, информация, почерпнутая из газет, – все это действует на Константина Константиновича крайне удручающе. «По всей России – политические убийства, грабежи с захватом денег на цели революции, взрывы бомб, бесчинства. В Думе чувствуется та же революция». А тут еще бунт среди преображенцев! «Какой ужас! Пропал Преображенский полк. Я плакал слезами стыда и глубокого горя!.. Что за срам!»

Вернувшись в столицу, великий князь все больше убеждается в том, что большинство депутатов Государственной думы просто не в состоянии решать назревшие политические вопросы. Многие из них в свободное от заседаний время митинговали на заводах, некоторые просто пьянствовали. Но думцы по статусу были неприкосновенны, и полиция никого из них не трогала. Многие считали: Думу необходимо распустить. Это лишь вопрос времени. Другие, к числу которых относился и великий князь, полагали, что «Думу лучше не трогать и дать ей самой провалиться в общественном мнении».

Первая Дума просуществовала всего 72 дня, приняв за это время 391 запрос о незаконных действиях правительства, и была распущена указом Николая II от 8 июля 1906 года. В историю она вошла как «Дума народного гнева». С. Ю. Витте дал более точное определение, назвав ее «Думой общеизвестного увлечения и государственной неопытности».

Впоследствии была созвана вторая, а потом третья и четвертая Государственная дума, но отношение к ним великого князя Константина Константиновича не претерпело особых изменений. Как истинный сын своего класса, выступавший за незыблемость самодержавия, он всякий раз приветствовал решение о роспуске парламента. 3 июня 1907 года в его дневнике появляется красноречивая запись: «Дума распущена… Итак – государственный переворот. Истинно русские люди могут вздохнуть свободнее».

Пользы от деятельности депутатов он не видел. Впрочем, стоит ли осуждать великого князя за столь явную политическую близорукость? С рождения его отделяла пропасть от тех людей, которые заправляли делами в Думе. Ему, «баловню судьбы», никогда не нужно было в поте лица своего зарабатывать на кусок хлеба, как делали это с юности многие депутаты. Но вины его в

этом нет. Так сложились обстоятельства, раз и навсегда сформировав мировоззрение. Поэтому постараемся увидеть в этом человеке то хорошее, что, несомненно, в нем было. Тем более что он вновь обращается к творчеству, готовясь подняться на ту вершину, которая уготована ему судьбой.

Глава двадцать первая
На пути к вершине

Сложная политическая обстановка в стране пагубно сказалась на состоянии здоровья великого князя. Но, несмотря на необходимость лечения и связанные с ним разъезды, Константин Константинович не терял присутствия духа, и творческая его энергия ничуть не ослабевала. Многие годы он занимался переводом драмы Ф. Шиллера «Мессинская невеста», которая, по его мнению, «превосходит все созданное Шиллером». Свой труд К. Р. посвятил памяти матери – великой княгини Александры Иосифовны, которая, наряду с отцом, оказала когда-то заметное влияние на формирование литературных пристрастий сына. Недаром в переводческой деятельности Константина Константиновича большое место занимает немецкая классика – кроме драмы Ф. Шиллера он закончил в 1910 году перевод драмы И. В. Гете «Ифигения в Тавриде», который сопроводил обширным очерком «Гете и его „Ифигения“».

…Впервые в переводе К. Р. «Мессинская невеста» была поставлена в «Измайловских досугах» режиссером Малого театра Н. Н. Арбатовым. Роль мессинского князя Дон Цезаря исполнял сам переводчик. Остальные образы трагедии в пяти актах воплотили на сцене офицеры Измайловского полка, актеры Александринского театра и сын великого князя Константин Константинович (младший). Сценическое воплощение предполагало немало сложностей – прежде всего, была необходима вращающаяся сцена. К счастью, таковая нашлась – в отремонтированном и усовершенствованном Императорском Китайском театре в Царском Селе, который в апреле 1909 года был предоставлен участникам спектакля.

Премьеру «Мессинской невесты» почтил вниманием сам император. Кроме членов семьи Константина Константиновича и нескольких родственников, в числе зрителей были такие известные деятели культуры, как К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, А. Ф. Кони… 11 апреля 1909 года в газете «Биржевые ведомости» была опубликована рецензия, в которой говорилось, что «спектакль произвел художественное впечатление». Высоко оценены и актерские способности великого князя. Вот как описывает их 13 апреля рецензент газеты «Свет»:

> Богатая дикция, передающая все оттенки настроения – от гневного и мстительного до нежного и любовного.

> Выразительное лицо, плавные, грациозные движения, а главное, чарующий своей искренностью тон – все это сразу захватывало зрителя.

Сам же Константин Константинович, серьезно готовясь к выступлению на сцене, параллельно оказывается во власти своей главной стихии – поэзии. 26 марта 1909 года он признается в дневнике: «Опять… обдумываю драму, содержанием которой должны стать страдания и крестная смерть Господня». Речь идет о пьесе «Царь Иудейский».

Выбор темы отнюдь не случаен. Человек глубоко религиозный, великий князь Константин Константинович с юности обращался к библейским и евангельским сюжетам. Одно из первых опубликованных стихотворений К. Р. – «Псалмопевец Давид», написано им на библейскую тему. Одно из последних произведений, ставшее вершиной творчества поэта, посвящено главному событию Евангелия – распятию Христа.

Изначально, по замыслу автора, возникшему еще 20 лет назад, главным действующим лицом драмы должен был стать Понтий Пилат. Поэтому К. Р. предполагал назвать пьесу «Что есть истина?». Но, изучив ряд исторических исследований, великий князь осознал, что Пилат вовсе не был высоконравственным человеком, а, напротив, – дурным. Вскоре поэт меняет задуманный план пьесы и после долгих сомнений, раздумий начинает описывать путь Иисуса Христа из Иерихона в Иерусалим. Но работа продвигается с трудом. Возможно, молодому поэту не хватает знаний, а, кроме того – жизненного, прежде всего нравственного, опыта. В какой-то момент он, несмотря на все усилия, понимает это и признается 27 октября 1886 года самому себе – драма не получается: «Мне кажется, что я еще не созрел для нее».

И вот спустя более чем два десятилетия К. Р. составляет новый план драмы. Причем происходит это в его любимый день – Страстную пятницу, 27 марта 1909 года. Надеясь на успех в работе, он пишет в дневнике:

> Я суеверен: начало положено в святой день – Страстную пятницу; не предвещает ли это добрый конец? Перед началом помолился и приложил к рукописи образ-складень от Сергея, который всегда лежит на моем письменном столе. Так я делаю часто, когда особенно сильно желаю успеха какому-либо делу: письму, просьбе, сочинению.

На этот раз работа понемногу стала продвигаться. И все же он то и дело опасается, что «это будет слабое, неудачное произведение». Константин Константинович чувствует: для наиболее полного раскрытия столь сложной темы ему не хватает знаний. И великий князь, понимая всю меру ответственности, которую берет на себя перед будущими читателями и зрителями, изучает исторические исследования. На его письменном столе – «Анналы» Публия Корнелия Тацита, «Иудейские древности» Иосифа Флавия, «Гражданское положение женщины» Поля Жида, «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла, исторический роман «Царь из дома Давида» Джозефа Холста Ингрэма…

События драмы «Царь Иудейский» происходят в последние дни земной жизни Иисуса Христа. Среди действующих лиц его нет, но именно сам Иисус и его учение и составляют содержание пьесы, определяют мотивы поступков всех героев – Иосифа Аримафейского, Никодима, Прокулы, Понтия Пилата… К началу марта 1912 года были написаны три действия, и Константин Константинович послал текст человеку, мнением которого очень дорожил, – А. Ф. Кони, и попросил его дать отзыв. Анатолий Федорович, внимательно прочитав готовую часть рукописи, тут же ответил великому князю:

> Вчера мог дать себе отдых и наслаждение за чтением милых драгоценных синих тетрадок. Что сказать о содержании? Все в нем прекрасно: и трогательная идиллия двух простых любящих сердец, вплетенная в вековечную трагедию, и тонкие психологические черты в образе Пилата, и удивительно выдержанное *отсутствие* Христа при его осязательном *присутствии* на каждой странице, и непрерывное действие, развивающееся естественно и жизненно. Конец третьего действия написан так, что его невозможно читать без волнения и слез.

В начале апреля драма в общих чертах завершена. Как и в случаях с пьесами, переведенными К. Р. на русский язык, он подготовил к «Царю Иудейскому» обширные комментарии с историческими справками о действующих лицах. Переписав этот грандиозный труд набело, Константин Константинович приглашает в середине апреля гостей для обсуждения пьесы. В душе он мечтает о постановке ее в театре.

Первые отклики положительные, но, по признанию автора, «многие высказывались после чтения самых захватывающих и интересных актов (3-го и 4-го), что драма не будет допущена на

сцену ради слишком осязательного, хотя и незримого присутствия Христа Спасителя». И опасения слушателей не были напрасными. В Европе давно уже сложилась традиция, что в театральных постановках нет места образу Христа. Его появление допускалось лишь в средневековых мистериях, которые специально готовили с религиозными целями.

И все же, несмотря на опасения, Константин Константинович делает попытку дать драме сценическую жизнь. 31 мая 1912 года он записывает в дневнике:

> Хотя я предоставил в волю Божью судьбу моей драмы с появлением или непоявлением ее на русской сцене, однако нет-нет, а все придумываю доводы, чтобы опровергнуть запрещение Синода ставить ее. А запрещение почти несомненно, как пишет мне обер-прокурор Синода Саблер, который уже внес рукопись в духовную цензуру и внесет потом в Синод.

В итоге было получено разрешение на издание «Царя Иудейского» отдельной книгой, но на театральную постановку наложен запрет. Объяснение дано следующее: актеры не могут передать возвышенный характер великих событий, и «благотворное влияние драмы будет с излишком покрыто несомненным вредом». Константин Константинович не очень удивлен, но, безусловно, расстроен. Последняя надежда для него в этом деле – Николай II. И он пишет императору, которого в это время нет в столице, письмо, где просит его разрешить поставить драму если не для широкой публики, то хотя бы для представителей высшего света – в Эрмитажном или Китайском императорском театре. Пока ждет ответ, судьба «Царя Иудейского» занимает все его мысли.

В одном из писем он даже сравнивает судьбу своего произведения с судьбой гоголевского «Ревизора», который «по близорукому недомыслию цензуры не увидал бы сцены, если б не заступничество Николая I». Если же эта надежда получить высочайшее разрешение не оправдается, останется одно средство: перевести драму на иностранные языки и поставить ее за границей.

Наконец получен ответ от императора:

> …Она (пьеса. – *Авт.*) произвела на меня весьма глубокое впечатление – у меня не раз навертывались слезы и щемило в горле. Я уверен, что видеть твою драму на сцене, слышать в красивой перефразировке то, что каждый знает из Евангелия – все это должно вызвать

> в зрителе прямо потрясающее чувство. Поэтому я всецело разделяю мнение Св. Синода о недопустимости постановки ее на публичной сцене. Но двери Эрмитажного или Китайского театров могут быть ей открыты для исполнения участниками «Измайловских досугов».

Итак, компромисс был достигнут.

Несмотря на ухудшившееся самочувствие и широко развернувшуюся политическую кампанию вокруг пьесы «Царь Иудейский», Константин Константинович начинает репетировать. Готовившаяся в Эрмитажном театре постановка стала большим событием в художественной жизни России – ведь впервые на подмостках должно появиться произведение, написанное на основе Евангелия. К тому же вопреки запрету православной церкви! Споры велись нешуточные. Но кроме похода правых против «Царя Иудейского» раздавались и голоса в его защиту. Например, известный театральный критик А. Р. Кугель писал 13 января 1914 года в газете «День»: «Разве это не прославление благочестия всеми силами культуры, почему же до сих пор это было под запретом?»

Великий князь выбрал роль Иосифа Аримафейского, который снял тело Спасителя с креста и положил его в высеченный для себя в скале гроб. Актриса Александринского театра Марии Ведринская вспоминала:

> В этом вдохновенном исполнении была какая-то особая бестелесность: великий князь на сцене все время как бы молился… Именно он создавал на сцене незабываемую атмосферу почти церковного священнодействия.

Репетиции шли своим чередом, однако постановка по разным причинам задерживалась. Но в целом это пошло произведению на пользу: Константин Константинович неустанно правил текст, вносил в него уточнения, чтобы улучшить сценическое восприятие драмы зрителями.

Премьера «Царя Иудейского» состоялась в начале января 1914 года на сцене Эрмитажного театра. Многочисленные массовые сцены, пляски, сложные красочные декорации – все это способствовало пышности постановки. Музыка, написанная А. К. Глазуновым, имела огромное значение. Ее исполняли два оркестра – придворный и лейб-гвардии Измайловского полка. Особенное впечатление производил закулисный хор: вокал в

соединении со словом.

9 января посмотреть спектакль приехал император Николай II. По воспоминаниям Марии Ведринской, «он был крайне взволнован всем виденным на сцене, хотя и старался казаться спокойным. Скрывая свое душевное состояние, он все время теребил свою перчатку, которая к концу вечера оказалась совершенно разорванной».

Несмотря на успех сценической постановки, вокруг драмы К. Р. «Царь Иудейский» долго еще продолжали бушевать страсти. Против пьесы резко выступали некоторые депутаты Государственной думы и члены черносотенной организации «Союз Михаила Архангела» во главе с В. М. Пуришкевичем. Главное их обвинение было в том, что в пьесе всуе упоминается имя Богочеловека. Полемика разгорелась и на страницах газет. Так, 29 января 1914 года в «Русских ведомостях» появилась статья «„Царь Иудейский“ и правые», а на следующий день в газете «Русское слово» – материал под названием «Поход правых против „Царя Иудейского“». Все это болью отзывалось в сердце художника – великого князя Константина Константиновича, отдавшего годы труда, талант и душу своему замечательному произведению. Но, как говорится, нет худа без добра. Первое издание пьесы, 10 000 экземпляров, было распродано за две недели, и сразу же было выпущено второе. Драму перевели на девять языков, и из-за границы стали приходить предложения поставить ее на сцене.

Конечно, наряду с критикой автор услышал и немало слов поддержки. Анатолий Федорович Кони, человек большого ума, уважаемый в культурных слоях российского общества, высокого оценил последнее произведение Константина Константиновича, ставшее вершиной его литературного творчества. Кони считал:

> «Царь Иудейский» по справедливости может быть назван лучшим из произведений К. Р. Вылить в литературно-поэтическую форму строгие и часто лаконические повествования Евангелия, ничем не нарушив их целости и глубины, – заслуга перед родной литературой.

Особое, пожалуй, значение имело появление произведения, обращенного к духовному началу в человеке, непосредственно перед Первой мировой войной, когда, по мнению А. Ф. Кони, «общество чрезвычайно предалось разным суетным удовольствиям, когда все время у светского общества проходило в забавах, на скачках, в кинематографах, в игре на тотализаторе, в

созерцании танго, в утонченных мечтах, поливаемых реками шампанского». Оно словно давало шанс очиститься от скверны. Многие думающие люди оценили это, читая книгу. Но вот постановка драмы К. Р. на публичной сцене так и осталась под запретом. Сначала – по настоянию Синода. А потом в России настали совсем другие времена – безбожные…

Лучшее произведение К. Р. и авторские комментарии к нему были досконально изучены Михаилом Булгаковым при создании одного из величайших романов русской литературы XX века – «Мастер и Маргарита». К счастью, связь времен не прервалась.

Глава двадцать вторая
Последние годы жизни

Все чаще великий князь чувствовал упадок сил. Всю жизнь его преследовали болезни, но, когда он перешагнул полувековой рубеж, стало болеть еще и сердце. 22 января 1912 года в его дневнике появляется тревожная запись: «Минутами мне казалось, что приходит конец». Устав от великосветской жизни, он все больше времени проводит среди домочадцев или вовсе в одиночестве. Так лучше думается, и он находит, как и раньше, утешение в творчестве:

Служа поэзии святой,
Благоговейно чти искусство;
Ему отдайся всей душой,
Дари ему и ум, и чувство.
Будь верен долгу своему,
И, гордый званием поэта,
Преследуй песнью ложь и тьму…

Константин Константинович составляет духовное завещание. Он думает не только о родных и близких, но и о людях, которые служили ему и его семье верой и правдой долгие годы. Тем из слуг, кто находился при нем не менее четверти века, он завещает пожизненную пенсию в размере их полного содержания, тем же, кто прослужил не менее десяти лет – половину содержания. Письма, полученные им в разные годы от многих деятелей литературы и искусства, он распоряжается передать в Императорскую академию наук – для хранения в создаваемом Пушкинском доме. Туда же должны были поступить собственные рукописи К. Р., перстень А. С. Пушкина, перо А. А. Фета и две картины, написанные Я. П. Полонским. Были в завещании и другие распоряжения – дары Измайловскому и Преображенскому полкам, а также учреждениям просвещения и культуры, над которыми шефствовал великий князь.

Когда осенью 1912 года император утвердил завещание, Константин Константинович отправился вместе с Елизаветой Маврикиевной за границу. Австро-Венгрия, Италия, Египет… В пути, по его собственным словам, было «много пережито и переживается впечатлений».

Южный климат оказал благотворное влияние на здоровье

великого князя. Уже через месяц пребывания в Египте он почувствовал себя намного лучше. Вместе с женой Константин Константинович осматривает древние пирамиды фараонов, посещает восточные базары, поднимается на пароходе по Нилу… Здесь же, 31 декабря 1912 года, он пишет одно из последних стихотворений – «Вечер в Египте»:

Алеет Нил румяным блеском…
Длиннее тени пирамид…
Багряный вал ленивым плеском
С прибрежной пальмой говорит.
Объята заревом пустыня.
Все ниже солнце… Через миг
Надгробья царского твердыня
Сокроет пламеносный лик.
Коснувшись грани мавзолея,
Горит он кругом огневым
И закатился, пышно рдея,
За исполином вековым.

Эта древняя земля, колыбель человеческой цивилизации, манит великого князя вновь и вновь. Княжна Вера Константиновна пишет в воспоминаниях:

> Зимы 1912/13 и 1913/14 гг. родители, ради здоровья отца, провели в Египте, который им очень полюбился. Они были там особенно счастливы, ибо, что для них было чрезвычайной редкостью, они были почти одни и могли наслаждаться обществом один другого. Поездки в Египет явились для них как бы запоздалым свадебным путешествием.

…Вернувшись в начале 1913 года в Европу, супруги получили горестную весть: 18 февраля в Салониках был убит король Греции Георг I, зять Константина Константиновича. Он тут же выехал вместе с Елизаветой Маврикиевной к сестре в Афины. В Санкт-Петербург они вернулись лишь 20 июня 1913 года. Но что было делать летом в столице? Уже через неделю супруги уехали вместе с детьми в любимое всеми Осташево. Именно здесь они были по-настоящему счастливы.

Летом 1914 года великий князь лечился на курорте Наугейм, недалеко от Франкфурта-на-Майне, славящемся углекислыми источниками с богатым содержанием поваренной соли. Елизавета

Маврикиевна вместе с младшими детьми – Верой и Георгием, 8 и 11 лет, гостила в это время в Бад-Либенштайне у своей матери. В то время в Германии ходили какие-то неясные слухи о возможной войне с Россией, но Константин Константинович им не верил: они не прекращались уже несколько лет, и все к ним как-то привыкли.

Но 19 июля Германия объявила войну Российской империи. Великий князь, тут же прервав лечение, отправился к теще, чтобы забрать семью и всем вместе вернуться домой. В первые дни войны, казалось, все население в Германии было охвачено военной истерией. Немцам повсюду чудились русские шпионы. Автомобиль, в котором находилось великокняжеское семейство, не раз останавливали по пути, досматривали. Грубости со стороны германских военных властей следовали одна за другой. У русской границы, когда родители с детьми находились уже в поезде, им приказали не закрывать окна и двери вагона. Княжна Вера Константиновна вспоминает:

> …лейтенант Мюллер, командовавший нашей охраной, до того весьма вежливый и корректный, вдруг сделался грубым и стал называть мою мать *Gnaedige Frau*, т. е. «сударыня», боясь, видимо, титуловать ее по сану.

Во все это верилось с трудом. А тут вдруг задержали адъютанта великого князя, его камердинеров, хотели даже задержать и самого Константина Константиновича. Пришлось ему послать телеграмму в Берлин. В итоге за семью заступилась германская императрица Августа Виктория, и всех их пропустили через границу. Но горький осадок в душе остался. Великий князь никак не мог примириться с жестокой действительностью, которая вошла в противоречие с его представлениями о Германии как стране высокой культуры. Но главной его заботой были теперь сыновья, достигшие призывного возраста.

От границы ехали на двух автомобилях. Неожиданно машина, в которой находились родители и дети, резко остановилась. Дверь распахнулась, и часовой испуганно крикнул: «Казаки идут!»

Пассажиров тут же высадили в канаву у обочины шоссе, ведущего к Вержболово. Мимо ехали повозки с беженцами. Наконец показался русский разъезд… Княжна Вера Константиновна спустя годы вспоминала:

> Когда подошла главная часть, адъютант отца, князь Шаховской, пошел ей навстречу с визитной карточкой отца. С большим недоумением смотрел офицер на эту карточку. Каким образом, вероятно, думал он, русский великий князь мог очутиться в первый день войны (в

канаве) на прусской границе. Однако, взглянув на отца, которого он видел лишь год назад в юнкерском училище, он убедился в том, что это действительно так.

Наконец их доставили на автомобиле в Вержболово. На вокзале выяснилось, что в Ковно стоит поезд императрицы Марии Федоровны, которая возвращалась в Россию через Данию. Константин Константинович дозвонился до Царского Села и получил разрешение ехать с семьей домой на царском поезде. Правда, состоял он лишь из паровоза и одного вагона третьего класса. Но ничего не поделаешь. Главное – поскорее добраться до отчего дома!

В Павловске едва успели свидеться с сыновьями – пятеро из них уходили на фронт. В день возвращения из Германии родителей и младших детей на войну проводили старшего, Иоанна. Затем настала очередь Гавриила, Игоря, Олега и Константина. Еще одним защитником отечества в семье стал зять – князь Константин Багратион-Мухранский, муж дочери Татианы. Он уходил на фронт вместе с родным Измайловским полком. 23 июля Константин Константинович записал в дневнике: «Провожали по очереди Гаврилушку, Игоря и Олега. Каждого ставили на колени перед иконами в моем кабинете». Олег на следующий день просил руки своей любимой – княжны Надежды, внучки великого князя Николая Николаевича.

…Город жил заботами о фронтовиках. В здании Императорской академии наук, во многих столичных дворцах, в том числе и в Мраморном, были открыты госпитали для больных и раненых. Константин Константинович, кроме того, создал и отправил на фронт передвижной лазарет на пятьдесят коек. Одной из сестер милосердия стала в нем невестка, княгиня Елена Петровна (урожденная принцесса Сербская), жена старшего сына. При прощании молодая женщина еле сдерживала слезы: на попечение бабушки и дедушки она оставляла своего крошечного первенца – князя Всеволода.

Константин Константинович каждое утро с тревогой листал газеты. Но репортажи с театров военных действий неизменно были оптимистичными: в них говорилось об успехах русской армии. Лишь 19 августа впервые появилась информация о наших потерях. В списках убитых великий князь с горечью увидел имена многих знакомых. Были среди них и два измайловца – Чигаев и Кучевский. А ведь еще совсем недавно они выступали вместе с ним на сцене, в «Царе Иудейском»…

Константин Константинович подумал: слава богу, хоть с

детьми все в порядке. Воюют храбро, и родителей не забывают, пишут. А старший, Иоанн, даже награду получил – именное Георгиевское оружие. Только вот сам он, отец, оказался не у дел. Чувство собственного бессилия гложет душу, и 1 сентября 1914 года в дневнике появляется запись:

> Стыдно показываться на людях: я еще не стар, относительно здоров, а не нахожусь на войне. Ведь всем не растолкуешь, что за двадцать четыре года успел отстать от строя, в чине полного генерала не найти подходящей должности в действующей армии и что здоровье легко изменяет.

Одно утешение – письма сыновей. Константин Константинович, разложив их на письменном столе, перечитывает по несколько раз. Как же им, бедным, тяжело… как и всей русской армии! Вот Олег пишет, что на фронте не хватает самого необходимого – теплой одежды, продуктов питания. Строки расплываются от выступивших на глазах отца слез. Но он и так уже наизусть знает, о чем пишет сын:

> …Очень нужны *бурки,* которые греют больше, чем пальто… никогда в жизни не было у нас такого желания есть, как теперь. Белого хлеба нет. Сахару очень мало. Иногда чай бывает без сахара… Часто во время похода ложимся на землю, засыпаем минут на пять. Вдруг команда: «К коням!», ничего не понимаешь. Вскарабкиваешься на несчастную лошадь, которая, может быть, уже два дня не ела овса, и катишь дальше…

Война уравняла всех: и простолюдина, и сына великого князя.

Но вскоре оборвалась последняя ниточка, связывавшая родителей с Олегом, – его письма с фронта. 28 сентября 1914 года пришло известие о его ранении. Об этом – лаконичная запись в дневнике великого князя:

Сейчас получил телеграмму от Игоря и профессоров, что, к сожалению, рана оказалась серьезною. Сделана операция для избежания заражения раны. Олег находится в Вильно в Витебском госпитале.

А незадолго до этого в часть, где служил Олег, пришла телеграмма от императора:

> Радуюсь за лихость моих лейб-гусар. Жалую корнету князю Олегу Константиновичу орден Св. Георгия 4-й

степени. Николай.

Только не довелось герою предстать перед родными и сослуживцами с высокой наградой на груди…

27 сентября 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия, имея в авангарде два эскадрона гусарского полка, наступала в направлении Владиславова. Недалеко от деревни Пильвишки был замечен неприятельский разъезд, который боковая застава и начала обстреливать. Князь Олег, давно рвавшийся в бой, стал просить разрешения у эскадронного командира, графа Игнатьева, разрешения вместе с бойцами своего взвода захватить вражеский разъезд. Командир долго не соглашался его отпустить, но в конце концов уступил. Вот как описывает дальнейшие события генерал Н. Н. Ермолинский:

> Все остальное произошло очень быстро. Преследуя отступающий неприятельский разъезд, князь Олег вынесся далеко вперед на своей кровной кобыле Диане. Вот они настигают отстреливающегося противника… Пятеро немцев валятся, прочие сдаются; но в это время в князя Олега целится с земли раненый всадник… Выстрел, и князь Олег валится с лошади…

Пуля прошла через седалищный бугор и прямую кишку. Операция была проведена удачно, но врачи признали, что ранение тяжелое. Утром 29 сентября в госпиталь пришла телеграмма, что великий князь и великая княгиня должны прибыть в Вильно к пяти часам вечера. Это известие очень обрадовало раненого, и он беспрестанно повторял: «Вот хорошо! Вот хорошо!..»

Но железнодорожные пути были загромождены составами, и поезд опоздал. А Олегу с утра становилось все хуже: дыхание участилось, пульс ослабел, появились признаки сепсиса, бред. Но юный князь отчаянно боролся за жизнь, и, хотя с трудом выговаривал слова, на вопрос о самочувствии отвечал неизменно: «Чувствую себя ве-ли-ко-леп-но…»

Наконец приехали августейшие родители. Он узнал их, выражение его лица стало сияющим, и он несколько раз прошептал, назвав их так, как привык еще в детстве: «Пасика, масика здесь…»

Великий князь привез умирающему сыну Георгиевский крест его деда. Князь Олег прошептал: «Крестик анпапа́!» Потянулся к нему рукой, поцеловал белую эмаль. Крест отец приколол к его рубашке, с правой стороны груди. В этот же день, поздно вечером, Константин Константинович записал в дневнике:

> …С какой нежностью обвивал он руками за шею мать и меня, сколько говорил нежных слов! Но сознание заметно угасало. Он метался, не находил себе места, просил то повернуть его на один бок, то на другой, то поднять выше ноги. На боли в местах поранения он не жаловался. Дышал он часто и, сам замечая это, обратил мое внимание на это порывистое дыхание. Затем начал заговариваться, все твердил о какой-то убежавшей кобыле, прося ее поймать… Учащенное дыхание сменилось не то икотой, не то хрипом. Мы поняли, что это агония. Я послал за священником, чтобы напутствовать нашего мальчика.

Началось страшное ожидание смерти: шепот священника, последние резкие вздохи умирающего… Великий князь, стоя на коленях у изголовья сына, закрывал ему глаза, великая княгиня грела холодевшие руки. На коленях же в ногах его стоял брат – князь Игорь Константинович, несколько сослуживцев. В 8 часов 20 минут вечера юный герой умер.

Тело князя императорской крови Олега Константиновича, согласно его воле, перевезли в любимое имение семьи Осташево. Когда поезд подошел к станции, войска взяли на караул. Под звуки «Коль славен» гроб вынесли на площадь и поставили на лафет. Тысячная толпа обнажила головы. Вот как описывает дальнейшее генерал Н. Н. Ермолинский:

> По прибытии в имение печальное шествие направилось к месту последнего упокоения почившего. Это место для могилы он сам себе избрал при жизни – в поэтическом уголке, на высоком, обрывистом кургане, где растут тополя и заросшая мхом старая лиственница. С кургана, господствующего над всей округой, открывается великолепный вид на причудливые изгибы реки Рузы, на поля, уходящие в безбрежную даль, и на далеко синеющий лес…
>
> Гроб опустили в могилу… Над ней быстро образовался холм, покрытый венками, цветами и увенчанный простым деревянным крестом.
>
> Многообещавшая жизнь князя Олега кончилась.

Через некоторое время над его могилой был заложен и освящен храм во имя святых благоверных князей Олега Брянского, великого князя Игоря Черниговского и преподобного Серафима Саровского.

А великий князь Константин Константинович часто после гибели сына повторял: «Скоро и мы…»

Он мог по праву гордиться Олегом! За свою короткую жизнь тот успел многое: окончил Александровский лицей и получил юридическое образование. Как и отец, Олег был литературно одарен: писал стихи, рассказы, пьесы, вел дневник. Но был очень скромен, требователен к себе и не опубликовал ни одно из своих произведений. И это несмотря на отзыв академика М. Розанова, считавшего, что в юном князе «погибло прекрасное обещание для русской литературы».

Среди дневниковых записей князя Олега сохранилась одна, которая словно предвещает его раннюю кончину:

> …Но мне становится совсем приятно, когда я думаю, что в «Новом времени» будет напечатан мой некролог, где будет написано, что я кончил Лицей, что я там хорошо учился, получил пушкинскую медаль и что меня там любили… Сознание подсказывает, что, в сущности говоря, теперь мне было бы очень глупо умереть, так много поработав над собой и в конце концов ничего не сделав. Нет, ни за что, ни за что я не хочу умереть без славы, ничего не сделав в жизни. Не хочу умирать с тем, чтобы меня забыли.

Уже после кончины князя Олега, в 1915 году, в популярном журнале «Нива» была опубликована его повесть «Ковылин».

Смерть любимого сына, который духовно был к нему ближе всех детей, Константин Константинович переживал очень тяжело. В октябре 1914 года он вернулся вместе с женой из Осташева в столицу. Все дети в эти горькие дни были рядом с родителями. Их поддержка была неоценима, но – кратковременна. Через две недели сыновья – теперь уже четверо, вновь отправились на фронт.

Великий князь смиренно встречал каждый новый день, но все чаще стал размышлять о приближающемся конце:

> Как знать. Неведомым крылом
> Уж веет смерть и надо мною…
> О, если б с радостным челом
> Отдаться б в руки ей без бою,
> Безропотно, с улыбкой ясной
> Угаснуть осенью безгласной
> Пред неизбежною зимой.

Но поэтическое вдохновение теперь приходило все реже. Даже чтение книг, которому прежде Константин Константинович с радостью посвящал часы, не увлекало. Тягостные раздумья о пережитом, ухудшавшееся с каждым днем состояние здоровья – все это словно стальным обручем сжимало сердце, не давало дышать полной грудью. Пожалуй, единственной связью с внешним миром оставались газеты, которые Константин Константинович продолжал читать ежедневно. Но, несмотря на смертельную рану, нанесенную судьбой, он не утратил христианского смирения и находил в себе силы даже к противнику относиться со снисхождением. 5 ноября 1914 года великий князь записывает в дневнике:

> Меня раздражают газеты, затеянная в них травля немцев, издевательство над императором Вильгельмом и неизменные сообщения о германских зверствах. Везде и во всем преувеличения и обобщения. Нельзя, по-моему, огульно обвинять всех немцев за нетерпимые поступки некоторых из них. Издеваться над еще не побежденным врагом невеликодушно, неблагородно и неумно… По-моему, война не должна переходить в ненависть.

Новый, 1915, год великокняжеское семейство встречало в Мраморном дворце, но к началу февраля из-за участившихся сердечных приступов великого князя было решено переехать в Павловск. Он почти не вставал с постели, пришлось даже недалеко от его спальни устроить походную церковь.

Это было приближение конца. Но Константин Константинович, хоть и понимал, что он близок к смерти, неустанно думал о воевавших на фронте сыновьях, об опасности, нависшей над страной. И потихоньку приводил в порядок свои бумаги. Перечитывал он и дневник, который вел многие годы. На первый взгляд может показаться, что некоторые страницы лучше было бы уничтожить. Ведь Константин Константинович предельно откровенно описывал свою гомосексуальность, пытался бороться с ней, считая свои наклонности, проявившиеся еще в юности, порочными. Вот, например, запись, сделанная им 19 ноября 1903 года:

> Меня называют «лучшим человеком в России». Но я знаю, каков на самом деле этот «лучший человек». Как поражены были бы все те люди, которые любят и уважают меня, если бы знали о моей развращенности! Я глубоко недоволен собой.

Подобного рода записи он делал в разные годы и всегда строго судил себя. Вот еще одно тому свидетельство:

> Жизнь моя течет счастливо, я поистине «баловень судьбы», меня любят, уважают и ценят, мне во всем везет и все удается, но… нет главного: душевного мира.
>
> Мой тайный порок совершенно овладел мною. Было время, и довольно продолжительное, что я почти победил его, от конца 1893-го до 1900-го. Но с тех пор… опять поскользнулся и покатился и до сих пор качусь, как по наклонной плоскости, все ниже и ниже. А между тем мне, стоящему во главе воспитания множества детей и юношей, должны быть известны правила нравственности… Но я точно флюгер: бывает, принимаю твердое намерение, усердно молюсь, простаиваю целую обедню в жаркой молитве и тотчас же затем, при появлении грешной мысли, все сразу забывается, и я опять подпадаю под власть греха.

Невольно возникает вопрос: почему великий князь, чувствуя дыхание смерти, не уничтожил эти страницы? Видимо, для Константина Константиновича важно было показать потомкам и всем тем, кто захочет в будущем прочитать его дневник, насколько тяжела для него внутренняя борьба с «грехом». И он не стыдился описывать свою жизнь во всех проявлениях. А на это способен далеко не каждый, лишь человек высокого духа!

Доказательством того, что строки о его «тайном пороке» могут со временем, согласно воле автора дневника, стать достоянием гласности, находим в «Выписке из духовного завещания его императорского высочества великого князя Константина Константиновича, высочайше утвержденного 5 октября 1912 года», которая хранится в Архиве Российской академии наук. Здесь есть такие строки:

> …все собрание тетрадей моего дневника, которому быть хранимым неприкосновенно в библиотеке или архиве академии. Ни ближайшим моим родным, ни посторонним не предоставляю права читать мой дневник в течение девяноста (90) лет по моей кончине. По прошествии этого срока… дневник мой, частями или полностью, может быть напечатан…

Напомним читателям: срок неприкосновенности документа истек в 2005 году.

В ответ же на самоосуждение великого князя уместно,

думается, привести мнение современника Константина Константиновича, замечательного доктора Боткина, который лечил в том числе и некоторых членов императорской фамилии: «Жестоко и несправедливо давать безобразные имена тому, что, в конце концов, является всего лишь капризом природы». Нелишне заметить, что мнение Боткина основывалось на его огромном врачебном опыте.

1 мая К. Р. в последний раз собрал в Павловске гостей на литературно-художественную встречу, во время которой были исполнены его поэтические и музыкальные произведения. «Как ни успешно прошло это литературное утро в артистическом отношении, но во время его все мы находились под гнетом какого-то тяжелого предчувствия…» – вспоминала актриса Мария Ведринская.

Последний раз Константин Константинович взял в руки дневник одиннадцатого мая – в Духов день. Он обрывается записью: «Нездоровилось. За день было несколько приступов спазматических болей в сердце, действующих удручающим образом на настроение. Несколько раз появлялась и одышка…» К. Р. пишет также об отце, вспоминает, что некоторые из его современников еще задолго до освобождения крестьян угадывали в нем «будущего большого деятеля». А рядом – впечатления о недавних театральных постановках, размышления о славных представителях своего рода. Как ни тяжела стала жизнь, уходить ему не хотелось…

Но судьба распорядилась по-своему, нанеся еще один сокрушительный удар. В двадцатых числах мая пришла скорбная весть о гибели любимого зятя – князя Константина Багратион-Мухранского, мужа дочери Татианы. Он пал смертью храбрых на поле боя…

Закончился май, наступало лето. Хотелось верить, что оно принесет облегчение, но… Предоставим слово княжне Вере Константиновне, которая была единственным свидетелем последних минут жизни великого князя Константина Константиновича:

> Здоровье папа… в последние годы перед войной все ухудшалось. У него обнаружили грудную жабу. Приступы становились все чаще и сильнее…
>
> 2-го июня 1915 года, в Павловске, в своем кабинете, отец сидел в кровати и раскладывал пасьянс. В спальне мать примеряла летнее платье, собираясь в деревню. Я сидела в отцовском кабинете на диванчике и читала…

…я услышала, как отец стал задыхаться. Мне было тогда 9 лет, и я еще недостаточно отчетливо понимала характер болезни отца, но слышала о его припадках, а потому и поняла, в чем дело. В страхе стремглав бросилась я к матери, самостоятельно открыв тяжелейшую зеркальную дверь, и побежала через материнский будуар, через столовую, сени, в спальню.

«Папа не может дышать!» – в ужасе закричала я.

Меня сейчас же послали к камердинеру, чтобы немедленно вызвать врача. Однако он, видимо от испуга, не понимал меня, нервно смеясь, топтался на месте и ничего не предпринимал.

«Скорей, Аракчеев, скорее, папа плохо!» – кричала я, от волнения прыгая на месте и топая ногами. Но было уже поздно, все кончилось…

Через неделю состоялись торжественные похороны в присутствии императорской семьи. Длились они с двух часов дня до девяти вечера. Последняя панихида в Павловске, переезд на поезде по царской ветке, шпалеры юнкеров и кадет со свернутыми знаменами, темный, мрачный Петропавловский собор. Вот и великокняжеская усыпальница. Здесь нашел свое последнее упокоение человек, проживший яркую, наполненную многими добрыми делами жизнь и вошедший в историю русской литературы под скромным именем – К. Р.

Эпилог

Жизнь великого князя Константина Константиновича закончилась, и, казалось бы, в повествовании о нем можно поставить точку. Но осталась, хоть и поредевшая, все еще большая дружная семья. Как же сложились судьбы ее членов?

В 1916 году великая княгиня Елизавета Маврикиевна вместе с младшими детьми, Георгием и Верой, переехала в Мраморный дворец, оставив Павловский старшему сыну Иоанну. На это были две причины: Павловск был майоратом, то есть владением, переходившим от отца к старшему сыну; кроме того, дворец надо было постоянно отапливать, чтобы не портился мрамор, а вдове, не очень уже молодой женщине, следить за этим было труднее, чем князю Иоанну.

Октябрь 1917 года застал семью в Петрограде. Вдова с детьми оставалась в Мраморном до лета 1918 года, пока на втором этаже главного флигеля дворца не разместился один из большевистских комиссариатов. Тогда-то Елизавета Маврикиевна и поняла: надо уходить. Но куда? Большинство старых знакомых, которые не раз были гостями великокняжеской семьи, боялись приютить ее с детьми. Ведь они – Романовы! Но в конце концов нашлись добрые люди – Жеребцовы, жившие через дом от Мраморного дворца, которые дали кров несчастной женщине с детьми. Многие в те дни говорили Елизавете Маврикиевне: ей, немке по рождению, опасно оставаться в России, охваченной войной и революцией, надо уезжать. Но она давно полюбила эту страну всем сердцем! Здесь она многие годы была счастлива в браке, родились ее дети… И она, мягкая и уступчивая по натуре, вновь и вновь повторяла слова своего горячо любимого покойного мужа: «Когда Россия в нужде, русский великий князь ее не покидает». И добавляла от себя: «И русская великая княгиня тоже…»

Но жить в Петрограде становилось все опаснее. Георгию исполнилось 15 лет, выглядел же он старше. В любой момент его могли мобилизовать в Красную Армию или… еще хуже. Однажды ночью к ним пришли с обыском. Нужно было срочно что-то предпринимать.

Но все образовалось само собой. Шведский посол Брандстрём привез письмо от королевы Виктории, с которой Елизавета Маврикиевна дружила, с приглашением выехать в Швецию. Оформить необходимые документы помогли сотрудники посольства и протестантский епископ в Петрограде Фрейфельд. Через полтора месяца Елизавета Маврикиевна вместе с Георгием, Верой и детьми Иоанна и его жены Елены Петровны, Всеволодом

и Екатериной, отправились на пароходе «Онгерманланд» в путешествие по Балтийскому морю. Их сопровождали ирландская бонна, управляющий двором великой княгини князь Шаховской с женой и камеристка Елизаветы Макрикиевны.

Каждый из пассажиров мог взять с собой один сундук с вещами, но вывозить из страны золото и серебро им запретили. На пристани внимательно осмотрели даже медную оправу очков маленькой княжны Веры. Там же какой-то незнакомец прошептал великой княгине по-французски, чтобы она не подписывала никакие бумаги: в них может быть ее смертный приговор. Пароход задержали из-за всех проволочек на два часа…

До Кронштадта их сопровождал какой-то комиссар. На следующий день в Ревеле поднялись на борт немецкого миноносца, который взял курс на Гельсингфорс. Вспоминает княжна Вера Константиновна:

> На следующий день на два часа остановились в Мариагамме. Туда приехал представитель генерала Маннергейма, президента Финляндской республики, чтобы говорить с матерью. В финских шхерах стоял густой туман, и мы вместо четырех дней шли восемь. Провизия портилась, котлеты были сладкие. Раз во время обеда поднялась суматоха: задели якорем электрический кабель. С нами в первом классе был советский агент. Мы его прозвали – по одежде – *Клетчатые Панталоны*. Он, не стесняясь, говорил за столом, что, мол, «если бы не убили товарища Урицкого, этих поганых Романовых никогда бы не выпустили».

Наконец миноносец вошел в порт Стокгольма, где путешественников встречал шведский кронпринц…

В те дни никто из беженцев не осознавал, как им несказанно повезло: они остались живы. А в России тем временем над многими из родных и близких нависла смертельная угроза.

В начале июня 1918 года члены большевистского правительства принимали решение о судьбе Романовых, которые находились под надзором.

Четыре месяца находился в ссылке в Перми великий князь Михаил Александрович (вместе с секретарем Н. Н. Джонсоном и несколькими верными слугами). Бывшего царя в конце апреля перевезли из Тобольска в Екатеринбург, и теперь вместе с семьей содержали фактически в тюремных условиях в доме, который экспроприировали у купца Николая Ипатьева. Шесть других членов императорской семьи – великий князь Сергей

Михайлович, великая княгиня Елизавета Федоровна, трое сыновей великого князя Константина Константиновича и сводный брат великого князя Дмитрия Павловича – князь Владимир Палей, были доставлены 20 мая 1918 года в Алапаевск, расположенный к северо-востоку от Екатеринбурга, по особому распоряжению Уральского совдепа.

Первой жертвой чекистов стал младший брат царя и Н. Н. (Брайан) Джонсон. Их расстреляли недалеко от Перми, в районе поселка Мотовилиха, в ночь с 12 на 13 июня 1918 года. 18 же июля в Екатеринбурге большевики казнили Николая II, его жену, детей и преданных слуг. А на следующий день в Алапаевске вместе с великой княгиней Елизаветой Федоровной были сброшены в шахту великий князь Сергей Михайлович, князья императорской крови Иоанн Константинович, Константин Константинович и Игорь Константинович Романовы. А вместе с ними – талантливый поэт, юный князь Владимир Палей.

Елена Петровна, супруга Иоанна Константиновича, последовала за мужем в ссылку. Каким-то чудом буквально накануне злодеяния, совершенного большевиками в Алапаевске, ей удалось получить разрешение навестить детей. Но в дороге ее арестовали, и несколько месяцев молодая женщина провела в тюрьме. Ее спасла протекция норвежского короля, который через Международный Красный Крест добивался возвращения на родину сербов, оказавшихся на территории Советской России. Елену Петровну переправили в Швецию, где находились ее родные. Первый вопрос, который она задала свекрови, едва переступив порог: «Где мой муж?» На следующий день ей открылась страшная правда: в одной из местных газет было напечатано сообщение о казни в Алапаевске.

Следующая трагедия, потрясшая семью, произошла в январе 1919 года. В Петропавловской крепости был расстрелян младший брат Константина Константиновича – великий князь Дмитрий Константинович, которого все дети в великокняжеской семье любовно называли «дяденькой». А вместе с ним, после ареста и пребывания в Доме предварительного заключения, и другие члены императорской фамилии: великие князья Павел Александрович, Николай и Георгий Михайловичи.

…По-разному сложились судьбы уцелевших после революции членов семьи великого князя Константина Константиновича. Великая княгиня Елизавета Маврикиевна оставалась вместе с младшими детьми в Швеции до 1920 года. Затем на некоторое время переехала по приглашению принца Альберта в Бельгию. В 1922 году ее брат, герцог Эрнст II Саксен-Альтенбургский, попросил ее вернуться на родину, в Германию. Там она и

скончалась в 1927 году.

Князя Гавриила, отсидевшего некоторое время в Доме предварительного заключения вместе с другими родственниками и долго болевшего, спасла, с помощью супруги Максима Горького актрисы Марии Андреевой, жена – Антонина Нестеровская. Вместе они выехали в Финляндию, а затем жили в Германии и Франции. Овдовев, Гавриил женился вторично на княжне Ирине Куракиной. На склоне лет он написал воспоминания «В Мраморном дворце».

Княжна Татиана, овдовев в 1915 году, поселилась вместе с детьми у любимого «дяденьки» – великого князя Дмитрия Константиновича. После революции разделила с ним ссылку в Вологде. Когда же большевики вернули ссыльных в Петроград, адъютант Дмитрия Константиновича – Александр Васильевич Короченцов – вывез княжну Татиану вместе с сыном и дочерью через Киев, Одессу и Бухарест в Швейцарию и все время о них очень заботился. Татиана вышла замуж за Короченцова, но семейная жизнь оказалась недолгой – через три месяца, в 1922 году, муж умер от паралича сердца. Когда сын и дочь выросли, княжна Татиана Константиновна постриглась в монахини и уехала в Иерусалим.

Князь Георгий – младший из сыновей Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны, умер молодым. На него, тогда еще мальчика, очень сильно подействовали революционные события в России, и он часто говорил матери и сестре, что не хочет жить и умрет молодым. Так и произошло: судьба отмерила ему лишь 35 лет.

Самую же долгую жизнь прожила младшая дочь великокняжеской четы – княжна Вера. По признанию вице-президента Нью-Йоркского объединения кадет А. Б. Йордана, «это была не только дочь великого князя. Это была женщина-патриот, она никогда не приняла иностранного гражданства. На всю свою жизнь она осталась русской». Последняя из Романовых, родившихся в России, княжна Вера скончалась в США 11 января 2001 года в возрасте 94 лет.

Поэт К. Р. умер в расцвете своего таланта, всего на полгода пережив любимого сына, князя Олега. Но как знать, возможно, судьба и пощадила его: ведь он не узнал о гибели трех своих сыновей. Проживи он на несколько лет дольше, и страдания были бы безмерны… Да и самого великого князя вряд ли бы пощадила новая власть, провозгласившая высшим нравственным мерилом «диктатуру пролетариата».

После октября 1917 года имя великого князя Константина

Константиновича, его заслуги перед русской культурой были преданы забвению. На долгие годы, десятилетия. К счастью, сейчас его стихи, пережив лихолетье, возвращаются к нам. И в этом – высшая справедливость.

notes

Примечания

1

Все даты до 1918 года указаны в соответствии с юлианским календарем (старый стиль), до введения Декретом Совнаркома григорианского календаря (новый стиль), согласно которому начиная с 1918 года после 31 января следовало 14 февраля. – *Примеч. авт.*

2

Мариинская водная система (ныне Волго-Балтийский водный путь) соединяет бассейн Волги с Балтийским морем. – *Примеч. ред.*

3

Палаш был частью офицерской парадной формы. При движении ножны били по ноге и издавали характерный звук. – *Примеч. ред.*

4

Имеется в виду итальянский живописец эпохи Возрождения Пьетро Перуджино. – *Примеч. ред.*

5

Петр I Петрович Негош (1748–1830), митрополит Цетинский, правитель Черногории; святитель, чудотворец. – *Примеч. ред.*